

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Иранская ядерная проблема

А.ИСАКОВ

**Терроризм
и вооруженная борьба**

В.МАЗЫРИН

**Госсектор
в экономике Вьетнама**

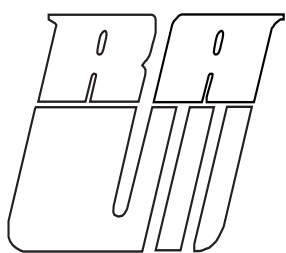
В.ГАЛИЦКИЙ

**Радикализация ислама
на Юге России**

А.ГУСЕВ

**Экологическая
политика Евросоюза**

**Международные координаты иберийской
идентичности**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Куда идет человечество?

6

Е.Бажанов, Н.Бажанова

В третьей части своего эссе авторы указывают, что, помимо США, еще одним кандидатом на глобальное лидерство на рубеже веков выступил Китай, который на протяжении последних трех десятилетий стремительно накапливает совокупную мощь. И хотя Пекин ведет себя корректно, клянется в отсутствии гегемонистских стремлений, но, тем не менее, в окружающем мире пошли разговоры о необходимости сдерживания “желтого дракона”.

Узел напряженности начал затягиваться и вокруг России по мере того, как она встает на ноги и демонстрирует стремление к восстановлению сферы своего влияния, прежде всего на постсоветском пространстве, да и в мире в целом. Появляются и другие претенденты на роль самостоятельных полюсов в мировой политике: Индия, объединенная Европа и т.д.

В результате, делают выводы авторы, мир в очередной раз двинулся к многополюсности. Суть этого объективного процесса – в быстром изменении баланса сил, что всегда чревато дестабилизацией и конфликтами. Опасение вызывает и то, насколько стабильной и гармоничной будет новая многополюсная система после ее установления.

Терроризм и вооруженная борьба

18

А.Исаков

Проведя небольшой экскурс в историю терроризма, автор рассматривает такие его виды, как государственный терроризм, оппозиционный и международный терроризм, а также создание и использование террористами незаконных вооруженных формирований (НВФ) в борьбе за власть в гражданских войнах. Автором аргументирован и вывод о возможностях террористов в современных условиях возглавить вооруженную борьбу за завоевание политической власти.

Правовые основы регулирования вооруженного конфликта немеждународного характера

26

Н.Остроухов

Рассматривая развитие процесса создания норм международного права, призванного регулировать отношения, порождаемые ситуацией внутреннего вооруженного конфликта, автор анализирует дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. о защите жертв вооруженного конфликта немеждународного характера (Протокол II) и на этой основе выявляет определенные особенности военного конфликта немеждународного характера.

В статье также дифференцируются понятия внутренней напряженности и внутреннего военного конфликта.

Радикализация ислама на Юге России

35

В.Галицкий

Статья посвящена эволюции развития радикального ислама на территории Южного Федерального округа Российской Федерации. В ней рассматриваются причины радикализации ислама в регионе и предлагаются пути сдерживания этого процесса.

Философские подходы стран Запада к национальной безопасности

47

В.Климова

Определяя философские подходы стран Запада (главным образом Франции и США) к национальной безопасности, автор выделяет и рассматривает концепции “евроцентризма”, “атлантизма”, “унилатерализма” и “мультилатерализма” и их роль в различных моделях национальной безопасности.

Формирование экологической политики Европейского союза

56

А.Гусев

Указав, что в настоящее время сохранение окружающей природной среды является важнейшим направлением деятельности Европейского союза, автор рассматривает принципы, механизмы и инструменты экологической политики ЕС и делает вывод о том, что Европейский союз является мировым лидером в проведении экологической политики и успешно решает многие экологические проблемы по сохранению окружающей природной среды на континенте, используя многочисленные и достаточно эффективные механизмы ее реализации.

Международные координаты иберийской идентичности

64

К.Федоров

Указав, что современные процессы глобализации размывают ценность национальных государств и побуждают их к поиску путей и методов противостояния универсалистским тенденциям, автор на основе анализа культурной и экономической составляющих внешней политики европейских стран определяет роль Испании и Португалии в системе международных отношений. Кроме того, автор уделяет внимание политике иберийских государств в Средиземноморском регионе, а также развитию их отношений с США.

Трансформация политического процесса в Грузии

75

Р.Леков

В статье раскрывается динамика политического процесса в современной Грузии. Особое внимание уделяется трансформации политической системы Республики.

Автор также анализирует реформу системы выборов, в контексте которой рассматриваются итоги наиболее значимых избирательных компаний.

Госсектор в экономике Вьетнама

86

В.Мазырин

На фоне мирового кризиса анализируется участие государства в многоукладной экономике страны и процесс преобразования госсектора, рассматриваются проблемы акционирования госпредприятий и становления корпораций. Выдвигается тезис о создании во Вьетнаме государственного капитализма и корпоративной системы.

Возможное решение иранской ядерной проблемы

94

В.Мизин

Статья посвящена одной из самых острых и сложных проблем современных международных отношений – ядерной программе Ирана и комплексу взаимоотношений ведущих государств мира в этом контексте. Автор предлагает новый подход, продвигая который российская дипломатия могла бы способствовать урегулированию этой непростой проблемы мировой политики.

Региональная политика Катар и связи с Россией

102

Э.Касаев

Подробно анализируя процесс становления суверенного катарского государства и динамику его отношений с различными государствами-соседями, а также Россией, автор указывает на особую значимость этой монархии на политической арене, прежде всего в вопросах международного энергетического сотрудничества.

Г.К.Жуков: военные кадры – основа обороноспособности страны

108

В.Афанасьев, М.Тихонов

Рассматривая вопросы подготовки военных кадров оперативно-стратегического звена накануне и во время Великой Отечественной войны, авторы, ссылаясь на взгляды и отношение к этой проблеме маршала Г.К.Жукова, считают, что опыт подготовки военачальников в тот период должен быть использован и в настоящее время.

США и арабо-мусульманский мир

121

А.Бакланов

Рецензируя книгу известного российского ученого и дипломата А.И.Вавилова “Политика США в мусульманском мире”, автор указывает, что пример арабских стран позволяет достаточно точно взвесить итоговые параметры взаимодействия Вашингтона с арабскими и исламскими странами как в политической, так и в экономической, в том числе энергетической, сфере.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИД-ЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯИС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ХМЫРОВ Ю.Н.; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП НИКИЭТ им. Н.А.Доллежала, доктор технических наук
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей правительства Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Куда идет человечество?*

О тенденциях международных отношений в XXI веке

Евгений Бажанов
Наталья Бажанова

Взлет “желтого дракона”

В этот период стали обозначаться контуры еще одного узла в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Там уже на протяжении 30 лет стремительно накапливает совокупную мощь Китай.

У Поднебесной много козырей:

- колоссальное население;
- присоединение к КНР в 90-х годах “малых азиатских драконов” Гонконга и Макао;

- все более тесная экономическая привязка к материковому Китаю преуспевающего Тайваня и многочисленной (80 млн. чел.) диаспоры в различных районах земного шара;

– беспрецедентные традиции государственности и лидерства (Китай существует четыре тысячи лет и из них более трех тысяч лет доминировал над окружающими народами).

В КНР проживает свыше 1300 млн. чел., в то время как в России менее 140 млн. чел.

Средние темпы роста китайской экономики составляют 9%.

Доля КНР в мировом ВВП выросла до 16%, и по этому показателю Китай уступает только США.

В обозримой перспективе КНР может превратиться в страну с самой большой в мире экономикой.

БАЖАНОВ Евгений Петрович – проректор Дипломатической академии МИД России по науке и международным связям, Заслуженный деятель науки России, доктор исторических наук, профессор.

БАЖАНОВА Наталья Евгеньевна – доктор экономических наук, профессор.

Ключевые слова: Китай, модернизация, совокупная мощь, центр силы, гегемонизм, конфуцианство, “желтый дракон”, возрождение России, движение к многополюсности, баланс сил, сверхдержавы.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 6, 7.

Китайцы отстают в военной сфере – их ракетно-ядерный арсенал насчитывает всего лишь около 100 зарядов, но в последние годы Пекин активно наращивает и модернизирует все компоненты оборонного потенциала, в том числе и ядерные силы.

Следует учитывать и то, что на современном этапе, когда в мире нет глобальной конфронтации, роль военной составляющей в совокупной мощи государства менее важна.

Правда и то, что Китай испытывает определенные трудности во внутреннем развитии:

- неэффективный государственный сектор промышленности;
- неравномерность развития различных регионов;
- слабая финансовая система;
- высокий уровень безработицы, социальное расслоение;
- коррупция и т.п.

Тем не менее, в целом Китай продолжает на всех парах двигаться вперед по пути экономического прогресса, сохраняя политическую стабильность.

Важно и то, что у китайцев, после во многом неудачного XX столетия, когда иностранные державы зачастую помыкали Срединной империей, вновь проснулся инстинкт величия. И появилась непоколебимая уверенность в собственных силах. В первой половине 80-х годов китайские политические деятели жаловались, что живут под дамокловым мечом советской угрозы.

Для образности речи говорили даже, что “не спят от страха по ночам, а днем не могут кушать, ибо палочки для еды не слушаются их дрожащих рук”. Сейчас те же политики в частных беседах заявляют, например, что им безразлично, кто является президентом России, ибо “никакой российский политик не посмеет выступить против КНР”.

Один китайский чиновник, разъясняя разницу между регулярной китайской армией и народным ополчением в провинции Чжэцзян, заметил: “Ополчение гораздо слабее, чем регулярные войска, но, разумеется, сильнее российской армии”.

Другой чиновник из провинции Фуцзянь, что напротив о-ва Тайвань, так ответил на вопрос о том, страшно ли было во времена эскалации напряженности в Тайваньском проливе весной 1996 г.: “Страшно было американцам; они послали к берегам Тайваня авианосцы, понимая, что если начнется заваруха, то мы не только мокрого места не оставим от этих кораблей, но пощекочем нервы всей Америке”.

Великодержавные планы не афишируются в Китае на официальном уровне. Напротив, китайские лидеры всячески подчеркивают, что КНР пока всего лишь одно из развивающихся государств, все еще сравнительно слабое и отсталое, и что даже когда Китай станет по-настоящему могущественным и богатым, он не будет стремиться к гегемонии, к контролю над другими народами. Проводится мысль, что КНР готова учиться у стран Азии, Африки и Латинской Америки.

С начала 80-х годов Пекин отказался от союзов с крупными державами, ссылаясь на то, что такая стратегия в прошлом ставила китайцев в подчиненное положение по отношению к партнерам (СССР, позднее США), лишала их самостоятельности, возмощей для маневра, вынуждала следовать чужим интересам, предавая забвению собственные.

Китай неизменно придерживается открытой гибкой линии, позволяющей сотрудничать с различными государствами и блоками государств, оставляя в то же время свои руки свободными.

Президент Казахстана Н.Назарбаев как-то спросил высшего китайского руководи-

теля, каковы у КНР отношения с США. Тот ответил: "ВВП Соединенных Штатов гораздо больше, чем у Китая, поэтому мы будем делать все, чтобы поддерживать с Вашингтоном хорошие отношения".

Вот такой мудрый прагматизм.

Тем не менее, подспудно, на теоретическом уровне в Поднебесной уже прорабатывается тема китайского величия и потенциального лидерства в мире.

В статьях журналистов, и особенно ученых все чаще встречается тезис о том, что великому Китаю уготована сия роль в XXI столетии.

Утверждается, например, что Китай – это та сила, которая помогла "третьему миру" "встать во весь рост и бросить вызов богатым странам", что "в XXI столетии центр тяжести человечества переместится в Азию, где будет возвышаться исполинский Китай".

Проводится мысль о необходимости для Китая участвовать в обсуждении и решении всех животрепещущих проблем современности в ООН, присутствовать на пяти континентах и влиять на события там, во всем и всегда иметь собственное, независимое мнение, обладать наравне с другими великими державами ядерным потенциалом, догнать наиболее развитые государства по основным показателям совокупной мощи.

Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то здесь доминирующая роль КНР в XXI столетии преподносится как нечто само собой разумеющееся, вытекающее из факторов исторического, географического, демографического, экономического, культурного, военного характера.

Бросается в глаза и эскалация амбициозности сторонников конфуцианства в китайской научной среде. Они все чаще заговаривают о том, что конфуцианские идеи необходимы не только Китаю, но и другим странам, всему че-

ловечеству. Лишь эта древняя идеология способна, мол, спасти человечество от технизации и моральной деградации, от войн и религиозно-этнических конфликтов, научить всех людей и все государства жить по совести, мирно и взаимовыгодно взаимодействовать друг с другом.

Подобные претензии подкрепляются примерами изъявления почтения к конфуцианству со стороны иностранцев, зачастую придуманными самими же китайцами.

Цитируется, например, английский историк Арнольд Тойнби, который якобы когда-то сказал: "Перспективы человечества печальны, если китайская культура не сменит западную в качестве путеводной звезды человечества".

Тойнби приписывается и такое высказывание: "XIX век был веком Англии, XX век – американским, а XXI столетие станет столетием Китая".

Авторство предсказаний ведущей роли конфуцианства в мире присваивается многим другим западным интеллектуалам.

В КНР, например, постоянно ссылаются на некое заявление 74 лауреатов Нобелевской премии, сделанное в 1988 г. в Париже, суть которого сводится к следующему: если человечество хочет жить в XXI в. в мире и процветании, то оно должно обратить свой взгляд в прошлое и искать мудрости у Конфуция.

Утверждается, что ЮНЕСКО официально провозгласило Конфуция одним из десяти величайших деятелей мировой культуры.

К возвеличиванию конфуцианства привлекаются и имена гигантов прошлого – от Л.Толстого до Лейбница. И они, в отличие от обывателей, дескать, понимали, что Китай не больной Азии, а будущий спаситель человечества. Превратно, во славу Китая, толкуются даже высказывания Гегеля, ко-

торый на самом деле весьма скептически отзывался о достижениях китайской культуры.

А вот современникам, которые хоть как-то ставят под сомнение совершенство и перспективность цивилизационных установок Поднебесной, китайские ученые дают отпор.

Ожесточенно критикуется, например, С.Хантингтон за его теорию грядущего столкновения цивилизаций.

Ученый осуждается за то, что не осознал потенциала конфуцианства, его способности адаптироваться к требованиям глобализации, сформировать этику восточноазиатской постиндустриальной эпохи и внедрить идеалы “золотой середины” и гармонии в междоцивилизационные и межгосударственные отношения.

Предлагая конфуцианство в качестве идеологической основы развития человечества в XXI в., китайские обществоведы отмечают его толерантность, синкретическую направленность, терпимость к плюрализму, высокие и проверенные временем этические установки.

Китайские коллеги, убеждая нас в своей правоте, восклицают: ведь никто больше в мире не смог создать концепцию цивилизационной гармонии и реализовать ее на практике! Только китайцы, опираясь на Конфуция, это сделали!

Возрастание мощи и амбиций Китая порождают в окружающем мире

опасения, страхи и, как следствие, разговоры о необходимости сдерживания “желтого дракона”.

И эти настроения можно уловить на уровне Дипакадемии в ходе контактов с иностранными представителями.

Как-то мне нанесли визит вьетнамские дипломаты.

Они похвалили японцев за должное внимание к военно-морским приготовлениям КНР и одновременно упрекнули Россию за недооценку важности данной проблемы. Заодно дипломаты просветили меня в том, что в древности все земли к югу от реки Янцзы (протекающей по центру КНР) принадлежали Вьетнаму и что Великую китайскую стену построили в III столетии до н.э. вьетнамские архитекторы.

Японцы, которые еще недавно били тревогу по поводу чрезмерной активности России на Дальнем Востоке, ныне сетуют, что мы там слишком пассивны. Когда интересуешься, что от нас требуется, слышишь призывы согласовывать усилия по сдерживанию “Срединной империи”.

Американские ученые регулярно журят нас за близорукость в отношении взлета китайской мощи.

Южнокорейцы, которые до недавнего времени в основном нахваливали Китай за его реформы и успехи, тоже заговорили о потенциальной китайской угрозе.

Эта тема муссируется в Индонезии, Малайзии, Таиланде, других странах АТР.

Российский и другие полюсы

В последние годы узел напряженности стал затягиваться и вокруг России.

На первых порах после распада СССР Россия была слаба, и к ней относились на Западе благодушно: хвалили и жалели, “гладили по головке”, обещали помощь и иногда предоставляли ее.

Но российское государство и россияне не собирались мириться с ролью

второразрядных субъектов международной жизни. В принципе то, что Запад желал россиянам, мы желали сами себе – создать в нашей стране здоровую демократию и процветающую рыночную экономику. Так что речь не шла, как в прошлом, в коммунистические времена, о навязывании нам из-за кордона чуждой идеологии.

Проблема состояла в другом: Россия, заимствуя западную модель разви-

тия, не хотела при этом превращаться в младшего партнера Вашингтона, войти в зону его влияния.

Но способно ли было российское государство вернуть себе “сверхдержавный статус”?

Ведь по своей совокупной мощи оно спускалось все ниже. Тем не менее, основания для оптимизма все же оставались.

Россия не впервые в своей истории попала тогда в сложное положение.

Достаточно вспомнить период большевистской революции и последовавшей затем Гражданской войны.

Мы сетовали в 90-х годах, что наше государство ослабло. Но в 1918–1920 гг. вообще не было единого российского государства. Империя Романовых распалась на противостоявшие друг другу лагеря, большевики засели в Петрограде, Деникин окопался на юге, Колчак хозяйничал в Сибири и т.д.

Нам было печально, что Россия переживает полосу жесткого социально-экономического кризиса. Но в революционную эпоху экономики просто не существовало, не говоря уже о каких-то социальных благах. Люди не работали, а убивали друг друга.

Еще одним фактом современной жизни являлось снижение веса и роли Москвы в международных отношениях.

Но было ведь гораздо хуже.

После 1917 г. Россию просто перестали считать субъектом международного права, и по ее территории бродили армии оккупантов: англичан, французов, немцев, японцев, американцев и прочих, многие из которых ставили перед собой четкую цель аннексировать ту или иную часть рухнувшей империи.

И, несмотря на такие перипетии судьбы, Россия быстро встала на ноги и уже через каких-то три десятка лет превратилась в сверхдержаву, которая в тандеме с США доминировала в мире.

Растеряла ли современная Россия те “козыри”, которые позволили СССР набрать мощь и стать лидером?

Нет, не растеряла, таких “козырей” стало даже больше.

У России огромная территория и расположена она в “сердцевине” самой важной части мировой цивилизации, Евразии, охватывающей Европу и Азию.

Россия располагает уникальной кладовой природных ресурсов. Причем эти ресурсы сосредоточены в Сибири и на Дальнем Востоке, в непосредственной близости к рынкам сбыта, которые особенно в них нуждаются (Китай, Япония, Корея, страны АСЕАН).

Следующий “козырь” России – это ее интеллектуальный потенциал, которого у СССР в 20-х годах не было. Наша наука, несмотря на переживаемые трудности, была способна сохранить лидирующие позиции.

Важнейшее значение имеет российское военное могущество.

Большевики воссоздавали державу в условиях постоянной и нараставшей угрозы извне, которая, в конце концов, реализовалась в виде тотальной агрессии, массового уничтожения наших граждан, разрушения экономического потенциала страны.

Ныне же и в обозримой перспективе ни одна крупная внешняя сила не в состоянии угрожать существованию российского государства, ибо оно обладает мощнейшим ракетно-ядерным “кулаком”. Да никто из современных держав и не демонстрировал намерения на нас нападать, напротив, России даже помогли выйти из кризиса.

Заслуживало внимания и следующее обстоятельство. Большевистское правительство выбрало далеко не самую эффективную из известных стратегий развития, она-то, в конечном счете, и привела страну в тупик.

Новая стратегия, нацеленная на построение рыночной, открытой экономики, выглядела гораздо перспективнее.

Другое дело, что в 90-х годах не удавалось создать работающую рыночную модель, но ведь рано или поздно должно было получиться. Получилось же у Западной Европы, Японии, Южной Кореи, Тайваня, получалось у КНР и многих других государств.

Примечательно также то, что ни распад СССР, ни экономический упадок, ни социальные невзгоды, ни межэтнические противоречия, ни потеря союзников не изменили психологии россиян – они в своем большинстве страстно желали, чтобы Россия возродилась в качестве великой державы. Подобного настроения не было, пожалуй, больше нигде. Даже в США тема американского величия не волновала столь широкие массы людей.

Великодержавные тенденции стимулировались тем, что Индия, Ливия, Куба и десятки других стран проявляли заинтересованность в активности российской дипломатии.

Что особенно впечатляло Кремль, так это позиция тех режимов, которые не питали к СССР добрых чувств.

Израиль, Саудовская Аравия, Оман, Аргентина, Малайзия и другие подчеркивали важность России как противовеса слишком возросшему влиянию

США, как посредника в урегулировании региональных конфликтов.

В возрождении величия Москвы существовала, очевидно, и объективная потребность – без ее стабилизирующей роли бескрайние просторы постсоветского пространства в долгосрочной перспективе были обречены на хаос и отсталость. Из-за экономической взаимозависимости, перемешанности населения, культурных традиций, потребностей обеспечения безопасности независимые республики тянулись к России, как Франция или Мексика тяготеют к США (сколько бы французы или мексиканцы ни поносили американцев за всевозможные прегрешения).

И Россия, как известно, сумела в первом десятилетии XXI столетия встать на ноги, набрала экономический и геополитический вес.

По мере усиления российского государства, демонстрации им стремления к восстановлению сферы своего влияния на постсоветском пространстве и в мире в целом некоторые наши соседи и государства Запада озаботились идеей противодействия планам (реальным и мнимым) Москвы.

Кроме США, Китая и России появились и другие претенденты на роль самостоятельных полюсов в мировой политике: Индия, объединенная Европа, в более дальней перспективе АСЕАН, Япония, Иран, Турция.

Движение к многополярности

Таким образом, мир в очередной раз двинулся к многополярности. С одной стороны, этот процесс естественен, ибо отражает волю реальных и потенциальных центров силы. Вместе с тем, переходный период таил в себе немало опасностей. Его суть – в быстром изменении баланса сил, а это, согласно закономерностям политологии, всегда грозит вызвать дестабилизацию и даже конфликты.

Вспомним в этой связи о выводах древнегреческого ученого Фукидида (471–400 гг. до н.э.).

Во время 28-летней войны между демократическими Афинами и тоталитарной Спартой Фукидид был произведен в генералы афинской армии, но не проявил себя как военачальник. Его разжаловали и отправили в ссылку на 20 лет. Оказавшись не у дел, Фукидид решил заполнить свое существование

изучением мотивов и причин продолжавшейся войны.

В итоге Фукидид написал много томный труд “История Пелопонесской войны”, который, на первый взгляд, кажется историческим, но, по сути, является первым в мире и при этом выдающимся политологическим анализом, базовой работой по теории международных отношений.

“История Пелопонесской войны” представляет собой исследование закономерностей борьбы за военное и политическое лидерство. Фукидид изучал исторический материал с тем, чтобы он послужил путеводителем для будущих поколений политиков, стратегов, ученых.

Рассматривая глубинные причины затяжного конфликта в Древней Греции, Фукидид пришел к выводу, что они заключались не в разных политико-идеологических системах Афин и Спарты, не во взаимных обидах, не в ошибках лидеров, хотя все эти факторы тоже способствовали развязыванию войны.

По словам Фукидида, “что сделало войну неизбежной, так это рост афинского могущества и страх, который породил данный процесс в Спарте”¹.

Таким образом, фундаментальной причиной войны был страх, связанный с изменением баланса сил.

Спарта испугалась, что теряет доминирующие позиции в эллинистическом мире, и предприняла контрмеры, чтобы увеличить свою военную мощь и заручиться поддержкой союзников.

Афины ответили той же монетой – принялись укреплять собственные военно-политические позиции.

Итог был до боли знакомый по всем последующим событиям всемирной истории: гонка вооружений, взаимное сдерживание, военные альянсы, дипломатические ходы, стратегические построения, забота о чести и имидже

государства, анализ сильных и слабых сторон противника и неумная жажда установления выгодного для себя баланса сил. А в конце концов – война, растянувшаяся более чем на четверть века.

Такое раз за разом, повторялось в человеческой истории.

Как только власти одного государства начинали испытывать страх, что баланс сил меняется в пользу традиционного соперника, они тут же бросались исправлять положение, чем немедленно порождали подозрения и страхи в противоположном стане.

В работе Фукидида Афины и Спарту можно легко заменить Англией и Францией в XVII и XVIII столетиях, Наполеоном и остальной Европой в начале XIX в., Германией и Великобританией после франко-прусской войны 1870–1871 гг., Советским Союзом и Соединенными Штатами в 50-х – 80-х годах XX столетия.

Во всех перечисленных случаях страх перед меняющимся балансом сил был главным фактором, провоцировавшим гонку вооружений и конфронтацию.

Страх при этом рассматривается не как выражение человеческой природы, а как категория в сфере международных отношений. В мире, где нет центральной власти, верховного арбитра, писал Фукидид, “сильный делает то, что в состоянии делать, а слабый соглашается с тем, с чем вынужден соглашаться”¹.

В современном мире теория баланса сил не потеряла актуальности.

В результате распада Советского Союза и затяжного кризиса в постсоветской России в Восточной Европе образовался вакуум, который США начали заполнять. Цель Соединенных Штатов была та, которая и должна появиться в данной ситуации в соответствии с закономерностями политологии, – расширение сильным собствен-

ной сферы влияния настолько, насколько позволяют обстоятельства. Соединенным Штатам безопаснее, удобнее и выгоднее, чтобы Польша, Венгрия, Чехия и другие восточноевропейцы тесно сотрудничали с ними и входили в союзы и организации, подконтрольные Вашингтону.

Политика расширения НАТО – продукт такой логики.

Но у России совсем иная логика, что тоже вполне естественно.

Москва полагала, что после окончания холодной войны мир останется bipolarным. Изменится лишь то, что два лидера, Россия и США, перестанут беспрерывно конфронтировать между собой и начнут дружно руководить человечеством. И вот, выясняется, что Вашингтон не желает соблюдать привычный баланс, он вторгается в традиционную сферу влияния России и превращает ее в свою собственную вотчину.

У россиян вначале возникло ощущение, что их обманул и предал заокеанский стратегический партнер. Постепенно нарастали опасения, что Россию хотят лишить статуса великой державы, спустить ее до уровня второразрядного государства, изолировать от остальной Европы, оказывать на нее давление.

Для предотвращения неблагоприятных геополитических сдвигов Россия принимает контрмеры. Она притормаживает полное энтузиазма сотрудничество с Западом и провозглашает новую сбалансированную внешнеполитическую линию.

Суть этой линии заключается в следующем: у России нет врагов, она может и должна сотрудничать с большинством стран, особенно с соседними; но Москве не следует “склоняться” в ту или иную сторону в силу своего географического положения, размера, мощи,

истории. Россия должна поддерживать сбалансированные отношения с Западом, Востоком и Югом.

В Кремле стали подчеркивать, что “надо проводить диверсифицированную, активную политику по всем азимутам, где затрагиваются интересы России, – это просто жизненная необходимость для того, чтобы создать наилучшие условия для внутреннего развития – более динамичного, более эффективного в нашем изменяющемся мире”².

В рамках обновленной стратегии Москва пошла на восстановление связей с бывшими друзьями и союзниками СССР в “третьем мире”, начиная с Индии и Вьетнама и кончая Ираком и Ливией. Стала искать геополитическое взаимопонимание со странами, отвергающими американский диктат, – Китаем, Ираком. Наряду с этим Россия провозгласила СНГ зоной своего преобладающего влияния и энергично взялась за всестороннее, в том числе военное, интегрирование постсоветского пространства под своим руководством.

И тогда уже наступила очередь американцев испытывать опасения и предпринимать контрмеры. Ведь они не имели в виду изолировать Россию и оказывать на нее давление. Они лишь хотели заманить бывшего противника в холодную войну в “стержневую” зону, то есть свой лагерь. И Москва вроде бы двигалась в правильном направлении, но затем, вдруг, остановилась на полпути, и, более того, зачем-то принялась восстанавливать собственную зону влияния. Тем самым, Россия стала возводить помехи на пути вхождения в “стержневой” лагерь других бывших советских республик. А их Вашингтон тоже желал видеть в своем лагере, особенно большую Украину, богатые нефтью прикаспийские государства.

Соединенные Штаты активизировали внедрение в постсоветское про-

странство, все интенсивнее “работали” с членами СНГ, стремясь нейтрализовать интеграционные процессы внутри этой организации, охладить интерес новых независимых государств к союзу с Москвой, подтолкнуть их в сторону западных союзов и организаций. Вашингтон не упускал из поля зрения и Россию, полагая, что если это удастся, тогда и ей ничего, мол, не останется, как присоединиться к “стержневому” лагерю.

Для россиян же вывод из всего происходящего был однозначен – от нас отрывают земли, лишают друзей, ресурсов, окружают, чтобы в случае необходимости начать окончательное “удушение” России. В результате Москва потеряла всякое доверие к Вашингтону, все чаще недвусмысленно противостояла ему как на постсоветском пространстве, так и вне его.

Америка, полагаящая себя бесспорным и признанным лидером свободного мира, взяла на себя функции блюстителя порядка, приводящего в чувства “злых нарушителей закона” (Ирак, Иран, Югославия и т.п.). Вашингтон был уверен, что защищает интересы союзников, друзей, всего человечества, ибо, например, обладание Саддамом Хусейном ядерным оружием рассматривалось в США как глобальная угроза. А противодействие Белграда сепаратистам в Косово как подрыв устоев “стержневого” лагеря в Европе.

Россия же видела в действиях Соединенных Штатов не что иное, как попытку единолично командовать миром. Сегодня американцы преподают уроки Ираку и Югославии, а завтра им вздумается наказать Москву за то или иное проявление “непослушания”.

И вновь в России возникали реальные опасения, спровоцированные нарушением прежнего баланса сил, при ко-

тором США не позволяли себе подобных вольностей.

Негативная реакция Кремля на силовые акции в отношении Ирака и Югославии порождала встречные опасения США, что Россия возвращается на конфронтационные позиции, что она не только не является американским стратегическим партнером, но и противодействует защите интересов “стержневого” лагеря.

Такие действия России вкупе с неясными перспективами эволюции российского общества, ростом националистических настроений в нашей стране, вызвали в Вашингтоне нарастающее беспокойство по поводу того, что Россия может погрузиться в хаос и тем самым создать угрозу безопасности потенциальным “стержневым” государствам. Или же в Москве к власти прорвутся агрессивно-националистические круги, которые бросят вызов самому суверенитету кандидатов на “стержневой” статус со всеми их нефтяными и прочими богатствами.

Опасения заставляли США интенсифицировать противодействие России.

Россия реагировала аналогичным образом.

В результате возникал типичный заколдованный круг, когда каждой стороне кажется, что она лишь отвечает на опасные действия другой, и остановить процесс взаимного сдерживания становится все сложнее.

На Востоке тоже менялся баланс сил, но уже не в пользу США.

Там американцы с тоской взирали на подъем китайского гиганта. Проводящий самостоятельную внешнюю политику, да к тому же отказывающийся демократизироваться Китай оказывал все большее экономическое и политическое влияние на соседние азиатские

государства. Главные американские союзники на Дальнем Востоке Япония и Южная Корея уже имеют больший товарооборот с КНР, чем с США.

А тайский дипломат недавно заметил в беседе со мной: "Наш премьер раньше начинал день с чтения газеты "Нью-Йорк таймс", теперь вначале ему докладывают содержание газеты "Жэньминь жибао".

Пекин жестко отстаивал свои позиции по Тайваню, нефтеносным районам в Южно-Китайском море, военным приготовлениям Японии и другим проблемам. Одновременно КНР модернизировала вооруженные силы, получая передовую военную технику из России, осуществляла экспорт ракетного оружия в страны-"изгои" типа Ирана, Ливии и т.п.

Вашингтон рассматривал действия КНР как вызов военно-политической и экономической гегемонии "стержневого" лагеря в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как следствие, политика США в отношении Китая включала в себя элементы сдерживания и давления.

Пекин реагировал опять же согласно канонам классической политологии.

В КНР росли раздражение, подозрительность, страх и делался вывод: Америка лезет из кожи вон, чтобы не допустить усиления Китая. Именно под этим углом зрения стали оцениваться такие действия Вашингтона, как поддержка Тайбэя и продажа ему вооружений; ограничения на экспорт китайских товаров на американский ры-

нок; противодействие поставкам китайского оружия за рубеж.

Особое недовольство вызывали у китайских властей попытки американцев вмешиваться во внутренние дела КНР. В Пекине полагали, что за сепаратистами в Тибете и Синьцзяне стояли не только голливудские актеры, но и американские спецслужбы, официальный Вашингтон.

Китайские дипломаты и политологи отмечали, что действия США направлены на развал КНР. Сначала, мол, американцы способствовали распаду СССР, теперь вознамерились расчленить Китай. Нападки Соединенных Штатов на Пекин в связи с нарушением прав человека, притеснением антиправительственных религиозных организаций (типа "Фалунгун") расценивались как направленные на подрыв социалистического строя в КНР.

На юго-западном фланге аналогичное соперничество разворачивалось между КНР и Индией, подпитываемое появлением у Дели ядерного оружия. Элемент страха вновь мог омрачить российско-китайские отношения. Если бы Китай продолжал усиливаться, а мы ослабевать, то, в конце концов, любые действия КНР на международной арене и в адрес непосредственно России стали бы порождать в Кремле беспокойство — начиная с эмиграции больших количеств китайцев в пустынные регионы Сибири и Дальнего Востока и кончая укреплением позиций КНР в Центральной Азии.

Предположим теперь, что, в конечном счете, в XXI в. на международной арене сложится новый баланс сил, мир станет многополярным.

Будет ли международная система автоматически стабильной? Гарантий на сей счет нет, ибо мы не знаем, как поведут себя новые сверхдержавы.

Соединенные Штаты не идеальная сверхдержава, но хорошо изученная и предсказуемая. Из истории мы знаем, что Вашингтон, обладая монополией на ядерное оружие на первоначальной стадии холодной войны, не реализовал ее. На протяжении всей послевоенной истории США не пытались завоевать другие страны, а когда все же вмешивались в чужие дела, то под знаменем демократии. Конечно, тео-

рия не всегда совпадала с практикой – достаточно вспомнить вьетнамскую интервенцию Вашингтона 60-х – 70-х годов. Вместе с тем, Соединенные Штаты помогли вытеснить из экономического и социального упадка Западную Европу, некоторые азиатские государства.

А вот что можно ожидать от Японии в роли полновесного центра силы?

В прошлом, когда эта страна набрала военную и политическую мощь, то немедленно выплеснула ее на соседей в форме агрессий и геноцида. А как будет в следующий раз?

Следует, наверное, учитывать и то обстоятельство, что еще один кандидат в сверхдержавы – Китай в прошлые века, будучи на вершине могущества, не только рассматривал иностранные государства в качестве “варварских”, но и полагал их “вассалами” Срединной империи, то есть де-юре неравными, подчиненными Китаю. Даже когда ведущие западные державы уже начали вгрызаться в слабеющую Срединную империю, ее правители продолжали игнорировать реалии и поплевывать на “белых варваров”.

Характерный пример.

В архивах сохранилось послание императора Цянь Луна (1736–1795 гг.) английскому королю Георгу III, в котором, в частности, есть такие слова: “...Наша Поднебесная империя обладает всеми вещами в огромном изобилии, и не существует такого продукта, которого нельзя было бы найти в ее пределах. Поэтому нет никакой необходимости импортировать промышленные изделия внешних варваров в обмен на нашу продукцию.

Но поскольку чай, шелк и фарфор, которые производятся в Поднебесной, абсолютно необходимы европейским странам и вам, то мы разрешили, в знак особого расположения, чтобы иностранные компании были учреждены в Кантоне.

Таким образом... ваша страна воспользуется нашей добротой. Но ваш посол высказывает теперь новые просьбы, которые не учитывают принцип трона... осуществлять умиротворение варваров всего мира”³.

Далее в послании объясняется, что намерение Лондона учредить постоянное посольство в Пекине – это-де невероятная наглость. Таких, мол, “малых варваров”, как англичане, на свете пруд пруди, и если “всякая козявка”, поддавшись дурному примеру, возжелает иметь посла в Поднебесной, то во что империя превратится?

Богдыхан, однако, вновь подчеркнул свое особое расположение к “варварскому” королю Георгу III и выразил все-таки согласие на аккредитацию английского диппредставителя в Пекине при условии, что тот переоденется в китайские одежды, перейдет на местную пищу, выучит китайский язык, забудет родную речь, а главное – прекратит какие-либо контакты с Лондоном.

Среди западных предпринимателей в конце XIX в. ходил анекдот о том, что китайские власти долго отвергали предложение о прокладке железной дороги. При этом давали такое объяснение: под землей живет дракон, железнодорожные составы его растревожат, и он сотворит неимоверные беды.

Согласно другому анекдоту, китайцы не давали разрешения на движение пароходов по Янцзы, ссылаясь на то, что по берегам реки обитают обезьяны, которые будут забрасывать невиданные механические чудища камнями. Пострадают иностранные пассажиры и разразится нежелательный международный скандал.

Согласно другому анекдоту, китайцы не давали разрешения на движение пароходов по Янцзы, ссылаясь на то, что по берегам реки обитают обезьяны, которые будут забрасывать невиданные механические чудища камнями. Пострадают иностранные пассажиры и разразится нежелательный международный скандал.

Эти истории вполне могут быть правдивыми, и тогда они в очередной раз свидетельствуют не о невежестве китайцев, а об их пренебрежении к западной цивилизации. Чиновники Срединной империи в завуалированной форме издевались над “белыми варварами”.

Когда в середине XIX в. дело дошло до вооруженной агрессии англичан с юга, богдыхан квалифицировал вторжение как “бунт” и ввел должность военачальника, ответственного за “умиротворение белых варваров”.

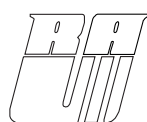
Сказанное выше отнюдь не является апологетикой однополюсного мира (*“Pax Americana”*) или попыткой возбудить недоверие к Японии, Китаю или любой другой потенциальной сверхдержаве. Мы лишь хотели обратить внимание на то, что логично и привлекательно звучащий призыв к многополюсности мира на практике очень непросто реализовать на пользу, а не во вред международным отношениям.

Примечания

¹ *Thucydides*. History of the Peloponnesian War. Trans. Rex Wanner. New York: Penguin Books, 1982. P. 49, 402.

² *Примаков Е.* Россия ищет новое место в мире // Известия. 1996. 6 марта.

³ Цит. по: *Бажанов Е., Бажанова Н.* Китай: каким быть социализму? // Глобус. 1989. № 1. С. 84.

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Терроризм и вооруженная борьба

Анатолий Исаков

В такой постановке вопрос давно не ставился, хотя попытки отдельных политологов подойти к его решению неоднократно предпринимались, особенно во второй половине XX в. Главное здесь состоит в том, чтобы выявить, насколько обосновано связывать такие явления, как терроризм с вооруженной борьбой, особым состоянием в жизни любого общества.

Постараемся проникнуть в суть затронутого вопроса более подробно, начав его с небольшого исторического экскурса в историю.

Генезис терроризма

Зарождение терроризма как явления произошло в рабовладельческом обществе. Он выступал там, как устрашение политических оппонентов насильственными методами, вплоть до физического устранения. Эти проявлялось, прежде всего, со стороны властей, вызывая определенную реакцию оппонентов. Проявления терроризма известны в греческих и римских республиках, в Индии, Китае и Среднем Востоке.

Физические расправы с оппонентами известны во времена Первого и Второго римских триумвиратов (60–53 и 43–36 г. до н.э.). Нерон, Сулла, Помпей, Красс, Цезарь и другие диктаторы

физически принуждали своих противников отказываться от задуманного.

Трагическим событием начала второго тысячелетия стал крестовый поход западных христиан на Ближний Восток (1096–1099 гг.). Известны также расправы инквизиции с народными массами в средние века в Германии и Испании.

Перечисленные факты говорят о раннем периоде развития **государственного терроризма**, который характеризуется исключительной жестокостью властей.

В этот же период зародился и **оппозиционный терроризм**.

Еще в рамках феодального общества создаются штатные организации,

ИСАКОВ Анатолий Исаевич – доктор военных наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ключевые слова: государственный терроризм, оппозиционный терроризм, вооруженная борьба.

руководимые крупными феодалами, которые широко практиковали убийства своих противников под флагом политической борьбы. Известна, например, такая организация, как ассасины, образовавшаяся в Иране в конце IX в. В основе ее деятельности лежали заказные убийства своих противников. Ассасинов можно считать одним из ранних представителей оппозиционного террора – неизменных спутников всех революционных потрясений XVII–XX вв. в Англии, Франции, Германии, а затем и в Российской империи, странах Латинской Америки и Африки.

С конца XIX в. терроризм (государственный и оппозиционный) все больше начинает использоваться как средство разрешения политических проблем межгосударственного масштаба. С этого времени, по словам югославского политолога В.Василиевича, его начинают использовать для “вмешательства в жизнь вне национальных границ”.

Уже во время якобинской диктатуры во Франции (1794–1795 гг.) терроризм становится постоянным инструментом политического развития основных государств мира. Происходит его глобализация. Иными словами, и государственный и оппозиционный терроризм, расширяет свои первоначальные рамки и становится неизменным спутником существования человеческого общества.

После поражения революции во Франции термин “терроризм” начинает обозначать преимущественно деятельность оппозиции.

Государство, как бы не замечая терроризма, исходящего от него самого, стало вести неприменимую борьбу с терроризмом, рассматривая его как незаконное насилие, присущее только деятельности оппозиции.

В XX в. появляется ряд террористов, проповедующих как государственный тер-

роризм (Л.Троцкий, Чан Кайши, А.Гитлер, Б.Муссолини, А.Пинночет, Пол Потт), так и оппозиционный (А.Гилян, Р.Дебре, У.Майнхоф, Усама бен Ладен).

К специфическим особенностям государственного терроризма этого периода следует отнести **использование властями негосударственных экстремистских организаций** различной идейно-политической направленности.

Если до Первой мировой войны терроризм считался в основном орудием преимущественно левых движений, то после нее он стал использоваться в качестве оружия устрашения и дестабилизации со стороны руководства ряда стран: Германии, Франции, Венгрии, Хорватии, Румынии, Австрии, Болгарии, Испании, Италии, Китая.

А с приходом к власти в ряде европейских государств фашистов терроризм стал использоваться ими как способ управления обществом и борьбы с оппозицией.

После Второй мировой войны терроризм, как государственный, так и оппозиционный, стал распространяться особенно быстро и принимать самые разнообразные формы от ужесточения внутригосударственных режимов до убийств и похищения людей.

Становление **международного терроризма** относится к 60-м – 70-м годам XX в. Основными факторами, способствующими распространению международного терроризма, считается образование единого экономического пространства, приоритет прав человека, научно-технический прогресс, образование общей транспортной системы.

В этот период всплески террористической активности оппозиции наблюдаются в Латинской Америке, Европе и Японии.

Наиболее организованные выступления террористов имели место в Италии, Испании и Германии.

Возросло число акций религиозного мотивированного терроризма, главным образом, с исламской окраской.

Так, в 1996 г. 64 из 96 наиболее известных террористических организаций были созданы на религиозной основе, из них 52 – на основе ислама.

Наблюдается **тесное переплетение интересов оппозиционных террористических организаций и иностранных спецслужб.**

В свою очередь **государственный терроризм стал прикрываться маской демократических преобразований.**

Все сказанное свидетельствует о превращении терроризма, как это утверждают такие политологи, как Ю.И.Авдеев, Ю.С.Горбунов, в глобальное явление, способное оказывать существенное влияние на тенденции мирового развития как политического, так и экономического характера.

Терроризм в его современном виде представляет известную угрозу для России. Главная его опасность по отношению к нашей стране заключается в возрастании использования иностранными государствами и их спецслужбами терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела России и

давления на нее (это можно наблюдать на примере событий на Северном Кавказе и вокруг него), в усилении стремления государств Запада к решению своих политических и экономических интересов в регионах, представляющих интерес для Российской Федерации (Крым, Кавказ, Каспий).

Таким образом, отличительными особенностями современного терроризма, по нашему мнению, являются:

- *во-первых*, его глобализация, что привело к резкому повышению уровня угроз терроризма для международной и национальной безопасности государств;

- *во-вторых*, стирание границ между внутригосударственным и международным терроризмом;

- *в-третьих*, увеличение удельного веса регионального, националистического и сепаратистского терроризма и расширение их социальной базы;

- *в-четвертых*, поддержка терроризма рядом иностранных государств и их спецслужб в борьбе против третьих стран;

- *в-пятых*, превращение терроризма в орудие развязывания современных войн и вооруженных конфликтов.

Военный аспект терроризма

Терроризм, располагая арсеналом средств насилия, то есть оружием, взрывчатыми веществами, ядами и психотропными препаратами, имеет много общего с вооруженной борьбой и основным ее проявлением – войной. Поэтому будут небезынтересно выявить, как взаимосвязаны эти два явления в современных условиях.

Основываясь на анализе генезиса терроризма, можно заключить, что на определенном этапе его развития, прежде всего в период глобализма, он может превратиться в рамках отдельных государств не только в серьезную

организацию, но и военную силу, способную вооруженным путем решать назревшие вопросы политического и экономического развития страны. Террористические организации в настоящее время способны контролировать территорию отдельных государств и регионов. Стала реальностью возможность законного прихода к власти в отдельных странах террористических организаций и экстремистки настроенных сил.

Налицо, таким образом, возможность ведения современных войн не только легитимными государствами,

но и странами, где к власти пришли террористические организации. Это в определенной степени меняет подходы к рассмотрению типов и характера войн современной эпохи.

Не вдаваясь в характеристику типов войн с военно-технической точки зрения, рассмотрим только их социально-политическую сторону.

В настоящее время в военной теории различают войны:

- между государствами различных социальных систем;
- между государствами одной социальной системы;
- гражданские;
- национально-освободительные.

Войны между государствами различных социальных систем могут возникнуть вследствие неразрешимых политических и экономических противоречий и носить крайне ожесточенный характер с применением всех известных средств вооруженной борьбы, вплоть до ядерного оружия. Цели этих войн прямо противоположны: государства-агрессоры будут стремиться добиться победы над противоборствующей стороной для изменения в ней политического строя, идеологии и овладения ее экономическими ресурсами; государства, подвергшиеся агрессии, будут вести войну за свою национальную независимость и государственный суверенитет.

Роль в этой войне террористических организаций будет незначительной и ограничится участием отдельных из них на стороне агрессора.

Войны между государствами одной социальной системы могут иметь место из-за передела сфер влияния, достижения политического и экстремистского диктата над противником, установления удобного государству-победителю государственного строя.

Роль террористических организаций в такой войне будут сведена к

частным акциям протеста и ослабления собственного государства.

Гражданские войны являются способом разрешения острых внутренних противоречий (социальных, национальных, религиозных и т.д.) между различными социально-политическими силами внутри страны, в том числе между законным правительством и террористическими организациями. В этом случае цель войны со стороны существующей власти будет заключается в том, чтобы сохранить существующий в стране общественный строй, не дать террористам посягнуть на ее экономические ресурсы и военный потенциал. Цель войны со стороны террористических организаций будет состоять в установлении в стране удобного им политического режима, слома существующей государственной машины, самостоятельного решения политических, экономических и идеологических вопросов.

Роль террористических организаций в этом случае будет заключается с консолидации их сил, создании органов управления и незаконных вооруженных формирований, осуществлении финансирования и материально-технического обеспечения.

Так, консолидация террористических сил предполагает объединение под единым руководством и на одной политической и идеологической основе всех организаций подобного рода, завоевание симпатий населения, создание благоприятного политического климата в стране.

Создание органов управления оппозиции (террористических организаций) имеет в виду своевременную подготовку и сколачивание оппозиционных органов управления в области общего руководства государством, его вооруженными силами, органами безопасности, правопорядка и экономики. Указанные органы управляемая должны быть спо-

способны к моменту завоевания власти в стране руководить всем государственным механизмом сверху донизу. Это предполагает заблаговременное изучение и подбор руководящих кадров всех звеньев управления и систематическую работу с ними.

Непременным условием борьбы за власть оппозиционных сил (террористических организаций) является организация собственных (незаконных) вооруженных формирований (НВФ)* – основного оружия победы в гражданской войне. Это мероприятие преследуется по закону (ст. 208 УК Российской Федерации) и поэтому проводится в основном в скрытой форме.

Незаконное вооруженное формирование типа отряда (группы) включает боевое ядро (подразделение боевиков, вооруженное современными видами оружия и нередко располагающее боевой техникой), подразделения разведки, контрразведки, управления и обеспечения (связи, тыла).

Комплектование НВФ личным составом осуществляется как на добровольных началах за счет наемников и лиц, враждебно относящихся к России и существующему в ней строю, так и путем принуждения к участию в НВФ определенной категории граждан, главным образом молодежи, под угрозой физической расправы с ними и их родственниками. Довольно часто членами НВФ становятся уголовные преступники.

НВФ ведут боевые действия ограниченного масштаба, применяют диверсии, террор, засады; совершают уголовные преступления; осуществляют акции информационно-психологического воздействия.

В зависимости от конкретных условий политической и боевой обстановки НВФ могут действовать с легальных, полулегальных и нелегальных позиций.

Они располагаются, как правило, рассредоточено, в пределах одного или нескольких населенных пунктов, которые являются родовыми местами главарей этих НВФ. В обязательном порядке организуется система оповещения и сбора личного состава НВФ. Личное оружие обычно находится на руках у боевиков либо хранится в тщательно оборудованных тайниках в пределах населенного пункта или прилегающей к нему местности. При этом умело используются естественные укрытия (леса, горы, ущелья и т.д.).

К сильным сторонам НВФ следует отнести:

- устойчивость и сплоченность их структур, которые часто организуются по клановому (родовому, тейповому) признаку;
- активное применение акций информационно-психологического воздействия как на местное население, так и на существующие подразделения государственных структур;
- наличие современного вооружения и боевой техники;
- наличие связей с иностранными спецслужбами и экстремистскими организациями;
- хорошее знание условий местности;
- разветвленный аппарат разведки и контрразведки;
- использование разнообразных форм боевых и подрывных действий.

Слабые стороны НВФ:

- расхождение целей отдельных формирований с интересами рядовых членов НВФ и местного населения;
- многоциональный состав некоторых формирований, участие в них лиц различного вероисповедания, привлечение к участию в НВФ уголовных преступников;

* Под незаконным вооруженным формированием (НВФ) понимается объединение, отряд, дружина, группа, ставящие своей задачей насильственное свержение существующего конституционного строя и установление удобного оппозиции режима.

– применение угроз и насилия для достижения поставленных целей;

– недостаточное количество классных военных специалистов;

– отсутствие в НВФ, как правильно, тяжелой боевой техники;

– трудности в вопросах материально-технического обеспечения.

Указанные особенности НВФ должны обязательно учитываться сторонами, ведущими вооруженную борьбу в современных гражданских войнах, так как они будут играть важную роль в их ходе и исходе. Другое дело, хватит ли организационных, финансовых и материально-технических возможностей у оппозиции для создания НВФ и руководства ими и тем более обеспечения их победы в вооруженном противостоянии.

Сложным вопросом является финансирование оппозиции в лице террористических организаций во время гражданской войны. Из известных источников финансирования оппозиция может рассчитывать на помощь иностранных государств, и, прежде всего их спецслужб, внутренние возможности – в форме финансовой поддержки со стороны крупных бизнесменов, часть пожертвований населения, поддерживающего оппозицию. Но это далеко ненадежные источники финансирования и их следует принимать в расчет с большой долей условности.

Что касается материально-технического обеспечения оппозиции при ведении гражданской войны, то она должна опираться не столько на помощь извне (она, как известно, осуществляется нерегулярно и в ограниченном объеме), сколько на собственную базу, за счет ресурсов тех объектов экономики, которые находятся в определении зависимости от террористических организаций (оппозиции). Поэтому расчет здесь может строиться на частичном захвате оппозицией этих средств у про-

тивоборствующей стороны и на ранее созданных запасах, что весьма проблематично.

Таким образом, участие террористических организаций (оппозиции) в гражданской войне против существующего в стране режима далеко от их реальных возможностей выступить организованной силой, способной захватить власть в государстве вооруженным путем. Однако полностью отрицать такую возможность нельзя, так как может сложиться такая ситуация в той или иной стране, когда террористы, опираясь на помощь иностранных государств и частичную поддержку местного населения и других оппозиционных организаций, смогут прийти к власти вооруженным путем.

В современных условиях нельзя исключить ведение гражданской войны между существующей властью и оппозицией, не представляющей собой какие-либо серьезные террористические и экстремистские организации. Речь может идти о силах, способных оказать определенное политическое влияние на общество, способных привлечь на свою сторону часть силовых структур и повести вооруженную борьбу за власть.

В этом случае существующее правительство (и, наоборот, оппозиция) могут рассчитывать на помощь иностранных государств как было, например, в России во время Гражданской войны 1918–1920 гг.

Роль террористических организаций в современных национально-освободительных войнах, которые с распадом колониальных империй в XX в. интерпретируются как проблема экономического освобождения, определяется уменьшением, если не исключением, их участия в борьбе за власть. Правда, они попытаются при решении социальных, экономических, языковых, культурных и других проблем сказать

свое слово и занять доминирующее положение в обществе. Но террористические организации в силу авантюристичности своих целей не способны состязаться с буржуазно-националистическими (радикальными или умеренными) силами или революционными демократами. Поэтому они не могут повести за собой массы, которые в настоящее время играют основную роль в новых формах национального освобождения (вторичное деколонизация – Бангладеш, возрождение этнонационального фактора – Африка, процесс суверенизации – Югославия, бывший СССР).

В тоже время деформация международных отношений под доминирующим влиянием террористических организаций может способствовать активизации их попыток восстановления суверенитета отдельных государств под лозунгами национального освобождения.

Наконец, напрашивается вопрос, возможного ли национальное примирение между террористическими организациями и существующими органами власти? Да, возможно, но при соблюдении сторонами ряда условий, так как национальное примирение – это достаточно длительный социальный процесс, включающий несколько этапов и требующий не односторонних, а встречных усилий стран, участвующих в конфликте.

Как правило, национальное примирение начинается с мер, направляемых на создание предварительных условий этого этапа, в первую очередь на прекращение вооруженного конфликта.

Второй этап национального примирения – ведение переговоров конфликтующих сторон. Во время такого диалога вырабатываются условия политического компромисса, а также совместные конкретные программы и механизмы обеспечения мира и согласия в стране, что оформляется соответствующими

политическими и юридическими документами.

Готовность к переговорам подкрепляется серией социально-политических акций, прежде всего, со стороны правящих сил (провозглашение многопартийности, отмена политической цензуры, обеспечение соблюдения прав человека, реальной свободы слова, митингов, собраний, амнистия политзаключенных и т.д.), а также мер социально-экономического характера. В результате переговоров стороны должны прийти к соглашению отказаться от монополии на власть, быть приверженными плюрализму во всех областях общественной жизни, проявить готовность к разделу власти на компромиссной, коалиционной основе, обычно в соответствии с массовым волеизъявлением народа на свободных выборах, референдумах и т.д.

Третий этап национального примирения представляет собой практическое выполнение достигнутых договоренностей при строгом контроле за их соблюдением. Здесь многое зависит от добросовестности и искренности договаривающихся сторон, их взаимного желания достигнуть мира и согласия.

Известны, например, случаи нарушения такого примирения со стороны террористических сил в Чеченской Республике (декабрь 1999 г.), в Афганистане (февраль 2002 г.).

Таким образом, национальное примирение – это социально-политический процесс, включающий широкий комплекс разнообразных, прежде всего, социально-политических мер, направленных на прекращение внутрис государственного конфликта, достижение согласия между конфликтующими сторонами, установления национального мира и согласия.

Оно вполне достижимо в современных условиях при обоюдном согласии конфликтующих сторон.

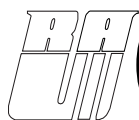
Выводы

1. Терроризм – сложное, крайне опасное явление общественной жизни, имеющее многовековую историю. Он имеет две формы: государственную и оппозиционную.

В современных условиях наиболее опасным является оппозиционный терроризм, располагающий определенными средствами вооруженной борьбы.

2. При всей опасности террористических организаций их нельзя считать единственной оппозиционной силой, способной возглавить вооруженную борьбу за завоевание власти в том или ином государстве, а тем более неправомерно отождествлять любое выступление оппозиции с терроризмом.

3. В настоящее время налицо использование некоторыми иностранными государствами терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела России для оказания выгодного им влияния на российскую внешнюю и внутреннюю политику и способа реализации своих политических и экономических целей в ущерб национальным интересам Российского государства.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Правовые основы регулирования вооруженного конфликта немеждународного характера

Николай Остроухов

Процесс кодификации и прогрессивного развития норм международного права, призванных регулировать отношения, порождаемые ситуацией внутреннего вооруженного конфликта, с известной долей условности можно разделить на три основных этапа.

Начало первого этапа связано с гражданской войной в Испании (1936–1939 гг.).

С военно-технической точки зрения характерной особенностью этой войны явилось использование в беспрецедентных по тем временам масштабах боевой авиации (главным образом немцами и итальянцами) в качестве важнейшего средства ведения боевых действий. Гражданская война в Испании была наиболее крупным вооруженным конфликтом перед Второй мировой войной.

Общая протяженность линии фронта составила 2000 км, численность вооруженных сил с обеих сторон достигла 2 млн. чел.

За период военных действий было осуществлено 6 компаний, проведено с обеих сторон 4 фронтовых и десятки армейских операций.

Вследствие бомбардировок и обстрелов населенных пунктов, массовых расстрелов мирных жителей общие потери достигли 1 млн. чел.

В связи с жестоким характером войны в Испании перед международным сообществом со всей остротой встала проблема международно-правового ограничения произвола воюющих сторон¹. Игнорировать конфликт было невозможно. Традиционным средством являлась трансформация внутреннего вооруженного конфликта в международный путем использования институ-

ОСТРОУХОВ Николай Викторович – кандидат юридических наук, 2-й Секретарь отдела новых вызовов (претензий) и угроз МИД России.

Ключевые слова: Женевские конвенции, Протокол II, вооруженный конфликт немеждународного характера, антиправительственная сторона, повстанцы, правительственные войска.

та “признания в качестве воюющей стороны”.

Однако испанское республиканское правительство не пошло на это, полагая, что этот шаг “узаконит” мятежников в международно-правовом плане. Аналогичной точки зрения фактически придерживался и Советский Союз. Что касается таких государств, как Франция, Великобритания, США, то они, как известно, решили придерживаться принципа невмешательства. Более того, в Лондоне считали, что признание в качестве “воюющей стороны” вообще не может быть использовано в случае с войной в Испании, поскольку этот институт не может применяться в ситуации, когда вследствие незаконного вмешательства иностранных государств боевые действия в Испании утратили характер чисто гражданской войны².

Как известно, 2 августа 1936 г. французское правительство Леона Блюма выступило с предложением подписать соглашение о “невмешательстве” в испанские дела. 27 европейских государств подписали данное Соглашение среди них: Франция, Англия, Италия, Германия, СССР, Турция, и т.д. Участники Соглашения о “невмешательстве” в испанские дела брали на себя обязательство не прибегать к праву оказания помощи (кроме гуманитарной) ни законному правительству, ни мятежникам (во главе с генералом Франко), запрещая экспорт и транзит оружия и военных материалов в Испанию.

В сущности политика “невмешательства” в войну в Испании при условии ее строгого соблюдения была до известной степени правильной. Правда, Испанская Республика лишалась законных прав приобретать оружие за границей, но и мятежники без помощи извне неизбежно потерпели бы поражение. Но как свидетельствует история,

политика “невмешательства” оказалась ширмой, прикрывающей итало-германскую интервенцию в Испанию.

В нарушение своих обязательств по Соглашению о невмешательстве и норм международного права Германия, Италия и ряд других стран оказывали военную помощь мятежникам и в июне 1937 г. фактически признавали франкистов воюющей стороной.

На этот конфликт было распространено действие ряда норм, которые обычно обязаны были применять участники межгосударственных вооруженных конфликтов.

Как следствие этого франкисты остались для республиканского правительства бунтовщиками, подлежащими уголовному преследованию. Вместе с тем, они обязаны были взять на себя некоторые международно-правовые обязательства. Речь идет, в первую очередь, об обычных нормах по защите гражданского населения. При этом уже тогда существовало убеждение, что такого рода нормы должны действовать и соблюдаться в любых внутренних вооруженных конфликтах, подобных гражданской войне в Испании².

Таким образом, гражданская война в Испании явилась своеобразным поворотным пунктом в международно-правовом подходе к ситуации внутреннего вооруженного конфликта. Именно в этот период во многом, было, положено начало выделению его в качестве самостоятельного объекта международно-правового регулирования и исследования.

Второй этап начался в 1949 г., когда по инициативе Международного Комитета Красного Креста (МККК) международное сообщество приступило к пересмотру обширного массива международно-правовых норм, применяемых в период международных вооруженных конфликтов и касающихся, прежде всего, защиты жертв таких конфликтов

(раненых, больных, военнопленных, гражданского населения и др.).

Вначале существовала идея распространить сферу действия конвенций, которые предполагалось принять, и на ситуации внутренних вооруженных конфликтов. Однако когда МККК выступил на конференции в Женеве с этим предложением, оно вызвало весьма неоднозначную реакцию со стороны различных государств, принимавших участие в работе Женевской конференции 1949 г.

Одна группа государств (Норвегия, Дания, Мексика, страны Восточной Европы) поддержала инициативу МККК.

Другая группа стран решительно выступила против, мотивируя свою позицию заботой о сохранении государственного суверенитета и обеспечении национальной безопасности. Правда, некоторые из них готовы были принять предложение МККК при условии, что будущие конвенции будут применяться к внутренним вооруженным конфликтам лишь в том случае, когда законное правительство признает за восставшими статус воюющей стороны.

Подобную позицию занимали, в частности, Бирма (Союз Мьянмы), Великобритания, Греция, Австралия и некоторые другие страны.

Наконец, группа государств, в которую входили Франция, Испания, США и др., готова была согласиться с предложением МККК при определенных оговорках. Они считали, что конвенции о защите жертв войны могли применяться к случаям внутренних вооруженных конфликтов, если восставшие представляют собой организованную группу лиц, контролирующую часть государственной территории, а также соблюдающих соответствующие принципы и нормы международного права³.

Результатом компромисса между указанными группами государств стала ст. 3, общая для всех четырех конвенций о защите жертв войны, принятых в 1949 г. на Женевской конференции. Другими словами, участники конференции не оставили без внимания проблему внутреннего вооруженного конфликта и, приняв указанную статью, продолжили то, что в известной мере было начато в конце 30-х годов.

Действительно, ст. 3 содержит лишь ряд принципов и норм гуманитарного характера, которые необходимо соблюдать участникам внутреннего вооруженного конфликта:

– *во-первых*, должно иметь место открытое вооруженное столкновение между организованными вооруженными силами. Внутренние беспорядки и напряженность, характеризующиеся отдельными или спорадическими (единичными, проявляющимися от случая к случаю) актами насилия, не являются вооруженным конфликтом с точки зрения права, даже если правительство вынуждено восстанавливать правопорядок с помощью вооруженных сил;

– *во-вторых*, сторонами конфликта являются вооруженные силы.

Однако ст. 3 Женевской конвенции 1949 г. не раскрывает понятия "вооруженные силы". Вместе с тем, как минимум, они должны иметь во главе единое ответственное командование, подчиняться внутренней дисциплине;

– *в-третьих*, конфликт происходит между вооруженными силами на территории одного государства.

Ст. 3 не закрепляет норм, касающихся порядка ведения боевых действий, она не предоставляет статуса законного комбатанта восставшим. Таким образом, за исключением ст. 3, положения четырех Женевских конвенций о защите жертв войны, принятых в 1949 г., применяться в ситуации внут-

ренного вооруженного конфликта не могли.

Третий этап связан с работой дипломатической конференции по подтверждению и развитию международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, которая проходила в Женеве (1974–1977 гг.)⁴.

Итогом работы указанной конференции явились два дополнительных протокола к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.

Один из этих протоколов специально посвящен защите жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера: Дополнительный протокол к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), который закрепил понятие и определил критерии, характеризующие вооруженный конфликт немеждународного характера (ВКНМХ), отличающие его от международного вооруженного конфликта, от случаев нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности⁵.

В соответствии со ст. 1 Протокола II под ВКНМХ понимаются все, не подпадающие под действие ст. 1 Протокола I вооруженные конфликты, происходящие на территории какого-либо государства, между его вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью его территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять положения Протокола II.

П. 2 ст. 1 Протокола II не дает определения нарушений внутреннего порядка и обстановки внутренней напряженности. Какое-либо их определение отсутствует и в других международно-правовых документах. Существуют лишь описания внутренних беспорядков и внутренней напряженности⁶.

Так, к случаям нарушения внутреннего порядка относятся ситуации, в которых существует противостояние внутри страны, характеризующееся определенной степенью серьезности или продолжительности и актами насилия, которые могут принимать различные формы: от спонтанного зарождения акций протеста до борьбы между организованными группами. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, власти прибегают к использованию сил правопорядка или даже вооруженных сил, чтобы восстановить порядок внутри страны.

Ситуации внутренней напряженности могут характеризоваться следующими признаками: неповиновение властям, шествия, демонстрации, провокационные заявления, а также неорганизованные вооруженные столкновения.

А.Эйде предлагает понимать под “внутренними беспорядками и напряженностью... все конфликтные ситуации внутри той или иной страны, достаточно серьезные в плане порождения острых гуманитарных проблем, особенно в силу того, что они ведут к физическому насилию и ограничению свободы, независимо от того, используются ли вооруженные силы или нет”⁷.

В правовой литературе правомерно поднимаются два основных вопроса:

– *во-первых* в какой момент та или иная ситуация уже отвечает условиям поддержания правопорядка и перерастает в вооруженный конфликт?

– *Во-вторых*, кто, согласно положениям Дополнительного Протокола II определяет, когда эта “грань” превышена⁸.

Сложность ответа на первый вопрос (особенно если учесть, что и беспорядки могут сопровождаться применением оружия их участниками) обусловлена отсутствием на сегодняшний день общепризнанного эффективно действующего механизма как на внутригосударственном уровне, так и в международном масштабе, который

позволял бы своевременно и объективно определить переход беспорядков в качественно новое состояние, то есть во внутренний вооруженный конфликт. Выработка объективных критериев и процедур для решения таких вопросов – задачи немаловажные как в сфере международного, так и внутригосударственного права.

В доктрине международного права высказываются соображения, смысл которых сводится к тому, что упомянутую “грань” определяет само государство, так как противоборство имеет место между “...суверенным государством и его собственными гражданами, – отмечает М.Беджауи, – и одной из основополагающих атрибутивных функций государств является поддержание правопорядка. Эта задача рассматривается государством в качестве его собственной, ни с кем более не разделяемой прерогативы”⁷.

Однако “поведение” государства по поддержанию правопорядка может быть различным, в зависимости от конкретных причин.

Например, пишет Марион Харрофф-Тавель: “нарушения внутреннего порядка могут иметь место, когда государство не вмешивается с целью восстановления порядка. Нарушения порядка принимают иногда форму столкновений между группировками, когда государство непосредственно не участвует в этих нарушениях”⁹.

В настоящее время большой проблемой для многих стран являются также выступления молодежи, студенчества.

А.Эйде также рассматривает эту проблему, выделяя данные явления в одну из категорий внутреннего конфликта: “протесты молодежи, порождаемые чувством разочарования и безысходности, а также глубоким недовольством властями, но не выливающиеся ни в социальные революции, ни в расовые или этнические столкновения”⁷.

Вместе с тем, нарушения внутреннего порядка, прежде квалифицируемые как “столкновения, имеющие в некотором роде значительный и продолжительный характер”, могут быть непродолжительными или хроническими и порождать гуманитарные проблемы продолжительного характера.

Представляется, что решение второго вопроса должно связываться с исключительной компетенцией государства, на территории которого имеют место рассматриваемые нами ситуации. Но, в отдельных случаях (прежде всего, когда они представляют собой реальную угрозу международному миру и безопасности и, таким образом, затрагивают интересы государств определенного региона или всего международного сообщества в целом) должны существовать возможности для привлечения третьей стороны, в качестве которой может выступать ООН, региональная организация или уполномоченный на то орган.

Таким образом, внутренние беспорядки характеризуются серьезным нарушением порядка в стране в результате насильственных действий, которые, тем не менее, не приобретают характера вооруженного конфликта. Это, например, беспорядки, когда отдельные лица или группы лиц открыто выражают протест, недовольство или предъявляют свои требования. Здесь речь может идти также о борьбе отдельных группировок между собой или против существующей власти⁵.

В этом отношении важно отметить, что внутренние беспорядки создают в любом случае состояние внутренней напряженности, независимо от того, что послужило первопричиной их зарождения. Безусловно, не все события, связанные с внутренней напряженностью приводят к возникновению ВКНМХ.

Протокол II закрепил черты, характеризующие ВКНМХ (которые и отличают состояние внутренней напряженности от внутреннего вооруженного конфликта):

а) сторонами, противостоящими друг другу, являются вооруженные силы законного правительства, антиправительственные вооруженные силы, организованные вооруженные группы;

б) организованные вооруженные группы и антиправительственные вооруженные силы должны иметь ответственное командование;

в) антиправительственные вооруженные силы должны осуществлять контроль над частью территории государства;

г) антиправительственные вооруженные силы должны вести непрерывные и согласованные военные действия;

д) антиправительственные вооруженные силы должны соблюдать положения Протокола II.

Непрерывность военных действий означает, что они не должны иметь спорадический (разовый, исключительный не постоянный) характер. Военные действия должны быть задуманы и спланированы организованными вооруженными группами. Признаком непрерывных военных действий является также наличие фронтов, армий, других подразделений, которые выполняя приказ ведут боевые действия.

Может возникнуть ситуация при которой в ходе ВКНМХ вооруженные формирования применяют в своих действиях тактику и методы партизанской войны: рейдовые операции, диверсии на коммуникациях и военных объектах, засады, минирование участков ме-

стности, которые не всегда носят систематический характер и соответствуют твердому плану действий.

Возникает вопрос: можно ли такие действия с точки зрения Протокола II считать имеющими непрерывный характер? И не будет ли считаться использование повстанцами в своих действиях партизанских методов ведения борьбы как ведение партизанской войны со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями?

Думается, партизанскую борьбу как составную часть национально-освободительной войны ни в коем случае не нужно путать с применением тактики и методов партизанской войны в ВКНМХ. Применение повстанцами в своих действиях тактики и методов партизанской войны отнюдь не наделяет их каким-либо международно-правовым статусом.

Способность применять протокол является основным критерием, который вобрал в себя все положения вышеперечисленных критериев ВКНМХ. Повстанцы, находясь под ответственным командованием, должны осуществлять такой контроль над частью территории государства, который позволял бы им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия, и при этом применять положения Протокола II*.

Фактическое, реальное наличие всех вышеперечисленных критериев наделяет повстанцев всем необходимым (минимальной инфраструктурой) для того, чтобы они имели возможность (или были способны) применять положения Протокола II 1977 г.

Однако международное гуманитарное право, применяемое в период

* Применять протокол означает, в частности, ухаживать за ранеными и больными; в случае задержания лиц противной стороны соответствующим образом обращаться с ними, как это предусмотрено в ст. 4 и 5 Протокола II.

ВКНМХ, проводит некоторое различие между способностью и возможностью применять Протокол II 1977 г.

В частности, Протокол II 1977 г. выделил абсолютные обязательства, которые должны выполняться при любых обстоятельствах, и обязательства, которые должны выполняться по мере возможности.

Возможны случаи, когда повстанцы обладают способностью применять положения Протокола II 1977 г., то есть у них теоретически созданы все необходимые элементы инфраструктуры, но нет возможности их выполнять. Например, может оказаться, что нельзя будет по объективным причинам разместить задержанных в месте, расположенном вне зоны боевых действий, или эвакуировать их, однако в любом случае сохраняется обязательство защищать их, то есть запрещается сознательно подвергать заключенных опасности (во время бомбардировки заключенные, как и их охрана, должны иметь возможность укрыться в убежищах и не должны содержаться там, где они подвергаются значительно большей опасности).

Таким образом, ВКНМХ является вооруженным конфликтом, происходящим на территории какого-либо государства, между его вооруженными силами, антиправительственными вооруженными формированиями и другими организованными вооруженными группами, либо между организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют контроль над частью территории этого государства, позволяющий им вести непрерывные и согласованные военные действия и применять положения Протокола II 1977 г. и ст. 3 Женевской конвенции 1949 г.

Дополнительная часть этого определения (организованные вооруженные группы) касается тех ситуаций, когда в ВКНМХ сторонами, противостоящими друг другу, являются только эти группы, когда правительственные воору-

женные силы либо отсутствуют вообще вследствие падения правительства, либо не встали на ту или иную сторону и находятся между противоборствующими группировками и ситуацию в стране не контролируют¹⁰.

В случае если на территории какого-либо государства возникнет вооруженный конфликт, отвечающий всем критериям Протокола II и представляющий угрозу национальной безопасности суверенного государства, ни один международный орган не компетентен устанавливать, что Протокол II 1977 г. или (и) ст. 3 Женевской конвенции 1949 г. должны применяться в том или ином конкретном случае. Вопрос об их применении во многом будет зависеть от позиции конкретного государства.

Не меньшую трудность представляют проблемы правового урегулирования ВКНМХ.

По мнению В.В.Алешина, здесь следует выделить несколько ситуаций:

– Первая ситуация – это победа правительственных вооруженных сил над отрядами вооруженной оппозиции, наведение правопорядка и восстановление законных органов власти. Такое разрешение внутреннего конфликта повышает авторитет и силу высших органов государственной власти внутри страны и на международной арене.

– Вторая ситуация связана с ведением мирных переговоров с антиправительственными вооруженными отрядами, в случае когда правительственные силы не в состоянии на данный период разгромить или разоружить отряды оппозиции¹¹.

Так, урегулирование внутреннего вооруженного конфликта в Шри-Ланке объясняется изменением международной ситуации после сентябрьских терактов 2001 г. в США. Ряд стран, в том числе США, объявили ТОТИ террористической организацией. После принятия 28 сентября 2001 г. резолюции № 1373 СБ ООН, направленной

на содействие предотвращению и пресечению террористических актов, ряд государств приняли решение заморозить принадлежащие тамилам счета, использовавшиеся для финансирования ТОТИ. При активном участии США и Норвегии в сентябре 2002 г. в Таиланде состоялись мирные переговоры.

Важнейшим результатом переговоров стало возможное согласие ТОТИ на автономный статус населенных тамилами районов в составе Шри-Ланке.

Однако в 2003 г. сторонам не удалось прийти к соглашению по проблеме разоружения ТОТИ. Руководство ТОТИ увязало вопросы разоружения с поиском политического решения конфликта.

Специалисты отмечают, что главной проблемой мирного урегулирования остается подключение ТОТИ к нормальному политическому процессу^{11,12}.

Мирное урегулирование внутреннего вооруженного конфликта в Демократической республике Конго (ДРК) было инициировано правительством ДРК.

Особенность этого конфликта заключается в том, что в нем принимают участие целый ряд сил и группировок. Правительственные силы ведут борьбу с рядом повстанческих группировок, которые в свою очередь воюют между собой. Более того, вооруженная борьба идет между различными направлениями внутри той или иной повстанческой группировки.

Военную помощь правительству ДРК оказывают Ангола, Намибия и Зимбабве. Ряд повстанческих группировок получает военную помощь со стороны соседних государств. Движение за освобождение Конго (ДОК) действует на северо-востоке страны и пользуется поддержкой Уганды.

Зона активности Конголезского объединения за демократию – Освободительного движения Конго (КОД-ОД), пользующегося поддержкой со стороны Руанды, охватывает центральные, восточные и юго-восточные районы страны.

В заключение статьи отметим, что нормы дополнительного протокола (Протокол II) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера, применяются исключи-

В 2002 г. на территории Южной Африки при посредничестве Генерального секретаря ООН состоялось заседание Межконголезского диалога с участием заинтересованных сторон. На переговорах сторонам конфликта удалось сблизить свои позиции по ряду важных вопросов.

17 декабря 2002 г. в Претории конфликтующие стороны подписали Всеобщее и всеобъемлющее соглашение о переходном периоде в ДРК. Соглашение предусматривает создание такой системы государственной власти, при которой все стороны конфликта и оппозиционные политические группировки были бы представлены либо в структурах исполнительной власти, либо в двухпалатном парламенте.

По окончании переходного периода должно быть избрано новое правительство страны.

В течении 2002 г. продолжался вывод с территории ДРК иностранных войск и наблюдатели ООН подтвердили полный вывод сил Анголы, Бурунди, Намибии и Зимбабве.

ДРК и Руанда заключили соглашение о выводе руандийских сил с территории ДРК в обмен на взятое на себя обязательство разоружить вооруженные группировки хуту вдоль границы с Руандой и прекратить поддержку группировок хуту в самой ДРК¹².

В.В.Алешин отмечает, что следует согласиться со специалистами в сфере регулирования вооруженных конфликтов, что одним из импульсов к урегулированию внутренних вооруженных конфликтов послужили события 11 сентября 2001 г. в США, которые заставили международное сообщество и правительства отдельных государств пересмотреть ранее существовавшие взгляды и искать новые взаимоприемлемые условия и направления для разрешения внутренних вооруженных конфликтов¹¹.

тельно к случаям внутреннего вооруженного конфликта и не распространяются на различные случаи внутренней напряженности и социального противостояния.

Такие случаи подлежат регулированию нормами национального права.

Примечания

- ¹ Локальные войны: история и современность. М., 1981. С. 72.
- ² *Cassese A.* La guerre civil et le droit international // *Revue General de droit international public.* 1986. No.2. P. 560, 561.
- ³ Final Record of the Diplomatic Conference of Geneva of 1949; 4 vols. Bern, Federal Political Department, 1949. P. 387.
- ⁴ *Блищенко И.П.* Дополнительный протокол о немеждународном вооруженном конфликте 1977 г. и проблема беженцев // *Московский журнал международного права.* Спецвыпуск. 1998. Декабрь. С. 92–93.
- ⁵ *Остроухов Н.В.* Международно-правовые проблемы разрешения вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Дисс. на соиск. уч. ст. к.ю.н. М., 2005. С. 91, 96.
- ⁶ Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. МККК, 1998. С. 66–69.
- ⁷ Современные войны (гуманитарные проблемы). М., 1990. С. 36, 39.
- ⁸ *Чехарнин Ю.Б.* Международно-правовая оценка внутренних конфликтов (аналитическое исследование). М., 1989. С.13.
- ⁹ *Марион Харрофф-Тавель.* Деятельность Международного Комитета Красного Креста в обстановке насилия внутри страны. МККК, 1995. С. 16.
- ¹⁰ Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Под ред. проф. А.В.Опалева. М.: ЮНИТИ. С. 494.
- ¹¹ *Алешин В.В.* Международное право вооруженных конфликтов. М.: Юрлитинформ, 2007. С. 66, 68.
- ¹² Ежегодник СИПРИ. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: Наука, 2004. С. 120–123.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге “Газеты и журналы”
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Радикализация ислама на Юге России

Причины и пути разрешения

Владимир Галицкий

В последние десятилетия экстремистскими и террористическими формированиями достаточно широко используется религиозный и национальный факторы для достижения политических целей. Причем просматривается явная тенденция по использованию ими методов экстремизма и терроризма в решении своих религиозных, политических, социально-экономических и иных вопросов.

Результаты анализа современной практики правоохранительных органов по вопросам противодействия религиозному экстремизму и терроризму, показывают устойчивый рост не только активности ряда религиозных экстремистских организаций по всему миру, но и радикализации ислама. Это особенно ярко проявляется на Северном Кавказе. Есть основания предполагать, что во время настоящего финансово-экономического кризиса, объективного увеличения числа безработных, эти процессы могут активизироваться.

В частности, А.Малашенко и Д.Тренин, отмечая опасность исламского радикализма в Чечне, писали: "Более того, Чечня – пусть и в ограниченном масштабе – стала "экспортером" исламского радикализма в мусульманские регионы России и СНГ. Именно в Чечне материализовалась "исламская угроза" для России..."¹.

По данным исследователей, с середины 60-х годов прошлого века численность радикальных течений всех религиозных направлений в мире возросла в несколько раз. По мнению ряда исследователей, источником радикализма в российском обществе является не только рост экономического неравенства, но и весьма невысокий уровень политической и религиозной культуры, отсутствие глубоко укоренившихся в социальном сознании и психологии традиций гражданской жизни и демократии в условиях правового государства.

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – действительный член (академик) Академии военных наук, доктор юридических наук, профессор, капитан 1 ранга.

Ключевые слова: радикальный ислам, радикализм, салафийя, ваххабизм, мюридизм, экстремизм, терроризм, нетерпимость.

Актуальность данной проблематики для Российской Федерации обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, осложняется социально-политическая обстановка по линии борьбы с политическим и религиозным экстремизмом. Во-вторых, наряду с традиционными формами религиозной экстремистской агитации и пропаганды (проповеди, индивидуальные и групповые беседы, распространение религиозной экстремистской литературы и др.), больше стали применяться и такие новые формы и методы, силы и средства как телевидение, радио, Интернет; выступления в религиозных учебных центрах, в светских учебных заведениях среди молодежи с использованием возможностей современных информационных технологий и т.п. В-третьих, продолжающийся процесс исламизации населения Северного Кавказа (особенно в радикальных, экстремистских формах) объективно ведет к усилению сепаратистских тенденций, обострению межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, расширению масштабов применения экстремистских и террористических методов в политической и межконфессиональной борьбе.

Рассмотрению некоторых сторон этой проблематики и посвящена данная статья. В ней под радикализацией понимается стремление, склонность к решительным действиям, бескомпромиссному осуществлению намерений, стремление к коренному изменению существующего положения в том или ином деле, свойственных любому радикализму как политическому течению. Исходя из этого общенаучного понимания "радикализма", "радикализация" автор считает, что под понятиями "радикальный ислам", "радикализация ислама" следует понимать стремление, склонность некоторой части идеологов ислама и их последователей к пропаганде нетерпимости к тем, кто мыслит и понимает исламское вероучение по-другому, не так как они, и насильственного внедрения этой нетерпимости в мусульманскую среду, традиционно исповедующую умеренный ислам, в целях бескомпромиссного решения тактических и стратегических задач построения мирового исламского государства в разных его формах и проявлениях.

Будет уместным отметить определенное сходство содержания понятия "экстремизм" с рассмотренным выше содержанием понятия "радикальный". Так, в "Толковом словаре русского языка", под "экстремизмом (от латин. *Extremus* – крайний)" понимается "склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущественно в политике"². Аналогичное содержание в понятие "экстремизм" вкладывается и авторами "Словаря русского языка: В 4-х т./АН СССР". Следовательно, понятия "радикальный" и "экстремизм" очень близки по содержанию и фактически идентичны. Это позволяет нам высказать мнение о том, что понятие "радикальный ислам" несет в себе определенную содержательную часть и экстремизма, то есть "склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам".

Практический опыт отечественных правоохранительных органов свидетельствует, что в основе любых проявлений экстремизма и терроризма, как правило, лежит идеология радикализма: религиозного, социального, националистического, политического. Следует сказать, что подавляющее большинство представителей религиозного (исламского) экстремизма и тер-

роризма прошли, с точки зрения России, через радикальный ислам.

Важным элементом социально-политической и конфессиональной обстановки, требующим самого пристального внимания, является сохраняющаяся тенденция возрастания в Южном федеральном округе (далее – ЮФО) роли "исламского фактора" и стремления сторонников различных течений исла-

ма усилить свое влияние на происходящие в ЮФО общественно-политические процессы. В связи с этим целесообразно напомнить, что национально-религиозное движение в Чечено-Ингушетии, часто приводившее к восстаниям против советской власти в 20-е – 40-е годы XX в., всегда инициировалось радикальными исламскими авторитетами (имамами, шейхами, муллами и другими).

Как показывает опыт некоторых зарубежных стран, политизированный радикальный ислам представляет опасность для стабильности, безопасности и территориальной целостности любых государств, входящих в зоны распространения ислама (как в тех регионах, где мусульмане составляют большинство, так и в тех, где они являются конфессиональным меньшинством). При этом наиболее он опасен для развивающихся поликонфессиональных государств, к которым принадлежит и Россия. Даже частичная или временная реализация проектов радикальных исламистов в таких государствах нередко приводил к вспышкам межконфессиональной вражды и сепаратизму (Судан, Кения, Косово – в Югославии; Чечня – в России и т.д.).

На наш взгляд, проблема влияния радикального ислама вообще в России и в ЮФО, в частности, как дестабилизирующего фактора, может быть решена только в результате скоординированной деятельности всех органов государственной власти федерального и регионального уровня в тесном взаимодействии с общественными и научными организациями, а также российскими исламскими религиозными деятелями. Весьма важную роль в этом процессе призваны сыграть отечественные органы безопасности, НАК, антитеррористические комиссии в субъектах Российской Федерации.

В настоящее время одной из наиболее опасных проблем и источником угроз безопасности в регионе остается

активно распространяющаяся среди населения ЮФО (при непосредственной поддержке эмиссаров зарубежных неправительственных организаций и специальных служб некоторых государств Ближнего и Среднего Востока) идеология новой волны радикальных течений в исламе, суть которой заключается в: переходе к наиболее конспиративным методам пропагандистской и экстремистской деятельности; использовании легальных (правовых) способов для проповедования своего вероучения; использование федеральных и местных выборов для легального проникновения в местную, республиканскую, краевую и областную власть; временном отказе от открытой вооруженной борьбы с существующей властью и т.д.

Практика деятельности мусульманских экстремистов в нашей стране показывает, что она нацелена, прежде всего, против существующей власти и официальных руководителей духовных управлений мусульман и служителей мечетей, которые, как правило, являлись стабилизирующей силой российского исламского общества, поскольку традиционный ислам в России всегда функционировал через ДУМы и служителей мечетей, связанных, так или иначе, с государственной властью.

В настоящее время практически во всех субъектах Российской Федерации в ЮФО происходят процессы усиления позиций и роли мусульманских авторитетов и служителей мечетей в общественной жизни, в том числе рост их организационной и консолидирующей роли в местах компактного расселения мусульман северокавказских национальностей, как на территории их традиционного проживания, так и вне нее.

При этом социальный статус и степень воздействия на общественную жизнь мусульманских авторитетов,

возглавляющих многочисленные религиозные общества и объединения мусульман в ЮФО, все более возрастают.

Этому способствовала и способствует деятельность значительного числа эмигрантов ежегодно приезжающих из ближневосточных стран, прежде всего из Саудовской Аравии и других исламских государств. Определенную активность в этом направлении проявляют спецслужбы и организации некоторых иностранных государств. Между иностранными спецслужбами, международными неправительственными и религиозными организациями стран, входящих в блок НАТО, прослеживается разделение предметов ведения, сфер влияния и зон ответственности на территории ЮФО. Их действия во многом носят согласованный по месту, времени и отдельным исполнителям характер.

Анализ политической ситуации на Северном Кавказе свидетельствует о том, что наиболее характерными задачами, решаемыми религиозно-экстремистскими организациями и спецслужбами США, Великобритании, Турции, Иордании и некоторых других государств на территории ЮФО, являются следующие:

1. Мониторинг развития социально-политической обстановки, проблем межнациональных отношений, конфликтных ситуаций и сепаратистских проявлений в субъектах ЮФО в рамках созданных ранее информационных групп, организаций по сбору и анализу социально-политической и иной информации (разного рода фонды, неправительственные организации и их филиалы, исследовательские и религиозные центры и т.п.).

2. Выработка механизмов управления и влияния на социально – политические и экономические процессы в ЮФО, а также на ситуацию в зонах межэтнических конфликтов на его территории.

3. Активные попытки разрушения сфер военно-политического влияния

Российской Федерации на Кавказе, а также создание зон контроля на территории отдельных субъектов федерации в ЮФО под эгидой международных организаций с последующим выводом их из-под юрисдикции России.

Анализ складывающейся в ЮФО общественно-политической и конфессиональной обстановки показывает, что все более определяющее значение на нее начинает оказывать исламский фактор. Все чаще поступает информация о попытках вмешательства со стороны религиозных авторитетов и их адептов в общественные дела и даже в деятельность местных органов самоуправления. Есть основание предполагать, что с углублением нынешнего финансового кризиса влияние исламского фактора будет возрастать.

Особое беспокойство вызывает обстановка в Дагестане. Так, на севере республики распространяется религиозное учение наиболее авторитетного шейха Саид-Афанди Чиркейского, последователи которого (а их более 10 тыс.) держатся обособленно от других верующих. Характерно, что большинство сотрудников аппарата ДУМД, являющимися лицами аварской национальности, а также многие высокопоставленные республиканские чиновники считают себя мюридами этого шейха. По некоторым оценкам, авторитет Саид-Афанди Чиркейского в настоящее время настолько велик, что он безапелляционно навязывает свою волю при решении кадровых вопросов в зоне своего влияния без согласования с верующими на местах, в том числе и с ДУМД.

В Южном Дагестане укрепляет свои позиции среди верующих шейх Устаз Сиражудин Афанди Хурикийский. Его учение пользуется популярностью среди представителей табасаранской, лезгинской и других национальностей, составляющих основную часть населения Южного Дагестана. В центральной части наиболее известны устазы Карачаев Муртазали Абдулманапович и Ильясов Ильяс Абдуллаевич. Необходимо

также учитывать, что дагестанским мусульманам присущи четыре уровня идентичности: этническая, дагестанская, мусульманская и российская. Нарушение равновесия между этими уровнями весьма опасно для суверенитета России на Северном Кавказе. В связи с этим нельзя не согласиться с исследователями, утверждающими, что "Исламские радикалы отдавали себе отчет, что в Дагестане сепаратистские настроения неизбежно нарушат этническое равновесие, что приведет к гражданской войне", на что они и рассчитывали, вступив в боевое сотрудничество с чеченскими вооруженными формированиями, развязавшими агрессию против Республики Дагестан в 1999 г.

Результаты контртеррористических операций в Чечне в 2000–2005 гг. привели к укреплению правопорядка в Чечне. Это побудило чеченскую непримиримую вооруженную оппозицию и их спонсоров к поиску вспомогательных направлений для ударов по России. В связи с этим резко возросла террористическая активность на территории Дагестана. С начала 2005 г. в самой крупной северокавказской республике произошло более 70 террористических актов⁴.

По частоте террористических актов Дагестан даже обошел Чечню. Более того, "дагестанский терроризм – это терроризм более высокого накала и уровня организации по сравнению с чеченским. Современный чеченский терроризм – это действия разрозненных групп, демонстрирующих слабость общего координирующего центра и внятной политической идеологии. В Дагестане теракты, во-первых, являются, подчеркнуто авторским делом (за них берется ответственность), а во-вторых, опираются на логически стройную идейно-политическую систему взглядов (радикальный политизированный ислам)".

Центробежные процессы, происходящие в мусульманской умме Дагестана, оказывают довольно существенное влияние и на мусульманскую об-

щину сопредельного Ставропольского края, которая в силу ряда причин внутриконфессионального, межнационального и социального характера также неоднородна и разобщена.

Тюркоязычные мусульмане Ставрополя (ногайцы, туркмены, татары, карачаевцы, балкарцы) исповедуют ханифитский мазхаб, а выходцы из Дагестана (даргинцы, аварцы и другие народы РД) и Чечни – шафиитский мазхаб. Хотя различия в отправлении культа незначительны, совместное проживание представителей этих двух мазхабов на ограниченной территории с недостаточно развитой социально-экономической инфраструктурой, какими являются Нефтекумский и Степновский районы края, создает определенные внутриконфессиональные трения.

Существующие противоречия социально-экономического характера между ногайским и даргинским населением, причиной которых являются неконтролируемые процессы миграции даргинцев в районы традиционного проживания ногайцев, из сферы межнационального противостояния переходят в духовную сферу.

Аналогичная с ДУМ КЧИС ситуация складывается в Духовном управлении мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК). В своей деятельности ДУМ РА и КК, развивающее ислам в соответствии с т.н. кодексом адыгских обычаев и традиций "Адыгэ-Хабзэ", ориентировано в основном на адыгов и не учитывает интересов большинства мусульман других национальностей, проживающих в Краснодарском крае.

Противоречия национально-религиозного характера присутствуют также внутри мусульманской общины Краснодарского края. Имеются разногласия на межнациональной основе между адыгами-шапсугами и представителя-

ми татар и азербайджанцев, проживающих на территории Туапсинского района Большого Сочи. Значительная часть адыгов-шапсугов негативно относятся к попыткам захвата лидирующих позиций в руководстве мусульманских организаций представителями других национальностей.

В последние годы отмечается устойчивая тенденция увеличения числа ингушского населения, вовлекаемого в радикальные исламские группирования. Особенно сложная обстановка складывается в Малгобекском районе Республики Ингушетия, где происходит значительное усиление позиций радикальных исламистов за счет "тихой экспансии" чеченцев, скупающих домовладения у местных жителей. Чеченцы активно занимались на территории этого района вербовкой в НВФ ингушской молодежи, предварительно обработав их в духе радикального ислама и негативного отношения к России. Всего в Ингушетии, по некоторым оценкам, только в 2002 г. дополнительно осело около 10 тыс. лиц чеченской национальности, прибывших из Чеченской Республики. В свое время бывший президент Республики Ингушетия Руслан Аушев публично заявлял, что "исламский радикализм распространяется в Ингушетии" и это "является серьезной угрозой стабильности общества".

Достаточно тревожная ситуация складывается также в среде верующих и мусульманского духовенства Кабардино-Балкарии, где отмечается новая активизация сторонников радикальных форм ислама, не оставивших попыток занять главенствующие позиции в религиозных организациях и в ДУМКБ.

Так, в ноябре 2002 г. в г. Нарткале состоялись выборы раис-имам Урванского района КБР. При этом на общее собрание верующих без приглашения явилось большое количество сторонников радикальных форм ислама из числа жителей Урванского района и г. Нальчика. Прибывшие оказывали активное влияние на процесс выборов, в том числе высказывали

угрозы физической расправы выдвинутым кандидатам и бывшему имаму Сомгурову, который вел собрание. В результате, под их давлением имамом был избран А.В.Текужев, являющийся близкой связью лидера одного из ваххабитских джамаатов республики. Вместе с тем, борьба за должности раис-имамов лишь видимая часть далеко идущих планов исламских радикалов.

Анализ имеющихся документальных материалов свидетельствует о том, что социально-политическая и конфессиональная обстановка в мусульманской среде Северо-Кавказского региона остается напряженной, в ней продолжают происходить сложные процессы, имеющие негативную направленность. При этом будет уместным напомнить о том, что существующая на Северном Кавказе дихотомия "салафийя-традиционализм" в последние годы была подменена понятием "ваххабизм", как одного из частных проявлений салафитской традиции. Салафитские идеалы, остающиеся идеологией исламского радикализма, приобрели в последнее время высокую политизированность. Салафийя, как богословское направление становится все более влиятельной силой в северо-кавказском обществе (особенно в Дагестане и Чечне, Кабардино-Балкарии (среди балкарцев) и в Карачаево-Черкесии (среди карачаевцев).

Особую актуальность данной проблеме придает смена поколений, происходящая в настоящее время в среде как всего населения, так и мусульманских функционеров (мулл, шейхов, имамов, кади и т.п.), в процессе которой к руководству религиозными исламскими общинами (джамаатами) приходят антироссийски настроенные радикальные исламские лидеры, прошедшие соответствующую подготовку за рубежом.

Однако, как показывает практика, официальные властные структуры недостаточно уделяют внимания внешне-

му фактору – воздействию, оказываемому на мусульманское население региона из-за рубежа. Вместе с тем, отсутствие сведений о контактах представителей мусульманского сообщества ЮФО с международными экстремистскими исламскими центрами и организациями еще не означает, что такой проблемы нет.

Устойчивое влияние внешнего фактора сказывается также через отношения местных мусульман с единоверцами в странах Ближнего и Среднего Востока (Иордания, Турция, Сирия и т. д.), где, как известно, сложилась достаточно влиятельная кавказская диаспора. Жители Северного Кавказа составляют также свыше двух третей паломников, ежегодно выезжающих из России в Мекку и Медину.

Не прошла бесследно и активная деятельность по исламизации населения, проводимая в 90-е годы в регионе такими международными исламскими организациями как “Всемирная исламская лига”, “Всемирная лига исламской молодежи” и др.

Не следует забывать, что на значительные финансовые средства, поступавшие из-за рубежа по линии миссионерской деятельности международных исламских центров и их представительств в России, были построены сотни мечетей. В настоящее время по количеству действующих на сегодняшний день в России мечетей Северный Кавказ превосходит Татарстан, Башкортостан и другие области РФ, где компактно проживают мусульманские народы. По линии гуманитарной помощи мусульманам продолжает поступать религиозная литература, зачастую экстремистской направленности.

До недавнего времени фактически не осуществлялось должного контроля со стороны официальных духовных управлений и заинтересованных ведомств за процессом выезда мусульманской молодежи для обучения в заграничных исламских

учебных заведениях. Направление на учебу осуществлялось при полном отсутствии информации о характере обучения в исламском учебном заведении. Много молодежи выехало для обучения за границу по частным каналам, минуя официальные структуры, в связи с чем отсутствуют полные данные о точном количестве таких лиц. Например, по официальным данным на 2002 г. из Кабардино-Балкарии для обучения в зарубежных религиозных учебных заведениях выехало 58 чел., из них по направлению ДУМ КБ – только 19 чел.

Салафитами-ваххабитами последовательно используются следующие основные тактические приемы в своей экстремистской деятельности:

- расширение географии и численности салафитско-ваххабитских джамаатов за счет привлечения новых сторонников, активизация деятельности представителей зарубежных, в том числе религиозных экстремистских, организаций по оказанию им финансовой и иной помощи;

- вытеснение проповедников традиционного ислама более молодыми имамами, прошедшими специальную подготовку за рубежом;

- смыкание определенных кругов последователей традиционного ислама с салафитами-ваххабитами на социально-экономической и финансовой основе без изменения своих взглядов на ислам. В результате салафиты-ваххабиты, при попустительстве традиционных исламистов (прежде всего официальных мулл и других служителей культа) получают широкую возможность безнаказанно пропагандировать свои взгляды среди всех категорий местного населения, особенно молодежи. Эта тенденция весьма опасна, поскольку салафиты-ваххабиты и их сторонники не получают своевременного и должного отпора со стороны местных официальных исламских руководителей и авторитетов. В силу этого

недостаточно грамотная в исламской религии часть местного населения (покой вообще безграмотна) оказывается беззащитной перед лицом агрессивной и активной пропаганды со стороны радикальных исламистов. По нашему мнению это является одной из серьезных причин (в совокупности с другими) роста последователей радикального ислама на Северном Кавказе;

- проникновение последователей салафитско-ваххабизма и их сторонников в органы власти и управления национальных республик региона, что создает условия для “мирного” захвата власти;

- увеличение силовой составляющей движения, создание на основе салафитско-ваххабитских общин нелегальных военно-политических боевых структур – “джамаатов”, активное вовлечение их членов в экстремистскую и террористическую деятельность;

- подготовка материально-ресурсной базы и условий для вооруженного захвата власти в отдельных субъектах ЮФО.

Таким образом, любая деятельность лидеров исламского экстремизма и терроризма (прежде всего, салафитов-ваххабитов) и создаваемых ими организационных структур изначально направлена на насаждение идеологии сепаратизма, конечным результатом которого является изменение конституционного устройства в республиках Северного Кавказа вообще, и нашего государства, в частности, в том числе насильственным путем.

Особую опасность представляют попытки руководителей наиболее политизированных мюридских “братств” через формирование мюридских отношений с лидерами общественных и государственных (республиканских) организаций взять под контроль деятельность общероссийской общественно-

политической организации “Истинные патриоты России” (бывшей “Исламской партии России”), охватывающей членством значительное число субъектов РФ в ЮФО.

Обобщение результатов нашего исследования позволяет выделить характерные аспекты в деятельности радикальных исламских структур на Северном Кавказе:

- реанимация на более конспиративной основе ранее разгромленных ваххабитских формирований;

- попытки зарубежных центров создать устойчивую инфраструктуру управления салафитско-ваххабитскими общинами в Северо-Кавказском регионе с организацией каналов их информационного ресурсного обеспечения;

- формирование на основе салафитско-ваххабитских общин (“джамаатов”) боевых групп диверсионно-террористической направленности;

- смыкание как руководителей салафитско-ваххабитских джамаатов, так и руководителей отдельных мюридских “братств” (например, “Батал-хаджи” в Ингушетии и др.) с этническими организованными преступными группировками, действующими в ЮФО;

- создание альтернативных религиозных структур управления мусульманской уммой для образования т.н. “Кавказского халифата” либо иных теократических государственных образований.

Дальнейшее нарастание данных процессов несет за собой опасность широкомасштабной дестабилизации обстановки в регионе с подрывом политических, экономических и социальных основ конституционного строя Российской Федерации на территории Северо-Кавказского региона.

Обобщение результатов исследования конфессиональной и социально-политической обстановки в ЮФО дают основание считать, что основны-

ми причинами радикализации ислама на рассматриваемой территории являются:

Внутренние:

- неудовлетворенность мусульманского населения своим материальным, положением, разочарование в местных правящих элитах, неспособных предложить безболезненный выход из длительного кризиса на Северном Кавказе (экономического, территориального, конфессионального и т.п.);

- алчность, коррумпированность части мусульманских функционеров и их ближайшего окружения, стремление занять лидирующее положение в религии и обществе любым путем, спекуляция на религиозных и национальных чувствах местного населения в ходе предвыборных и иных кампаний, стремление к незаконному обогащению, взяточничество, продажность и т.п.;

- внутрирелигиозные разногласия с национальной и экономической окраской (разнородность и разноплановость течений и учений ислама); сопряженность национальных обычаев и традиций с исламскими верованиями;

- активная политизация ислама, как радикального, так и традиционного (стремление представителей радикальных течений ислама захватить власть не только духовную, но и светскую (например, поведение духовного лидера ваххабитов М.Биджиева (“Биджи-улу”) в Карачево-Черкессии в 2002 г.); попытки активного внедрения радикальных форм ислама в среду верующих мусульман, сторонников традиционного ислама (Тегаев Е.Б. в РСО-А и др.);

- усиление позиций радикальных исламистов за счет “тихой экспансии” их в среду местных жителей, исповедующих традиционный ислам (прежде всего чеченцев, скупающих домовладения и землю у местных жителей на территории Ингушетии и стремящихся к

компактному проживанию). Такие салафитско-ваххабитские общины созданы и функционируют в гор. Малгобек, станицах Слепцовская, Нестеровская, Троицкая, селах Экажево, Али-Юрт и др.;

- использование крайних методов борьбы в религиозных разногласиях и самих верованиях (например, случаи угрозы физической расправы в Кабардино-Балкарии и др.);

- активизация исламских радикалов в плане использования системы выборов в мусульманских общинах в целях проведения своих сторонников на значимые выборные должности (раис-имамов в Кабардино-Балкарии и др.); внедрения “своих” людей во властные структуры субъектов ЮФО;

- неуважительное отношение большинства мусульман Северного Кавказа к федеральной власти. Они считают, что федеральная власть слаба, так как неэффективно управляет религиозными и социально-экономическими процессами в регионе;

- тенденции в получении дополнительного образования (религиозного или светского) для последующего совмещения религиозной деятельности с государственной.

Внешние:

- последствия бесконтрольной многолетней деятельности на Северном Кавказе международных радикальных мусульманских организаций, фондов, центров и т.п., а также их представителей (стимулирование выезда мусульманской молодежи на обучение за рубежом (прежде всего в исламские учебные заведения, где преподается и распространяется радикальный ислам);

- укрепление связей местных мусульман с единоверцами в странах Ближнего и Среднего Востока (Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Турция и др.), где сформировалась доста-

точно влиятельная кавказская диаспора (свыше двух третьих паломников, ежегодно выезжающих из России в Мекку и Медину, составляют жители Северного Кавказа);

– активная деятельность религиозно-экстремистских и иных организаций некоторых иностранных государств (в том числе и при непосредственной поддержке спецслужб этих государств) на территории ЮФО и их стремление к управлению (легальному, полулегальному и даже конспиративному) религи-

озными процессами на рассматриваемой территории;

– оказание разнообразной материально-технической и финансовой помощи со стороны зарубежных религиозных и гуманитарных организаций радикальным исламистам, действующим на территории ЮФО;

– систематические и разносторонние связи радикальных и традиционных исламистов с международными религиозно-экстремистскими организациями (прежде всего на Ближнем Востоке).

С учетом того, что идеологами религиозного экстремизма широко используется пропаганда своих идей, необходимо значительно активизировать контрпропагандистскую работу, повысить качество и количество проводимых в этих целях мероприятий, в том числе:

– через возможности центральных, региональных и местных СМИ шире осуществлять целенаправленные мероприятия по дискредитации деятельности идейных вдохновителей и сторонников радикального ислама (прежде всего салафизма-ваххабизма) с использованием материалов судебных процессов над организаторами и исполнителями актов терроризма в Северо-Кавказском регионе, а также расследованных уголовных дел;

– шире использовать возможности влиятельных мусульманских авторитетов по воздействию на местное население в субъектах Российской Федерации в целях осуждения экстремистской и террористической деятельности сторонников радикальных течений в исламе, призывать мусульман к созданию обстановки нетерпимости к проявлениям политического и религиозного экстремизма, терроризма, межнациональной вражды;

– с использованием возможностей проводимых в России и за рубежом научно-практических конференций, семинаров, “круглых столов”, а также встреч, проходящих под эгидой международных исламских организаций, продолжать мероприятия по оказанию сдерживающего воздействия на процесс перехода сторонников радикальных фундаменталистских и традиционалистских движений в России на позиции религиозного экстремизма и терроризма; устранить путаницу между салафией и ваххабизмом, между салафитами и ваххабитами;

– в целях нейтрализации влияния салафитско-ваххабитских общин на верующих-мусульман, через имеющиеся политические и административные возможности федеральных и местных органов власти в ЮФО способствовать контролируемой активизации официальных структур мусульманского общества по противодействию радикальному исламу, религиозному экстремизму и терроризму, упорядочению и взятию под контроль системы религиозного обучения, теологического обмена и исламской благотворительности;

– для обеспечения государственной поддержки представителям традиционного ислама и контролируемых ими российских религиозных учебных заведений, их использования в предотвращении дальнейшего распространения радикального исла-

ма (прежде всего салафиты – ваххабизма), выйти с предложением в Правительство Российской Федерации о выработке новых форм участия государства в создании и бюджетном финансировании комплексной программы развития системы религиозного образования для подготовки служителей мусульманского культа пророссийской направленности, лояльных к существующему конституционному строю и способных противостоять проявлениям исламского радикализма и экстремизма. В противном случае, в условиях нынешнего финансового кризиса эту инициативу могут перехватить радикальные исламисты с их мощными финансовыми ресурсами;

- шире и активнее использовать существующие противоречия между радикальным исламом (прежде всего салафитско-ваххабитского толка) с традиционным чеченским исламом суфийских тарикатов (братств), обусловленные тарикатскими представлениями о культе святых, поклонение их могилам, сравнительно либеральное отношение к требованиям шариата и т.п., поскольку существование тарикатов несовместимо с жесткими требованиями фундаменталистов.

Не менее важным является и последовательное привлечение возможностей федеральных, республиканских и местных властей по своевременному искоренению причин и условий, способствующих возникновению и существованию радикального ислама в ЮФО, как наиболее взрывоопасном регионе.

Безусловно, высказанные выше предложения и мнения не являются исчерпывающими и исключительными. Борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом, должна носить наступательный и бескомпромиссный характер. Используя возможности федеральных и региональных властей необходимо:

- всячески поддерживать группы верующих, исповедующие традиционный ислам и стоящих на государственных, пророссийских позициях;

- исключить проникновение представителей радикального ислама в местные органы власти и любые случаи какого-либо влияния (попыток влияния) на деятельность и принимаемые решения местными органами власти;

- своевременно устранять причины и условия, способствующие радикализации ислама в ЮФО;

- шире использовать возможности Управлений (комитетов и т.п.) по делам религий при правительствах субъектов ЮФО для противодействия радикальному исламу;

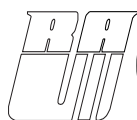
- активнее бороться с корпоративно-бюрократическими формами управления, сформировавшимися в некоторых субъектах Российской Федерации в ЮФО, которые, как правило, ориентированы на использование идей национализма, радикального ислама, сепаратизма, экстремизма и терроризма как иррациональных средств решения своих финансовых, узкоклановых проблем в интересах своего криминального бизнеса, а также как один из методов выколачивания бюджетных средств из федерального центра.

Для реализации высказанных пожеланий и предложений в субъектах Российской Федерации в ЮФО имеются все возможности.

Правильное их использование принесет успех в деле противодействия радикальному исламу как в ЮФО, так и в других федеральных округах России, что приведет к минимизации распространения религиозного экстремизма и терроризма.

Примечания

- ¹ Малащенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. С. 70.
- ² Толковый словарь русского языка. Глав. ред. проф. Б.М.Волин и проф. Д.Н.Ушаков. Сост. проф. В.В.Виноградов, проф. Г.О.Винокур, проф. В.А.Ларин, доц. С.И.Ожегов, В.В.Томашевский и проф. Д.Н.Ушаков / Под ред. проф. Д. Н.Ушакова, члена-корреспондента Академии Наук СССР. Том 4. М.: Госиздат иностранных и национальных словаре. 1940. С. 1411.
- ³ Словарь русского языка: В 4-х томах. Ин-т русского языка АН СССР / Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С-Я, 1984. С. 754.
- ⁴ Kavkaz-forum.ru. 2005. 16 августа.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Философские подходы стран Запада к национальной безопасности

Вероника Климова

Приоритеты современного независимого развития любого государства в значительной степени зависят от того, насколько четко и недвусмысленно сформулированы его национальные интересы, а также от ясного понимания путей и средств реализации этих интересов. Среди приоритетных целей устойчивого развития государства на первом месте стоит обеспечение национальной безопасности во всех ее формах и проявлениях.

Государства никуда не исчезли, конфликты между ними продолжают существовать и, следовательно, дипломатическо-стратегическое поведение держав остается фактом мировой политики. Кроме того, для наиболее эффективного решения проблем безопасности государства склонны объединяться на основе общих целей, интересов и исторического развития.

Политика национальной безопасности государства определяется множеством условий и факторов, среди которых уровень социально-экономического и политико-правового развития, географическое и геополитическое положение страны, ее национально-исторические традиции, цели и потребности, задачи обеспечения государственного суверенитета и т.д. Все эти условия и факторы находят отражение в формировании определенной модели национальной безопасности.

Следует отметить, что после исчезновения биполярной конфронтации в мире происходит динамичная трансформация системы международных отношений, которая характеризуется двумя взаимоисключающими тенденциями:

- развитием интеграционных объединений государств, совершенствованием механизмов многостороннего управления международными процессами;

КЛИМОВА Вероника Валерьевна – аспирант Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: Евроцентризм, атлантизм, интервенционизм, мягкая сила, глобальная ответственность, унилатерализм.

– доминированием развитых стран (при лидерстве США), которые ориентированы, прежде всего, на военно-силовые решения проблем мировой политики без учета безусловного следования ими самими требованиям норм международного права.

Находящиеся в прямой зависимости от политической практики концепции национальной безопасности Франции, фактически, определяются идеологическими **установками национальной доктрины**.

Среди прочих национальных особенностей формирования политики национальной безопасности можно отметить следующие. Во Франции существует устойчивое внутреннее согласие о том, что страна является великой мировой державой. В этом и состоит голлистская традиция, сформулированная Шарлем де Голлем как “Франция лишь в том случае является подлинной Францией, если она стоит в первых рядах”. Франция не отягощена комплексом вины из-за своего колониального прошлого, что дает ей повод для претензий на глобальную роль в мире, что выражается в стремлении играть роль посредника между ведущими западными странами и государствами “третьего мира”. Однако Франция никогда не стремилась к одностороннему гегемонизму. Традиционно обеспечение безопасности ею рассматривается посредством равновесия великих держав в рамках многополярного мироустройства. Отсюда и традиционное стремление Франции к проведению гибкой политики балансирования и отказ от каких-либо двусторонних союзов в пользу многосторонних.

Франция также рассматривает военные инструменты в качестве основы обеспечения политики безопасности, что находит подтверждение **в обособленности (односторонности) в вопросах национальной обороны от НАТО и др. государств Европы**, а также в проведении собственной ядерной политики.

В геополитическом плане Франция числит себя не только континентальной и морской державой одновременно, но и уточняет, что является единственной (исключая Испанию) европейской страной, одновременно выходящей к Атлантике и Средиземному морю. Такое положение Франции предопределило и как бы тройственность ее геополитической модели.

Франции разделяет обязательства и несет ответственность за свои подмандатные территории и оказывает содействие в развитии своим бывшим колониям. Оправданием глобализма Франции служит также и ее статус постоянного члена Совета Безопасности ООН.

“Европейский периметр” определяет важность участия Франции в формировании регионального порядка как в Средиземноморье, Северной Африке, так и на Ближнем Востоке и прилегающих к нему акваториях¹.

“Евроцентризм” определяется особой важностью состояния безопасности в Европе и участия в европейских делах, где Франция традиционно рассматривает себя как регионального лидера, сдерживая при этом европейские аппетиты США, Великобритании (англосаксонская группа), Германии и, в некоторых случаях, России.

Отличительной особенностью руководства обеспечением национальной безопасности Франции является особая роль президента республики, что определено конституцией 1958 г., согласно которой президент является “гарантом национальной независимости, территориальной целостности, соблюдения соглашений Сообщества и договоров”, а также главой вооруженных сил. Президенту же предоставлены исключительные права, когда “независимость на-

ции, целостность ее территории или выполнение ею международных договоров оказываются под серьезной и непосредственной угрозой". Роль президента была закреплена (в 1959 г.) и в виде создания так называемого "президентского сектора", то есть исключительных полномочий президента, к которым отнесены вопросы внешней политики, дипломатии, обороны, отношений с членами Сообщества.

В силу особого, близкого к абсолютному, положения президента в сфере национальной безопасности, огромное значение приобрела и его функция основного идеолога ее обеспечения. Именно национальные доктрины и концепции, принятые за основные направления обеспечения безопасности (они, как правило, не носят характера единого, цельного документа), являются теми рамками, которые определяют текущие решения и дают ориентиры для перспективных. При разработке программных документов в области национальной безопасности президент опирается на советников из канцелярии президента при Елисейском дворце.

Участие остальных звеньев исполнительной власти в разработке вопросов национальной безопасности значительно скромнее. Тем не менее, премьер-министр и правительство располагают значительными возможностями в данном плане. Особо следует выделить подчиненный премьер-министру Генеральный секретариат национальной обороны (ГСНО), отвечающий за межведомственную координацию вопросов обороны, значение которого аналогично значению Совета национальной безопасности в США. ГСНО ведет и собственную аналитическую работу.

Большую роль в формировании национальной доктрины и концепции национальной безопасности Франции играют Министерство иностранных дел,

в рамках которого функционирует Центр анализа и прогнозирования, а также Министерство национальной обороны и Генеральный штаб, отвечающие за разработку национальной военной доктрины.

Необходимо отметить, что многие теоретики национальной безопасности из госаппарата, переходящие на работу в частный сектор, зачастую продолжают свою теоретическую деятельность. В результате формируются группы интересов, сочетающие в себе государственные взгляды и устремления частного бизнеса, что оказывает влияние на формирование и корректировку политики национальной безопасности.

Роль политических партий и представительских органов власти в определении политики национальной безопасности страны ограничено конституцией. Кроме того, доминирование исполнительной власти над законодательной во Франции фактически сводит на нет фактор межпартийной борьбы при определении характера концепции национальной безопасности. Тем не менее, большинство партий Франции разрабатывают свои программы внешней и оборонной политики, а также публикуют документы по различным аспектам безопасности.

При этом отмечается фактическое отсутствие серьезных разногласий в отношении политики национальной безопасности между фракциями Национального собрания Франции вне зависимости от остроты текущего момента и степени реальности внешних угроз.

С приходом к власти в 1995 г. Ж.Ширака трактовка национальных интересов стала более гибкой и прагматичной, особенно в отношении "атлантизма" и роли НАТО.

Среди основных приоритетов политики национальной безопасности Франции за последние четыре года следует отметить: подтверждение собственного независимого статуса черз

обладание ядерным потенциалом и значительной военной мощью; дальнейшее укрепление ЕС через валютный союз (евро) и франко-германское взаимодействие, а также ОБСЕ; опора на адаптированную НАТО и формирование модели “четырехстороннего лидерства” в Европе.

В основе концепции лежит тезис о том, что национальное государство – основа европейской безопасности, то есть Франция преследует цель “дозированной” европейской автономии на основе концепции “прагматичного евроцентризма”.

В отношении НАТО просматривается установка сделать из США не абсолютного ее лидера, но заложника европейской безопасности перед лицом нестабильности в Восточной Европе, на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. По мнению французских аналитиков, для Франции необходим противовес сильной Германии, нездоровой России и перманентной нестабильности. Выдвигается концепция “адаптированной НАТО”, что означает для Франции участие только в ее коллективных операциях, за исключением обозначенных в ст. 5 Устава Альянса (то есть “вне зоны ответственности”).

В позиции Ж.Ширака по вопросам национальной безопасности Франции прослеживается дальнейшее снижение удельного веса исходных голлистских установок. Это накладывает отпечаток и на политику национальной безопасности, которая носит смешанный, евро-атлантический характер, причем с опорой на евроцентризм².

Франция постоянно находится в активном поиске новой модели нацио-

нальных интересов. При этом основные модели проведения политики национальной безопасности ограничиваются двумя альтернативами: евроцентризмом и атлантизмом.

В начале нового века тесный союз США и Европы, традиционно определяемый в западных политических и научных кругах термином “атлантизм”*, вступил в новую и непредсказуемую эпоху, сопровождавшуюся разногласиями “Старого” и “Нового” Света по самому широкому кругу вопросов, начиная от экологии и торговли и заканчивая вопросами международной безопасности. Несмотря на неоспоримость того, что кризисные тенденции в американо-европейских отношениях не являются необратимыми, великий трансатлантический спор вряд ли можно сводить к простым тактическим разногласиям. Предмет этой полемики носит многогранный характер, а ее истоки следует искать в самой сущности американо-европейских отношений, кардинальным образом изменившихся в постбиполярный период.

В перечне вопросов, определяющих развитие трансатлантических отношений, не последнее место занимает проблема “односторонности / многосторонности”, как в узкой сфере оборонной политики, так и в более широком контексте международной безопасности.

Американская политика унилатерализма (политика действий в одностороннем порядке, что может лучше обеспечить собственные интересы и защитить базовые ценности) спровоцировала в западных политических, военных и научных кругах бурную дискус-

* По определению известного российского специалиста по внешней политике США А.И. Уткина, в плане конкретной политики “атлантизм” часто понимается в узком смысле – как концепция развития стран Североатлантического региона, главенствующая после Второй мировой войны в западноевропейской политике США. (Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М., 1979).

сию о дальнейших перспективах многостороннего сотрудничества Европы и США в рамках существующих международных институтов. При этом дискурс по проблеме односторонности / многосторонности на уровне политического и экспертного сообществ в странах Запада неизбежно отражался на процессе формирования внешней и оборонной политики, находя воплощение в официальных внешнеполитических и военных доктринах США, НАТО, ЕС и отдельных европейских стран.

Концепция абсолютной безопасности, которая была принята на вооружение администрацией президента Дж.У.Буша, ознаменовала собой отход США от политики “благожелательной гегемонии”, основанной на системе широкой евро-атлантической кооперации призванной обеспечивать защиту Западных стран.

Отказ США от прежде существовавшей модели коллективной безопасности в пользу национального эгоизма в сфере обороны, по мнению критиков, привел к тому, что абсолютная защита Америки стала подразумевать абсолютную незащищенность других стран. Итогом такой политики стало возрождение “дилеммы безопасности”, когда окружающий мир стал воспринимать США и их внешнеполитический курс в качестве едва ли не главной угрозы собственным интересам.

Современная трактовка односторонней внешней политики, известной как унилатерализм, получила распространение в американской политической науке в последнее десятилетие XX в. в связи с окончанием “холодной” войны и беспрецедентным усилением влияния США в мире³.

Вместе с тем, в рядах сторонников незыблемости американского суверенитета намечился раскол в вопросе о целях и задачах, формах и содержании будущей односторонней внешнеполитичес-

кой стратегии США. Используя условную терминологию можно отметить, что консервативное экспертное сообщество разделилось на два основных лагеря: “изоляционистов” – расценивающих унилатерализм как средство реализации узко определяемых национальных интересов США, и “гегемонистов” – выступающих за применение в глобальном масштабе расширенной трактовки американских интересов. Принципиальным расхождением между двумя соперничающими течениями стал вопрос о международных обязательствах США во взаимоотношениях с внешним миром. В то время как “гегемонисты” рассматривали мультилатерализм как ограничитель для исполнения подобных обязательств (в понимании гегемонистов они означали широкое и бесконтрольное одностороннее вмешательство, призванное установить глобальную гегемонию имперского типа), “изоляционисты” относились к многосторонней политике как к фактору, заставляющему Америку исполнять ненужную ей самой лидирующую роль в мировых делах.

По сути американские унилатералисты гегемонистского толка отвергли так называемую “теорию гегемонистской стабильности”, согласно которой многосторонние институты, созданные по инициативе стран-гегемонов, помогают им преодолеть сопротивление других международных субъектов и, как следствие, “увековечить” свою власть над миром. Отказ от ключевых положений данной теории был мотивирован тем, что ее применение на практике привело не к “увековечиванию” американской гегемонии, а прямо к противоположным результатам. Стремясь ограничить своих союзников и противников с помощью многосторонних институтов, США ограничили собственную власть над другими странами. Универсализация некогда исключительно американоцентричных структур

позволила союзным странам подоправлять американское влияние в них, оказывать большее влияние на внешнюю политику США и корректировать ее в своих интересах.

Главный тезис унилатералистов-изоляционистов, напротив, сводился к необходимости одностороннего отказа (или, по крайней мере, максимального сокращения) от политических и военных обязательств в отношении других стран (особенно европейских), а также международных договоров, режимов, союзов и организаций. Подчеркивая необходимость дистанцирования Америки от европейских проблем, Дж.Вашингтон считал, что “основополагающие интересы Европы либо никоим образом не связаны с интересами США, либо имеют к ним весьма отдаленное отношение”⁴.

Оставив за рамками дебатов возможность возрождения нового изоляционизма во второй половине XX в., политико-академическое сообщество сместило акценты спора в сторону вопроса о степени вмешательства в мировые дела и характере многостороннего сотрудничества. Иначе говоря, суть полемики не сводилась к вопросу о том, следует ли Соединенным Штатам проводить политику интервенционизма, речь шла о том, как осуществлять подобный курс вовлечения, – в одиночку или вместе с другими. Тогда же с новой силой вспыхнула двухпартийная дискуссия о степени американского вмешательства за рубежом.

“В то время, как либералы предлагали ориентироваться на так называемый “интервенционизм”, то есть поставить во главу угла внешней политики создание международного экономического и политического порядка, который обеспечил бы беспрепятственную экспансию американского капитала во всех частях света, то консервативная оппозиция апеллировала к традициям изоляционизма и невмешатель-

ства”, – отмечал российский исследователь С.М.Плеханов.

На рубеже XX в. и в начале XXI в. многие зарубежные и российские исследователи стали признавать, что в вопросе о соотношении односторонних/многосторонних методов решения международных проблем в США мнения демократов (либералы) и республиканцев (консерваторов) больше совпадают, чем различаются⁵. Двухпартийная дискуссия велась скорее по вопросу о формах поведения Америки в отношении их европейских союзников и, в гораздо меньшей степени, затрагивает содержательную часть американской внешнеполитической стратегии.

Американские концепции унилатерализма, (несмотря на неоднозначность их трактовок разными учеными) встретили неприятие как в Европе, так и в мире.

Европейские экспертные круги не перестают утверждать, что если Америка откажется от многосторонних обязательств она сможет сохранить свободу действий, однако при этом окажется в одиночестве. США превратятся в лидера, которому нечем будет руководить в мире, где нестабильность будет порождена американской изоляцией.

Принимая во внимание тот факт, что ЕС является главным потенциальным соперником США, то сама идея создания и поддержания широкой институциональной связи между Соединенными Штатами и сообществом, с которым Америка разделяет основные ценности, имеет смысл. США заинтересованы в развитии международных ценностей и институтов, которые ограничивают свободу действий других участников международной политики и создают рамки для сотрудничества.

Согласно утверждениям мультилатералистов, ограничение свободы дей-

ствий, накладываемое на сверхдержаву в процессе ее коллективных действий с другими международными субъектами, компенсируется дополнительными возможностями, позволяющими всем участникам многостороннего процесса достичь общих целей. С учетом того, что каждый партнер обладает определенными сравнительными преимуществами в конкретной сфере, совместные усилия, предпринимаемые всеми участниками коллективных действий, способны привести к успеху, который был бы недостижим, если бы каждый субъект действовал в одиночку.

Партнерство с Европой позволило бы США снять проблему, связанную с односторонностью собственных действий. Протест против односторонних американских действий со стороны “мирового сообщества” стал, в первую очередь, протестом Европы, которая после окончания биполярной конфронтации все чаще стала отказывать США в легитимности американских внешнеполитических действий. Преодолеть этот протест можно только путем достижения “широкого международного консенсуса”, под которым подразумевается в первую очередь консенсус с Европой.

“ЕС сильнее практически во всех областях глобального влияния, несмотря на его слабость в военном отношении по сравнению с США”⁶. Недостаток военно-силовых возможностей компенсируется высоким авторитетом и престижем Евросоюза. ЕС как собирательный образ уже сам по себе является воплощением многосторонности, поэтому европейские действия воспринимаются мировым сообществом как более легитимные и не встречают такого сопротивления, как в случае с американскими инициативами. Опора Европы на коллективные механизмы безопасности и “Евроцентризм” “интервенционизм”, “мягкую силу”, по мне-

нию европейских и критично настроенных в отношении официального внешнеполитического курса США американских исследователей, превратилась в еще одно важное преимущество ЕС над “жестким” гегемонизмом США.

Унилатерализм, по мнению противников американской политики односторонних действий, является скорее признаком постепенного упадка США, нежели следствием наступления эры “перманентной американской гегемонии”. С окончанием периода глобальной конфронтации, основой которого выступали принципы биполярного миропорядка, геополитический и геоэкономический контекст отношений США с ведущими странами и регионами мира претерпевает существенные изменения. Привычные мерки, подходившие для геополитических реальностей периода “холодной войны” не соответствуют новым условиям. США стоят перед насущной необходимостью поиска места и роли, соответствующих их новому положению в мировом геополитическом пространстве, формулирования новой повестки дня и новых целей, уточнения и корректировки своих интересов в области национальной безопасности. Однако в создавшихся условиях американским руководством еще не выработаны ориентиры, установки и ориентации, адекватные сложившемуся положению вещей.

Тенденции мирового развития, со всей остротой проявившиеся на рубеже XX–XXI вв., как полагают критики американского унилатерализма, являются собой дальнейшую деградацию американоцентричной системы институционального сотрудничества. Стремление США к освобождению от лидерского бремени путем выхода из этой системы, и попытки создать на ее месте “имперский миропорядок”, подрывают собственное могущество Америки, так как подобные действия идут вразрез с

истинными американскими стратегическими интересами. Как отмечали исследователи Д.Малон и Е.Фонг-Конг, американские односторонние шаги способны обеспечить США преимущество в краткосрочной перспективе, однако подобные действия подрывают долгосрочные цели американской внешней политики.

Самовольный выход США из ранее инициированных ими же самими международных соглашений, приведет к ослаблению важных режимов, где США играли и продолжают играть лидирующую роль.

Оптимальным решением для Вашингтона, по мнению критиков унилатерализма, были бы действия в тандеме с Европой и в рамках международных институтов, так как это позволило бы США, с одной стороны, больше легитимизировать свои действия на мировой арене, а с другой – избежать перенапряжения сил, которое, по мнению известного специалиста по европейским исследованиям Д. Каллео, является “фатальным злом для любого гегемона”. Евросоюз является естественным партнером США в строительстве совместной системы многостороннего сотрудничества, основанной на нормах и эффективном балансе сил, который способен поддерживать эти нормы.

Глобальная война с терроризмом, которую США стали вести практически в одиночку, привлекая лишь ограниченные силы союзников, послужила доказательством того, что наиболее сильная нация все же нуждается в многостороннем сотрудничестве. Если в 90-е годы неудачный опыт американского участия в многосторонних интервенциях под флагом ООН, в частности в Сомали, способствовал усилению унилатералистских настроений в политико-академических кругах Америки, то односторонние военные акции США в Афганистане и Ираке и связанные с ними последую-

щие проблемы урегулирования внутриполитической ситуации в этих странах были использованы сторонниками мультилатерализма для укрепления собственных позиций. В частности, директор центра стратегических исследований нидерландского института международных отношений “Клингендаль” Р. де Вик писал: “Соединенным Штатам, вооруженные силы которых находятся одновременно в Южной Корее, на Балканах, Ираке и Афганистане, чрезвычайно трудно справляться с проблемными странами и международными кризисами, подрывающими надежность американской силовой дипломатии”⁷. В такой ситуации Вашингтон нуждается в надежной военной опоре, роль которой может выполнить только Европа. Именно Европа могла бы стать “глобальным военным партнером” США в осуществлении всеобъемлющей американской стратегии, направленной на решение обоюдных важных для Америки и Европы военно-политических задач в мировом масштабе. На протяжении 90-х начала 2000-х годов Европейские страны-члены НАТО активно участвовали в постконфликтном восстановлении и “государственном строительстве” целого ряда стран, а вот подход Соединенных Штатов “выстрели и забудь” не доказал свою эффективность ни на Балканах, ни, тем более, в Афганистане и Ираке.

Определенное время у специалистов складывалось впечатление, что США, возможно, склоняются к созданию временных коалиций⁸.

Односторонняя политика США, кульминацией которой стала война в Ираке, не только спровоцировала серьезный кризис в трансатлантических отношениях, но и внесла раскол в ряды стран-членов ЕС и НАТО. В очередной раз обострились отношения Великобритании и Франции при одновременном укреплении франко-германских отношений.

Критики американской односторонности в настоящее время полагают, что корректировка американского курса, наметившаяся после политического “провала” США в Ираке, и постепенное склонение США в сторону коллективных инициатив не подразумевает пол-

ный отказ от унилатеризма и замены его на интернационалистский коллективизм. Такая политика неизбежно привела бы Соединенные Штаты к ограничению свободы для маневра, что неприемлемо для любой администрации (будь то демократы или республиканцы).

В конце XX – начале XXI вв. проблема односторонности / многосторонности во многом стала определять фон трансатлантических отношений в сфере безопасности. В этой связи западное политическое и экспертное сообщество все чаще стало обращаться к дискуссии о преимуществах унилатерализма над мультилатерализмом (или же первого над последним), особенно по мере того, как США и Европа начали реализацию собственных сценариев разрешения проблем международной безопасности. Вместе с тем, кризис концептуального мышления в западном экспертном сообществе, во многом обусловленный неопределенностью и переходностью нынешней ситуации в трансатлантических отношениях, воспрепятствовал формированию объективной картины, отражающей состояние Евроатлантического партнерства на современном этапе, затруднил выработку универсальной концепции, которая могла бы стать основой для выстраивания устойчивых американско-европейских связей в условиях складывания нового миропорядка. И хотя коллективные процедуры принятия решений, призванные обеспечить баланс интересов и, на этой основе, реалистичность и достижимость решений, остаются основой мультилатерализма, содержание данного понятия еще будет изменяться.

Примечания

- ¹ *Sloan S.* NATO, the European Union, and the Atlantic Community: the Transatlantic Bargain Challenged. Lanham, 2005.
- ² *Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.
- ³ *Богатуров А.* Глобальные аспекты “цивилизационного” влияния США в XXI веке // МЭиМО. 2007. Сентябрь.
- ⁴ George Washington’s Farewell Address 1796. International Information Programs U.S. State Department // <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/facts/democrac/49.htm>
- ⁵ *Шумилин А.И.* Проблема двухпартийности во внешней политике США // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 21–22.
- ⁵ *Moravcsik A.* Striking a New Transatlantic Bargain // Foreign Affairs. July / August 2003. Vol. 82. № 3. P. 84.
- ⁷ *Wijk R.* European Military Reform for a Global Partnership // The Washington Quarterly. Winter 2003–2004. Vol. 27. № 1. P. 209.
- ⁸ *Cox M.* Martians and venutians in the new world order // International affairs. 2003. Vol. 79. № 3. P. 527.

Формирование экологической политики Европейского союза

Алексей Гусев

В настоящее время ни один регион мира, даже такой мощный как Западная Европа, не может рассматриваться иначе, как в контексте развития всей мировой политической и экологической обстановки и в теснейшей связи с другими регионами. В связи с этим и в соответствии с принятой в Рио-де-Жанейро “Декларацией по окружающей среде и развитию” экологическая проблематика признана в большинстве стран и регионов неотъемлемой частью процесса устойчивого развития¹.

Современный Европейский Союз (*EC, the European Union, the EU*), состоит из 27 государств².

Это единственная из всех ныне существующих групп государств, возникших в процессе региональной экономической и экологической интеграции, которая максимально близко приблизилась к стадии полной интеграции³.

Следует признать, что предметом пристального внимания ЕС является международная политика в области окружающей среды и экологической безопасности. ЕС не без оснований претендует на мировое лидерство в этой области, будучи единственным международным объединением, выступающим в таких соглашениях в качестве главного действующего лица.

Евросоюз фактически инициировал подписание Монреальского протокола о защите озонового слоя Земли и Киотский протокол о сокращении выбросов парниковых газов.

Более того, ЕС стал инициатором появления новых международных норм в области экологической политики и охраны окружающей среды.

Например, “Рамочная конвенция ООН об изменении климата” появилась во многом благодаря активным усилиям Европейского союза.

ГУСЕВ Алексей Александрович – кандидат политических наук, доцент Международной академии бизнеса и управления.

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, экологическая политика, механизмы формирования экологической политики.

Так, например, в Люцернской декларации министров стран-представителей Европейской экономической комиссии ООН особое значение уделено "формированию организационной инфраструктуры, включая эффективные правовые и административные механизмы, управленческие инфраструктурой, системой подготовки кадров и образования в сфере политики охраны окружающей среды"⁴.

Следствием данных реформ предусматривается переход на комплексное управление природоохранной деятельностью и обеспечение экологической безопасности, главным образом, промышленных объектов во многих странах Европейского союза.

Экологические проблемы

Экологические проблемы, стоящие сегодня перед ЕС и состояние окружающей среды в странах Евросоюза нельзя охарактеризовать однозначно. Конечно, в последние 30 лет в экологической обстановке ЕС произошли заметные изменения к лучшему.

Например, стали заметно чище поверхностные воды, в два раза сократился объем выбросов двуокиси серы, особенно в странах Западной, Центральной и Восточной Европы.

В связи с этим в последние годы состояние воздушной среды европейского континента значительно улучшилось. Однако, несмотря на принимаемые усилия, практически не наблюдается прогресса в поддержании биологического разнообразия и экологическом состоянии лесов, подземных вод и сохранения природных территорий: национальных парков, резерватов и заповуников.

На страны ЕС, по-прежнему, приходится значительная часть выбросов парниковых газов.

Несмотря на то, что площади лесов на территории ЕС в 90-е годы XX в. увеличилась на 10%, почти 60% лесов испытывают серьезные последствия от подкисления почв, загрязнения, засух и лесных пожаров.

С 1980 г. по 2009 г. образование отходов на душу населения в странах Евросоюза возросло на 35%. Несмотря на рост эффективности утилизации, более 70% отходов, по-прежнему, поступают на свалки.

В некоторых регионах, особенно в странах Центральной и Южной Европы, ощущается нехватка чистой питьевой воды, к тому же более чем в половине крупных европейских городов происходит чрезмерная эксплуатация ресурсов грунтовых вод, а многие страны отмечают существенное загрязнение грунтовых вод нитратами, пестицидами, тяжелыми металлами и углеводородами².

Заметно ухудшилось состояние прибрежных экосистем и акваторий, особенно в Южной и Западной Европе, а также в странах Средиземноморья⁵.

На ухудшение экологической ситуации в Европе влияет не только увеличение числа производственных объектов и увеличение их мощностей, но и целый ряд экономических и юридических факторов, действующих в разных сферах, на разных уровнях и с различным масштабом воздействия⁶. Это, прежде всего, ресурсоемкая макроэкономическая политика государств-членов ЕС и Союза в целом, приводящая к экстенсивному использованию природных ресурсов, неэффективная инвестиционная политика, ориентированная на развитие ресурсоэксплуатирующих секторов экономики, нестабильная секторальная политика, включающая в себя топливно-энергетический комплекс, сельское и лесное хозяйство, а также несовершенное законодательство и практическое отсутствие эколого-сбалансированной долгосрочной экономической стратегии Европейского союза³.

Экологические тенденции, происходящие в ЕС, заставляют задуматься над такими сложными теоретическими вопросами, как процессы формирования глобальной экономики и роль Союза при формировании экологической политики для сохранения и восстановления окружающей природной среды Европы.

Необходимо отметить, что и в проекте Конституции ЕС вопросам экологической политики отводится важная

роль. Предполагается, что политика в области окружающей среды должна быть направлена, прежде всего, на достижение следующих целей:

- защита и улучшение качества окружающей среды;
- охрана здоровья человека;
- разумное и рациональное использование природных ресурсов;
- выработка мер, направленных на решение как региональных, так и общемировых экологических проблем.

Экологическая политика

Экологическая политика ЕС основывается на двух основных подходах: предосторожности и превентивных действиях, при которых ущерб окружающей среде должен предотвращаться, а загрязнитель окружающей среды должен платить. В тоже время современная экологическая политика ЕС учитывает: доступность научной и технической информации, условия окружающей среды в разных регионах Союза, потенциальную выгоду и издержки от принимаемых действия или бездействия, а также экономическое, социальное развитие ЕС в целом и сбалансированное развитие его отдельных стран⁷.

Таким образом, в экологической политике Евросоюза для всех государств-членов ЕС должны учитываться следующие основополагающие положения:

- сходство многих экологических проблем в европейских государствах;
- обязательность выполнения совместно принятых решений;
- стремление к унификации мероприятий по борьбе с загрязнениями, а также согласованные и единые позиции на международных переговорах.

В настоящее время страны ЕС в своей деятельности применяют следующие принципы экологической политики:

- принцип предосторожности;
- принцип ликвидации последствий и возмещение ущерба окружающей среде;
- принцип упреждающего действия.

Масштабность экологических проблем и то количество сфер, которые они затрагивают, безусловно, отражается и в функционировании институтов Европейского союза.

Деятельность Европейского совета, Европейской комиссии, Европейского парламента, Суда и Счетной палаты прямо или косвенно затрагивает и проблемы сохранения окружающей среды. В структурах ЕС существует и специальный орган, занимающийся вопросами окружающей среды – Европейское агентство по окружающей среде (*the European Environment Agency – the EEA*)².

Агентство взяло на себя очень важную и уникальную в своем роде функцию: сбор и анализ данных о состоянии окружающей среды на европейском континенте, а также участие в контроле над внедрением экологического законодательства ЕС, разработке стандартов “эко-лейбл” и усовершенствование критериев оценки воздействия на окружающую среду.

Необходимо отметить, что диапазон подходов, применяемых Европейским союзом, значительно расширился

с момента начала развития этого направления европейской политики. Они стали более доступны благодаря программе *LIFE**.

Таким образом, нормативные акты, конвенции, директивы и регламенты ЕС являются важными и необходимыми для решения проблем сохранения окружающей среды административными подходами формирования и реализации европейской экологической политики. Конвенции, особенно принимаемые под эгидой ООН, являются важными подходами реализации и глобальной экологической политики.

Под действие конвенций, например, попадает огромное количество объектов, в том числе природные ресурсы и опасные для окружающей среды виды человеческой деятельности⁹.

Кроме того, в сферу, регулируемую этими документами, входит климат и атмосфера, моря и океаны, леса и пустыни, биологическое разнообразие в целом и исчезающие виды в частности.

Европейские законы и программы действий в области окружающей среды должны приниматься после консультаций с Комитетом регионов, экономическим и социальным Комитетом. Страны-члены должны финансировать и применять принятую ЕС политику в области окружающей среды⁹.

Ухудшение экологической ситуации в настоящее время на территории Европы происходит под воздействием ряда, прежде всего, экономических и правовых факторов. Они действуют в разных сферах и различны по масштабам своего воздействия и серьезности последствий. Данные факторы можно сформулировать следующим образом:

- макроэкономическая политика, ведущая к экстенсивному использованию природных ресурсов;

- инвестиционная политика, ориентированная на развитие эксплуатирующих природные ресурсы секторов экономики;

- неэффективная секторальная политика, а именно, в топливно-энергетическом комплексе, сельском и лесном хозяйстве,

- несовершенная законодательная база,

- отсутствие эколого-сбалансированной долгосрочной стратегии,

- недоучет косвенного эффекта от охраны природы,

- существование действенного стимула в виде получения значительной и быстрой прибыли от чрезмерной эксплуатации или продажи природных ресурсов (нефть, газ, лес и руда).

Без сомнения, учет экологических требований приводит в странах ЕС к росту цен. По сравнению с реальной оплатой труда, покупательная способность населения стран Евросоюза уменьшается. Эта ситуация идет вразрез с современной моделью цивилизации, направленной на получение быстрых результатов, без учета негативных последствий, распространяющихся на будущие поколения. В итоге, ущерб для окружающей среды оказывается несоизмеримо больше краткосрочных выгод.

Следовательно, важнейшая причина ухудшения экологической ситуации на территории Европы является, прежде всего, неэффективная ресурсоемкая структура экономики, а также нежелание бизнеса повышать издержки фирм на экологические нужды. Тем не менее, нельзя не признать, что в последние десятилетия правительства развитых стран активно борются за рациональное и экономное использование при-

* *LIFE* – Программа по финансированию проектов по окружающей среде, которая создана для финансирования и осуществления проектов по защите окружающей среды.

родных ресурсов, внедрение новых малоотходных технологий.

В настоящее время в Евросоюзе на первом плане стоят следующие комплексные проблемы окружающей среды:

- снижение парникового эффекта и вызываемое им глобальное потепление;
- уменьшение кислотных дождей и соответствующее загрязнение водной среды, прежде всего, в озерах и закрытых водоемах, вымирание лесов, то есть в целом, явлений и процессов, носящих трансграничный характер.

По-прежнему остается актуальной проблема захоронения радиоактивных

отходов с длительным периодом полураспада.

Немалую политическую проблему составляет расширение ЕС³.

На сессии Европейского совета (Копенгаген, июнь 1993 г.) были изначально одобрены показатели, которых страны-кандидаты должны достичь в обязательном порядке, чтобы преодолеть так называемый “экологический разрыв” между ними. Для этого были определены основные принципы взаимодействия между странами Европейского союза в рамках ее экологической политики.

Принципы экологической политики

Диапазон принципов взаимодействия в рамках экологической политики Европейского союза значительно расширился с момента начала развития этого направления европейской политики.

Согласно Амстердамскому договору, в рамках Евросоюза сегодня существуют следующие принципы экологического взаимодействия стран ЕС:

- *принцип упреждающего действия*, то есть деятельность Евросоюза, направлена на предупреждение, профилактику загрязнения или иного ущерба окружающей среде. Угроза ущерба окружающей среде должна быть учтена заранее;

- *принцип предосторожности*, смысл которого заключается в том, что недостаток результатов научных исследований по конкретной проблеме не может являться причиной отмены или отсрочки мероприятий ЕС по профилактике загрязнения окружающей среды. Не всегда можно с уверенностью предсказать негативное влияние на окружающую среду, но даже в таких случаях при наличии гипотетической возможности экологического нарушения необходимо принимать природоохранные меры;

- *принцип ликвидации последствий и возмещение ущерба* окружающей среде. Этот принцип обязывает в случаях невозможности избежать ущерба окружающей среде “минимизировать” его, сдержать его распространение и устранить его последствия в кратчайшие сроки;

- *виновник ущерба платит*, то есть ущерб оплачивается теми, кто его причинил, взаимодействие по принципу “загрязнитель платит”. Расходы на превентивные меры, очистку и компенсацию за загрязнения ложатся на виновников. Этот принцип отражает повсеместно наблюдаемую тенденцию, состоящую в том, что методы финансового стимулирования более эффективны, чем наложение каких-то обязательств или запретов, то есть административные меры “проигрывают” в своей эффективности инструментам, разработанным на рыночной основе.

Принципы, общие для всех государств-членов ЕС, можно свести к следующим основополагающим положениям: сходство многих экологических проблем в европейских государствах, обязательность выполнения совместно принятых решений, стремление к уни-

фикации мероприятий по борьбе с загрязнением, а также согласованные и

единые позиции на международных переговорах.

Механизмы экологической политики

С 90-х годов XX в. в экологической политике ЕС обозначился отход от прямого администрирования к более гибким механизмам, которые включают элементы рынка, например, торговля квотами, сокращение выбросов парниковых газов и “элементы партиципативного управления: принцип “разделенной ответственности” между участниками такими, как правительство, бизнес, общественность, потребители. Более того, по Орхусской конвенции (1998 г.), граждане ЕС также должны быть привлечены к природоохранной деятельности, задействованы в процессы подготовки, мониторинга и контроля за нарушением экологических норм. Граждане имеют право на информацию, право на участие в подготовке правовых актов, право обращаться в суд по вопросам защиты окружающей среды.

Важнейшими механизмами реализации экологической политики в Евросоюзе являются финансовые или рыночные механизмы. Рыночные механизмы (*market – based instruments – MBIs*) осуществляемые в виде налогов, субсидий, торговых разрешений, как правило, открыто закладываются в цену продукта или услуги, образуя тем самым, скрытые затраты, обеспечивающие реализацию экологической, социальной и экономической политики.

Гибкие рыночные механизмы эффективны для применения во всех при-

оритетных областях экологической политики (борьба с изменением климата, сохранение биологического разнообразия, защита окружающей среды и здоровья человека, а также устойчивое использование природных ресурсов).

В качестве примера можно привести следующее виды загрязнений окружающей среды и соответствующие налоги на:

- топливо;
- захоронение отходов,
- упаковку и переработку отходов;
- выбросы от сельскохозяйственной деятельности.

Рыночные механизмы становятся более доступными благодаря программе *LIFE*, фонды которой для проведения мероприятий и осуществления проектов по защите окружающей среды доступны странам-участницам ЕС, а также на определенных условиях третьим странам. Дополнительное экономическое содействие оказывают Европейский инвестиционный банк.

Таким образом, рыночные механизмы стимулируют производителей и потребителей на смену поведения в пользу эко-эффективного использования природных ресурсов, а также развитие и разработку инновационных природосберегающих технологий. Помимо этого, эти механизмы отвечают целям устойчивого развития и Лиссабонской программе.

Инструменты экологической политики

Современные действующие рыночные инструменты экологической политики можно классифицировать следующим образом:

– *торговые разрешения*, введенные для достижения снижения выбросов, например, квоты на выбросы CO₂ или

использования природных ресурсов, например, квоты на рыбную ловлю;

– *экологические налоги*, введенные для изменения цен и, таким образом, политики потребителей и производителей;

– *экологические взносы*, введенные, чтобы полностью или частично по-

крыть расходы на экологические службы и меры по сокращению таких проблем, как загрязнение водных ресурсов и захоронение отходов;

– *экологические субсидии и льготы*, созданные для стимулирования развития новых технологий, создания новых рынков экологических товаров и услуг, а также для поддержки достижения высоких уровней защиты окружающей среды компаниями;

– *схемы ответственности и компенсации*, цель которых ввести адекватные компенсации за последствия деятельности, опасной для окружающей среды, а также для использования средств предотвращения и восстановления ущерба.

Практический опыт наглядно показывает, что наиболее эффективно использовать комбинирование этих инструментов. Следует отметить, что доля использования рыночных инструментов в экологической политике значительно возросла с середины 90-х годов XX в., особенно это касается налогов, взносов и торговых разрешений.

Большинство мероприятий не выходило за рамки ЕС, включая десять новых государств-участников, ассоциированных и переходных государств в Центральной и Восточной Европе (Румыния, Болгария и балканские страны). Размеры оплаты и взносов, в основном за загрязнения воды и воздуха, исчисляются на достаточно низком уровне в соответствии со способностью каждой из стран платить. Некоторые страны добровольно согласились ввести налоги на отходы и использование ресурсов.

Скандинавские страны и Нидерланды, ранее всех начавшие использовать экологические налоги, до сих пор остаются на лидирующих позициях.

Таким образом, решение экологических проблем, сохранение окружающей природной среды являются важнейшими направлениями политической деятельности Европейского союза в настоящее время.

Германия и Великобритания достигли значительного прогресса в этой области с середины 90-х годов XX в.

Использование экологического налогообложения за последние годы значительно расширилось, например, увеличилось количество налогов на CO_2 , на серу в топливе, на захоронения отходов и на сырье. Лишь небольшое количество налогов остались неизменными (налог на свалки отходов, пошлины на разработку песка, гравия, камня).

На уровне Европейского союза торговля квотами на выбросы CO_2 в настоящее время ведется на самом высоком политическом уровне. Торговая схема начала функционировать с января 2005 г.

В ряде стран ЕС действуют схожие модели торговли квотами: в Германии и Великобритании – на CO_2 , в Нидерландах – на NO_x , квотами на рыбную ловлю – в Эстонии, Исландии, Италии и Португалии.

С 2010 г., согласно Водной рамочной директиве ЕС, планируется введение таких инструментов экологической политики, как система дорожных взносов, возросшего использования торговли сертификатами на электричество, вырабатываемое альтернативными источниками безопасными для окружающей среды. Все это говорит о том, что роль и количество использования рыночных инструментов в экологической политике в последующие годы будет возрастать, в основном, за счет значительной эффективности используемых инструментов.

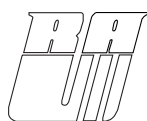
Следует также отметить, что использование определенных экологических налогов, льгот и субсидий являются общими для всех членов ЕС, но при этом каждая страна индивидуально вводит дополнительные элементы экологического налогообложения.

В этой области существует обширная система экологических принципов, механизмов и инструментов, которые успешно реализуются на практике.

Несмотря на имеющиеся проблемы, следует признать, что Европейский союз является безусловным лидером в проведении экологической политики, успешно решающим многие экологические задачи по созданию условий устойчивого и качественного развития природной среды на континенте.

Примечания

- ¹ Глобальная экологическая перспектива, 2000. С. 32.
- ² European Environment Agency // Copenhagen, Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. Р. 24, 64.
- ³ Расширение Европейского Союза и Россия // Под ред. Буториной О.В., Борко Ю.А. М.: «Деловая литература», 2006. С. 29, 128, 228.
- ⁴ Документы представительства Европейской Комиссии в РФ // www.eur.ru/ 2008.
- ⁵ Современная экологическая политика // [http:// www.greensalvation.com/](http://www.greensalvation.com/) 2008.
- ⁶ Европа: вчера, сегодня, завтра // Ред. колл. Н.П. Шмелев. Институт Европы РАН. М.: Изд. «Экономика», 2002. С. 207.
- ⁷ Актуальные проблемы Европы. Глобальные вызовы и Европа / Под ред. Кондратьевой Т.С. М.: ИНИОН РАН, 2003. С.12.
- ⁸ Россия и ЕС: общее пространство безопасности. М.: Пробел – 2000, 2004. С.78.
- ⁹ Проект Конституции ЕС // [http:// www. europa.eu.int/](http://www.europa.eu.int/) 2005.

**ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Международные координаты иберийской идентичности

Кирилл Фёдоров

Современные процессы глобализации размывают идентичность национальных государств и побуждают их к поиску путей и методов противостояния универсалистским тенденциям. В этом смысле характерна стратегия иберийских государств, утверждающих себя в новом формате на пространстве своих бывших исторических империй.

Связи Испании и Португалии со своими бывшими колониями различны по форме и содержанию. В то же время системообразующими коммуникациями являются иберийская история, культура, испанский и португальский языки. В этом контексте Испания и Португалия претендуют на то, чтобы идентифицировать себя не только как “внутриевропейские” страны¹.

Основанием для таких претензий, по их мнению, являются, при всех негативных издержках их имперской политики, такие факты:

- в прошлом Испании и Португалии принадлежало более половины мира;
- Испания и Португалия были первыми европейскими государствами не только начавшими масштабную колонизацию мира, но и одновременно осуществлявшими миссионерскую и культуртрегерскую деятельность за пределами Европы, экспортируя европейские ценности и знания;
- наконец, только иберийские языки по численности населения, считающего их родными, имеют абсолютное первенство среди европейских языков.

Более того, латиноамериканская иммиграция в США и Канаду, а также испанская и латиноамериканская иммиграция в Европу ведут к тому, что, как считают специалисты, “... через некоторое время весь мир поймет, что глобализация – испанское слово”².

ФЁДОРОВ Кирилл Сергеевич – глава компании “United Catering”, окончил МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: лингвокультурная интеграция, европейская периферийность, национальная идентичность иберийских стран, Средиземноморское региональное пространство, международные координаты иберийской идентичности.

Все это является важным фактором для самоидентификации испанской и португальской наций. Причем, если для Испании и Португалии бывшие колонии в Новом свете – это их великое прошлое, то для Латинской Америки ее колониальное прошлое есть европейская составляющая национальной идентичности.

Лингвокультурная экспансия Испании и Португалии

Испания и Португалия по праву рассматривают пространство испано- и португалоговорящих стран и народов Латинской Америки естественным продолжением их национальной культуры. Поэтому через интенсификацию своих отношений с испано- и португалоязычными странами иберийские государства стремятся преодолеть комплексы своей вчерашней европейской периферийности и повысить свой авторитет в Европе и в мировом сообществе. С другой стороны, Испания и Португалия, как европейские страны, претендуют на право считаться связующим звеном между Европейским союзом и странами и регионами, которые в прошлом являлись частью их империй. Это “право” реализуется ими также в рамках некоторых программ ЕС.

Следует также отметить, что потеря Испанией своих латиноамериканских владений после поражения в войне с США (1898 г.) и постоянно присутствующие в Испании и латиноамериканских обществах антиамериканские настроения способствовали взаимному психологическому и идеологическому сближению Испании и латиноамериканских стран на основе общности языка и культуры, а также преодолению постколониальных комплексов.

Как известно, свою лингвокультурологическую политику Испания осуществляет через институт Сервантеса, а Португалия – через Сообщество Португалоязычных стран (созданы соответственно в 1991 г. и в 1996 г.)³.

В настоящее время эти институты действуют в Латинской и Северной Америке, Африке и АТР.

Преимуществом на иберийском языковом пространстве обладает Испания: не только абсолютное число стран Латинской Америки говорит на испанском (кастильском) языке, но и неуклонно растет число жителей США, говорящих на нем. Этот факт дает Испании основание называться не “одной страной, не даже одной огромной страной”, а миром (!)¹.

По мнению исследователей, страны и народы Латинской Америки вместе с языком приняли мировоззрение и философию испанской культуры².

Ибо “язык есть важнейшее средство не только общения и выражения мысли, но и аккумуляции знаний культуры. Будучи сложной знаковой системой, язык может быть средством передачи, хранения, использования и преобразования информации”⁴.

Соответственно, испанский язык оказал влияние на общие стилистические и культурологические контуры латиноамериканской литературы и в чем-то на образ мышления.

Таким образом, можно сделать вывод, что вклад испанской словесности в мировую культуру сопоставим с влиянием на нее английской, французской и русской литературы и словесности.

По примеру ряда европейских государств, давно использующих языковые культурологические программы для сохранения и усиления присутствия в своих бывших колониях и в мире в целом, иберийские страны проводят подобную политику по отношению к государствам Латинской Америки.

Интерес Испании к испаноговорящим странам Латинской Америки абсолютно естественен исторически, но

здесь также просматривается своеобразный геополитический вызов их северному соседу. Общая языковая, культурная и историческая основа дает возможность Испании использовать Иbero-Американские саммиты не только в экономических целях. Эти встречи способствуют самоутверждению страны в международной политике.

Португалия не могла отстать от Испании.

Дух исторического регионального соперничества побуждает ее принять активное участие в создании Сообщества Португалоязычных Стран (СПЯС). Основным направлением деятельности Португалии в Сообществе является культурное и образовательное, экономическое и внешнеполитическое сотрудничество. Главная задача заключается в согласовании общей позиции государств Сообщества.

Это касается, например, их сотрудничества с такими региональными организациями, как МЕРКОСУР, ЕС, Сообщество Государств Западной Африки и др.

Вступление Португалии в ЕС повысило ее привлекательность для португалоязычных стран Африки. Для них открылись новые перспективы сотрудничества, поскольку Португалия должна всегда быть внимательным и заинтересованным посредником в отношениях Анголы, Гвинеи-Бисау... и европейских партнеров, которые могли бы успешно помогать друг другу, в том числе и в рамках договоров Европейского союза и МЕРКОСУР⁵.

Необходимо напомнить о том, что борьба Португалии за сохранение своих владений в Африке носила длительный и жесткий характер. Тем не менее, в некоторых странах и после ухода португальской администрации остались и продолжали работать португальские частные компании и специалисты, то есть восстановление активных связей имело уже определенную базу.

Кроме того, в этом были заинтересованы власти этих стран.

Наряду с решением экономических задач португальское правительство стремится использовать СПЯС для сохранения присутствия португальского языка в мировом лингвокультурном пространстве как способа утверждения своей исторической великодержавной идентичности. Но сам факт существования СПЯС не мог автоматически гарантировать преимущество бывшей метрополии.

Проблемы возникали именно в самом процессе лингвокультурной интеграции, которой препятствовало существование расовых барьеров. Португальцы относятся к выходцам из бывших своих африканских колоний с чувством превосходства, а появление африканцев на рынке труда Португалии вызывает рост недовольства населения. Отношения страны с ее бывшими колониями еще больше ухудшились после того, как Португалия подписала Шенгенское соглашение, что привело к ограничению въезда в шенгенскую зону иммигрантов из бывших африканских колоний.

Собственно говоря, при создании Сообщества Португалия, прежде всего, преследовала политическую цель – сохранить свое присутствие в бывших колониях, а также использовать их природные богатства. Однако Лиссабон не располагал материальными и интеллектуальными ресурсами для реализации масштабной языковой программы, подобной той, что проводили Франция и даже соседняя Испания⁶. Не хватало Португалии и достаточного международного цивилизационного авторитета, в этом она также уступала Испании и Франции.

По мнению западных исследователей, “создание Сообщества воплощает в себе мечту португальцев, начиная с имперской ностальгии и заканчивая враж-

дебным отношением к европейскому капитализму: это демократизованная версия лузотропикализма". Создание СПЯС под эгидой Португалии помогало поддерживать ощущение ее исторической национальной идентичности, иллюзию сохранения Империи (!)⁷.

В результате создания Сообщества внешнеполитический авторитет Португалии заметно возрос, что вывело страну на другой уровень дипломатических контактов, а это придает ее действиям на международной арене больше уверенности.

С другой стороны, претензии Бразилии на роль большой региональной державы в Латинской Америке и на самостоятельность в отношении португалоязычных стран Африки, ее успехи в

экономическом развитии создавали для Португалии неоднозначную ситуацию. К этому необходимо добавить сохраняющееся у португальцев и бразильцев историческое негативное восприятие друг друга⁸.

Тем не менее, можно говорить о том, что во внешнем пространстве португальской идентичности имеется два основных вектора: Европейский союз и Сообщество Португалоязычных Стран. Эти параллельные направления помогают Португалии одновременно поддерживать экономическую стабильность и политический баланс, а также утверждать свою идентичность на международной арене, на Пиренейском полуострове и мировом иберийском языковом пространстве.

Средиземноморская составляющая внешней политики пиренейских нацио-государств

Говоря о внешнем пространстве иберийской идентичности, не следует ограничиваться только миром языка. В ее системе координат важное место занимает Средиземноморье: до начала европеизации иберийских народов Испания и Португалия целиком принадлежали средиземноморской цивилизации. Средиземноморское региональное пространство явилось местом рождения иберийской культуры, ставшей первоосновой испанской и португальской наций. Впоследствии интересы Испании и Португалии были обращены на мировой океан, на открытие и колонизацию новых земель. Но именно Средиземное море направило иберийские народы в мировой океан.

Испания активизировала свою внешнеполитическую деятельность в Средиземноморье после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.).

Так, уже на очередном форуме СБСЕ (Белград, 1977 г.) испанская де-

легация высказалась за поэтапный вывод из бассейна Средиземного моря всех флотов несредиземноморских стран, а также за контроль в этом районе над их военными маневрами в воздухе, на воде и суше⁹.

Поддержав советские мирные инициативы, выдвинутые в Белграде, а также на конференции в Ла-Валетте (март 1979 г.), испанские официальные представители выступили за переговоры по сокращению воздушных и морских сил в регионе. В качестве первого шага в этом направлении они предложили "заморозить" эти виды вооруженных сил на существующем уровне, а в дальнейшем разработать "систему безопасности" для региона при участии всех средиземноморских стран и с учетом их интересов. Особый упор в испанских предложениях делался на недопущение распространения ядерного оружия в этом районе и на выработку условий сосуществования прибрежных государств.

По мнению Мадрида, с началом разрядки в Европе "конфронтация переместилась из Центральной Европы, где положение достаточно стабильно, в район Средиземноморья, где имеется опасная и скрытая напряженность"⁹.

О новой средиземноморской политике Испании в своей речи (Страсбург, 1979 г.) заявил премьер-министр страны А.Суарес.

В частности, он подтвердил, что "Испания не представляет себе Европу без ее средиземноморского измерения, без развития европейской средиземноморской политики"¹⁰.

В этом выступлении были сформулированы основы этой политики: разрядка напряженности и мирное сосуществование, сотрудничество между прибрежными странами.

Для реализации этих целей были обозначены следующие задачи: интенсификация всех действий, направленных на благо общих интересов, борьба против загрязнения окружающей среды, контакты на личностном уровне, установление норм использования морских богатств, сотрудничество с целью ликвидации экономического неравенства, существующего сегодня между странами Северного и Южного побережья, прежде всего в области сырья, промышленных товаров, туризма, торгового обмена; создание дополнительной системы безопасности прибрежных государств¹¹.

В дальнейшем именно с названных позиций Испания неоднократно выступала на различных международных форумах, в частности на конференциях средиземноморских стран в Барселоне (1976 г.), в Афинах (1978 г.), на Мальте (1979 г.), выдвигая идею единения прибрежных стран, создания некой средиземноморской общности с целью усиления доверия между ними.

Наконец Испания поддержала инициативу Франции созвать конференцию для обсуждения проблем Средиземноморья.

Актуализация средиземноморской составляющей Испании происходила в связи с ее намерениями вступить в ЕЭС.

В 80-е – 90-е годы в Средиземноморском регионе начались интеграционные процессы, активным участником которых была Испания. Европу привлекали потребительские и энергоресурсные рынки стран южного Средиземноморья. Однако именно из этих стран шли вызовы и угрозы европейской безопасности, в частности, межэтнические и межрелигиозные конфликты, исламский экстремизм, нелегальная иммиграция, терроризм, наркотики¹².

По мнению зарубежных и отечественных исследователей, геополитическая ситуация в регионе Средиземноморья после окончания холодной войны характеризовалась следующим:

- началась перестройка системы международных отношений, построенной в значительной степени на двухполюсном балансе сил;

- усилилась внутренняя конфликтность и нестабильность в ряде исламских и балканских стран региона;

- началась своего рода конкуренция между странами Средиземноморья и странами Центральной и Восточной Европой (ЦВЕ) за получение масштабной западной помощи и поддержки, что затрудняло экономический диалог ЕС с арабскими странами региона;

- выросла миграция населения из "третьих" стран региона в ЕС, в частности и потому, что их надежды на скорую экономическую помощь Европы не оправдывались;

- изменилась роль Турции, которая перестала быть только лишь юго-восточным флангом НАТО в холодной войне, а стала претендовать и на статус региональной державы. Внешнеполитическая линия Турции теперь направлена на проникновение в Восточное Средиземноморье и на Балканы.

Примером могут служить позиция Анкары в Югославском конфликте и рост ее влияния в мусульманских анклавах Балкан, военные соглашения Турции с Болгарией и Албанией, создание исламской "восьмерки" (D-8) по образцу "большой восьмерки" G-8 и пр.;

- относительно упрочились связи между Югом Западной Европы и ее Центром, а также были практически устранены расхождения во взглядах на средиземноморскую политику между Европой и США;

- возросло значение энергетической проблемы для европейских государств, а для южных и юго-восточных средиземноморских стран – проблемы воды;

- обострилась демографическая проблема, вызванная ростом населения в арабских странах региона;

- усилились такие факторы, как исламский интегрализм и исламский идеологический радикализм;

- в арабских странах усиливается гонка вооружений и распространяются военные и двойные технологии;

- внутри арабского мира растет дисбаланс их национальных экономик¹³.

В декабре 1990 г. Совет ЕЭС принял рамочное решение о проведении так называемой новой средиземноморской политики более высокого уровня, предусматривающей не только сотрудничество, но и партнерство с "третьими средиземноморскими странами".

Активизации средиземноморской политики ЕЭС способствовала и деятельность новых членов Сообщества – Греции, Испании и Португалии, для которых средиземноморские проблемы были не декларациями политиков, а реальной повседневностью¹⁴.

Особое внимание обращает на себя средиземноморская политика Испании. Прежде всего Испания предпринимает усилия для налаживания связей со своими ближайшими соседями – странами

Магриба. Мадрид вместе с Парижем сотрудничают в создании военной структуры Западного Средиземноморья и для этого поддерживают контакты с умеренными арабскими странами региона. В 1991 г. Мадрид стал организатором Конференции по Ближнему Востоку.

Испания инициировала в Евросоюзе ряд обсуждений, в частности, по координации политики ЕС и США в средиземноморском регионе.

Это было вызвано тем, что ЕС и США опираются на разные стратегии и тактики. Вашингтон рассматривает Средиземноморье как беспокойный коридор, связывающий Америку с Израилем и нефтяными государствами Персидского залива, поэтому политика американцев сводится, прежде всего, к геостратегии и тактике силового умиротворения.

Подход же европейцев основан на том факте, что страны Средиземноморья непосредственно примыкают к их южным границам, следовательно, необходимо развивать с ними добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество. Кроме того, Европа исторически является главным финансовым "донором" региона¹⁵.

А в 1995 г. в период председательства Испании в ЕС в Барселоне была проведена первая Евросредиземноморская конференция, на которой была выработана и принята Декларация. В ней говорилось о намерении создать в Средиземноморье "общее пространство мира и стабильности".

Ключевым моментом средиземноморской политики Испании исторически являлись отношения с арабскими странами вообще и скорейшее урегулирование ближневосточной проблемы, в частности. Стоит напомнить, что в позднеантичное время часть еврейских изгнанников оказалась на Пиренейском полуострове и их культура и дея-

тельность стали составной частью иберийской истории¹⁶. Внимание Испании к указанной проблеме объясняется также зависимостью испанского государства от сырьевых энергоносителей арабских стран.

Отношения Испании с арабскими государствами осложнялись по разным причинам исторического и ситуационного характера. Тем не менее, в целом Испании удавалось сохранять исторические связи со странами юга и востока

Средиземноморья. Если же говорить о Португалии, то ее присутствие в этом регионе ограничивается поддержкой инициатив Европейского союза, но в этом плане она не может конкурировать с такими южноевропейскими странами, как Франция, Италия и Испания. Кроме того, как уже отмечалось, Лиссабон всегда был больше озабочен сохранением своего присутствия в африканских португалоязычных странах.

Единство позиций и противоречия в отношениях иберийских стран с США

Особым внешним ориентиром Испании и Португалии являются Соединенные Штаты Америки.

Образ Америки в сознании испанцев и португальцев противоречив. Конечно, иберийские народы гордятся тем, что именно благодаря их открытиям на карте мира появились собственно Соединенные Штаты и их наименование. Но они помнят и то, что США вытеснили Испанию и Португалию из их бывших заокеанских провинций и установили контроль над латиноамериканскими государствами, добились отказа Испании от претензий на Кубу, Пуэрто-Рико, владений в Вест-Индии и о-в Гуам, а также Филиппинский архипелаг после ее поражения в испано-американской войне 1898 г., наконец, стали претендовать на то, чтобы олицетворять собой две Америки и объединить их под своим началом¹⁷.

Со времени провозглашения доктрины Монро (1823 г.), как признает сам Г.Киссинджер, "США полагали, что они играют особую роль в западном полушарии", но "Латинская Америка ... далеко не всегда была согласна с трактовкой Соединенными Штатами" их принципов панамериканизма¹⁸.

Испания и Португалия не могли спокойно отнестись к политике их вытеснения из собственных заморских

территорий. Наступательный характер внешней политики Вашингтона в Новом Свете способствовал возникновению антиамериканских настроений в иберийских обществах.

Однако авторитет США, как великой державы и победителя во Второй мировой войне, был практически абсолютен в мировой политике¹⁹, и с этим нельзя было не считаться любой европейской стране. Более того, США стали фактором консолидации государств Запада, оказав им мощную поддержку для решения общих проблем послевоенного восстановления, развития и безопасности. Соответственно, Испания и Португалия не могли не отреагировать на эти действия Вашингтона и стали развивать связи с США, руководствуясь также и своими интересами.

Франко берет курс на сближение с США уже в конце Второй мировой войны. Первоначально это было реакцией на ход войны и попыткой реабилитировать себя как перед заокеанской державой, так и перед Францией и Великобританией за близость к германо-итальянскому блоку. После окончания Второй мировой войны Мадрид стал рассматривать развитие связей с Вашингтоном в качестве первого шага для выхода из самоизоляции и условия

для последующих шагов по “возвращении” в Европу²⁰.

После начала холодной войны Франко рассчитывал на прием в НАТО, но этого не произошло, хотя антикоммунистические и антисоветские взгляды Франко были хорошо известны в США.

Тем не менее, оба государства установили контакты друг с другом. В декабре 1950 г. начались испано-американские переговоры на предмет заключения военного договора, который предполагал взаимные обязательства, аналогичные статьям Североатлантического договора.

Подписание испано-американского соглашения 1953 г., дало испанскому режиму возможность получить от Вашингтона экономическую и военную помощь на укрепление экономической базы военного сотрудничества.

Впоследствии отношения Испании с США развивались и углублялись, что нашло свое выражение в различных договорах и соглашениях²¹.

Однако, по мнению исследователей, эти отношения складывались неоднозначно.

Зачастую “ни одна из сторон не могла удовлетворить свои запросы”²², хотя США, как сверхдержава, могли навязать и навязывали свое понимание формулы испано-американских отношений. Испания же всегда стремилась отстаивать свои интересы и рассматривала достижение компромисса с Вашингтоном как проявление своей политической самостоятельности и как способ улучшить имидж Испании в мире, особенно в регионах ее исторического присутствия – в Европе, Средиземноморье и Латинской Америке.

Например, Мадриду удалось добиться, чтобы в совместной испано-американской декларации (1963 г.) по случаю продления соглашения от 1953 г. об американских военных базах в Испании говорилось, что правительство США подтверждает важность Испании для безопасности, благосостояния и развития атлантического и средиземноморского регионов.

В 1968 г. Испания выступила с инициативой вывода американского военно-морского и советского флотов из Средиземного моря. Понятно, что эта инициатива не была реализована и не могла быть реализована в принципе. А в 1973 г. Испания запретила использовать испанские базы в арабо-израильской войне. Порой Мадрид был не прочь спровоцировать всплеск антиамериканских настроений, чтобы продемонстрировать миру свою независимость и одновременно оказать нажим на Вашингтон. После окончания холодной войны проявление самостоятельности Испании по внешнеполитическим вопросам было вполне естественным для страны-члена ЕС.

Развивая исторические и культурные связи со странами Латинской Америки, Испания особо заботилась о своем имидже проводника европейской политики в этом регионе, поэтому в ряде случаев могла проигнорировать недовольство Вашингтона.

Наиболее ярким примером такой политики явился тот факт, что Мадрид сохранил нормальные дипломатические и экономические отношения с Кубой, и это несмотря на американскую блокаду острова.

Испания поддерживает отношения и с Венесуэлой, проводящей антиамериканскую политику, и тем самым, как бы берет своеобразный “реванш” за прошлое.

Следует напомнить, что наряду с Мексикой Венесуэла и Куба стали теми объектами южной политики США, с которых в XIX в. они начали свое проникновение в Латинскую Америку, вытесняя Великобританию и Испанию и другие европейские государства под лозунгом борьбы с европейскими колониальными империями¹⁷.

Теперь, в начале XXI в., Испания, став в ряд развитых европейских демократий, выступала уже в роли актора, претендовавшего на противодействие имперской политике США в Ла-

тинской Америке. И Латинская Америка согласна была принять новое качество своей бывшей метрополии. Все это поднимало Испанию в собственных глазах и глазах европейских соседей – государств-членов ЕС.

Кроме того, для разъяснения своих внешнеполитических позиций Мадрид использует лобби из среды испаноязычных граждан США. Испаноговорящая составляющая американской нации стабильно увеличивается с 1965 г., когда правительство США приняло Иммиграционный акт, открывший ворота для очередной волны переселенцев.

В США хлынул поток их ближайших соседей – иммигрантов из стран Латинской Америки. Англоязычная Америка не смогла ассимилировать новых иммигрантов.

“По результатам переписи населения в 2000 г. 35 млн. чел. определили себя как американцы испанского происхождения”²².

Американский штат Калифорния уже считается особым испаноязычным штатом подобно франкоязычному Квебеку в Канаде. Предполагается, что к 2050 г. число испаноязычных достигнет 100 млн. чел., что составит 33% населения США.

Правительство вынуждено идти “на действия и шаги, направленные на удовлетворение запросов отдельных этнических групп в США”²³.

Все эти факты дают дополнительные основания для более уверенной и активной позиции Мадрида в испано-американских отношениях.

Например, испанское правительство предпринимает действия по поддержке испанского языка и культуры в США как одной из составляющих коммуникации в испано-американских и испано-диаспоральных отношениях.

Вступление Испании в НАТО и ЕС, утверждение ее в качестве полноценного европейского государства в целом не изменили ее отношения с США, которые по-прежнему занимали важное место в ее внешней политике. Но те-

перь позиция Мадрида должна была соответствовать общей внешней политике Евросоюза и настроениям, которые существуют в европейском парламенте. При этом в самом испанском парламенте вступление в НАТО рассматривали в качестве способа коррекции асимметричных отношений с США, так как концепция альянса предполагала принятие решений на основе консенсуса. В выравнивании своих отношений с США Испании могла рассчитывать уже на поддержку европейских государств-партнеров по НАТО и ЕС.

В критике Мадридом американской позиции по Киотскому протоколу, иранской ядерной программе и другим аспектам американской внешней политики явно прослеживается поддержка со стороны Германии и Франции.

Мадрид также не поддерживал антикубинскую политику Америки.

Решение правительства Хосе Луиса Сапатеро вывести воинские подразделения Испании из Ирака, его отказ признать независимость Косово могли послужить примером и другим европейским государствам, что явно раздражало Вашингтон.

Все эти действия правительства Сапатеро привели к охлаждению в отношениях двух стран, а на личностном уровне – даже к взаимному игнорированию между Дж.Бушем и Сапатеро.

По свидетельству испанского журналиста Хуана Хобо, еще, будучи главой оппозиции, Сапатеро во время военного парада в Мадриде (2003 г.) отказался встать перед американским флагом, когда перед трибунами проходило американское подразделение НАТО. Эти события происходили в период, когда в Испании проходили демонстрации протеста против вторжения американской армии в Ирак. Действия Вашингтона Сапатеро назвал аморальными и “противоречащими международному праву”²⁴.

За время президентства Дж.Буша у премьера Сапатеро так и не было с ним каких-либо официальных и рабочих контактов.

Португалия же стала членом НАТО значительно раньше Испании. Более того, она явилась соучредителем альянса. Политический режим Салазара рассчитывал, что находясь в евроатлантическом сообществе, он сможет, используя его составляющие, балансировать между американской экспансией и европейской демократией и одновременно получать выгоды от развития сотрудничества с США и Западной Европой²⁵. Кроме того, ожидалось, что Вашингтон окажет помощь при вступлении Португалии в ООН и решении проблемы “заморских” территорий, где усиливались национально-освободительные движения. Надежды отчасти оправдались.

Так, США поддержали заявку Лиссабона на вступление в ООН и встали на сторону режима Салазара в его борьбе с национально-освободительными движениями в португальских колониях в Африке, хотя общественность в самой Португалии и в Европе резко осуждала действия португальских властей.

Впоследствии Вашингтон становится посредником в контактах Португалии с национально-освободительными движениями.

Но португальский режим, используя заинтересованность Вашингтона в сохранении своих военных баз на территории Португалии, не торопился с признанием независимости своих колоний, хотя уже и Вашингтон стал пересматривать свою позицию по отношению к освободительным движениям в португальских колониях.

Таким образом, можно констатировать, что международные координаты и внешнеполитические векторы иберийских государств во многом определяются ценностными традиционными установками культурологического и исторического характера и прежним опытом международного общения, учет которых способствовал их самоутверждению.

Процессы модернизации иберийских стран стимулируют их внешнеполитическую активность, способствуют выходу из изоляции и самоизоляции и реализации себя во внешнем пространстве в качестве вполне современных европейских государств.

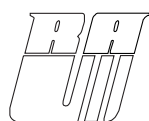
При всех особенностях отношений Испании и Португалии с США они развивались в общем контексте европейско-американских отношений. В отношениях Испании и Португалии с Вашингтоном проявляются все те же противоречия, которые существуют во внутриевропейских (центр – периферия) и американско-европейских отношениях. Не могла не повлиять на них начавшаяся после Второй мировой войны конфронтация США и СССР, Запада и СССР. Испания была заинтересована в экономической поддержке Вашингтона в рамках плана Маршала. Реализация этого плана упрочила позиции Мадрида в его европейской и средиземноморской политике и давала надежду на то, что Испания не отстанет от тех стран Южной Европы, в том числе от Португалии, которые уже получили помощь от Вашингтона.

Следует также отметить, что послевоенная политика ориентации Испании и Португалии на США вполне сравнима с современной политикой ряда государств Центральной и Восточной Европы, которые после окончания Второй мировой войны были готовы также присоединиться к плану Маршала, а после окончания холодной войны с помощью США стали форсировать свое вступление в НАТО. А вступление Испании в эту организацию (1982 г.) явилось предтечей вступления в альянс стран восточной периферии Европы.

Примечания

¹ *Marias J.* La Espana Real. Madrid. Espasa. 2000. P. 649–651, 610, 617.

- ² *Франклин Д.* Возвращение конкистадоров. Мир в 2000 году. М.: Эксперт, 2000. С. 6.
- ³ *Rodríguez Lafuente F.* El idioma español en Asia // *Economía Exterior*. 2000.15.11. P. 85–87.
- ⁴ *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997. С. 12.
- ⁵ *Cavaco Silva A.* Construir a modernidade. Lisboa. Casa de Moeda. 1989. P. 148, 156.
- ⁶ *Семенов С.Г.* Генезис и эволюция франкофонии как феномена международных отношений в контексте современного политического пространства // *Дипломатия и культура*. М., 2003.
- ⁷ *Osorio L.* Entrevista com Eduardo Lourenco: Seculo de prodigios // *Jornal de Noticias*. Lisboa. 2001.10.06.
- ⁸ *Moreira A.* Reflexoes sobre a comunidade luso-brasileira. Academia internacional da cultura portuguesa. Boletim 20. Lisboa, 1993. P. 16.
- ⁹ *El Pais*. 1979.18.10; 1979.18.08.
- ¹⁰ Цит. по: Современная Испания. М., 1982. С. 281, 282.
- ¹¹ *Revista de politica intemacional*. 1979. № 161. P. 176.
- ¹² *Ватульян Ф.В.* Проблемы современной европейской безопасности и страны Средиземноморья // *Многоликая Европа: пути развития*. М., 2002. С. 202, 204–205.
- ¹³ *Шатиров С., Павленко В.* Новый раунд большой геополитической игры: Средиземноморье, далее везде... // *Обозреватель–Observer*. 2008. № 9.
- ¹⁴ *Пескова Л.В.* Международные организации в Средиземноморье // *Россия, Средиземноморье, Южная Европа*. М., 1995. С. 262 – 263.
- ¹⁵ *Politica Exterior*. Madrid. 1996. № 47.
- ¹⁶ *Сарайва Ж.Э.* История Португалии. Пер. с порт. М., 2007. С. 63–66.
- ¹⁷ *Кравченко И.Н.* Дипломатическая история США (1877–1919). М., 2002. С. 45–48, 157–180, 52–61.
- ¹⁸ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика. М., 2002. С. 80.
- ¹⁹ *Lundestad G.* East, West, Nord, South. Major Developments in International Politics. 1945–1996 / Scandinavian University Press. 1999. P. 5–6.
- ²⁰ *Пожарская С.П.* Испания и США. Внешняя политика и общество. М., 1982.
- ²¹ *Орлов А.А.* Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение “нового лица”. М., 2000. С. 47, 48.
- ²² *Лозанский Э.Д.* Этнос и лоббизм в США. М., 2004. С. 36, 41.
- ²³ *American National Interests. A Report from the Commission on America's National Interests*. Cambridge, Harvard University Press, 1996. P. 1.
- ²⁴ *Кобо Х.* Сапатеро между Обамой и Маккейном // *НГ Дипкурьер*. 2008.13.10.
- ²⁵ *Antunes J.F.* Os americanos e Portygal. Lisboa. 1986. P. 33–34.

**ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Трансформация политического процесса в Грузии

Реформа электоральной системы

Руслан Леков

Становление государства Грузия было, пожалуй, самым трудным из всех постсоветских республик. Обретение независимости сопровождалось множеством проблем, вызванных, в первую очередь, недостатком опыта в строительстве суверенного государства. Даже на фоне общего кризиса всего постсоветского пространства Грузия отличалась некой специфичной цикличностью и скачками кризисных ситуаций, что, видимо, представляется характерным для политического стиля и политических технологий этой страны.

В постсоветской Грузии трижды происходила смена высшего руководства, и все три раза – революционным путем: приход к власти “Круглого стола” и З.Гамсахурдия; падение правительства З.Гамсахурдия и приход к правлению Э.Шеварднадзе; приход к власти М.Саакашвили. Подобная динамика политического процесса подтверждает неинституциональность политической системы Грузии, при которой высока вероятность разрешения политического конфликта нелегитимным способом.

Специфика политического процесса в постсоветской Грузии начинает проявляться уже с приходом к правлению З.Гамсахурдия, именно тогда из-

меняется субъект политической власти: им становится грузинская нация. В основе новой политической системы лежали не столько многопартийные вы-

ЛЕКОВ Руслан Валерьевич – аспирант кафедры “Новой, новейшей истории и исторической политологии” исторического факультета Северо-осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова.

Ключевые слова: политический процесс, демократия, избирательная система, политические партии, реформа, выборы.

боры, сколько невиданная до того активность масс, сплотившихся вокруг идеи национальной независимости.

На тот момент фундаментом политического процесса явилась грузинская нация как унитарный субъект. Социальная дистанция между членами нации была небольшой; доминировали такие качества ее отдельных элементов, которые объединяли, а не разъединяли ее. Этими свойствами были язык и национальная культура. Данные качества стали базисом становления политической заинтересованности, проявлявшейся в форме стремления к национальной независимости и выходу из состава СССР. Этот процесс был легко осознаваемым большинством, так как основывался он на общих социальных свойствах, объединявших народ.

Руководство Грузии, поспешно объявив о своем суверенитете, абсолютно не просчитало негативные политико-экономические последствия этого шага. Объявление независимости Грузией, экономика которой была глубоко интегрирована в общесоюзную, отрицательно отразилась на стабильности политического режима З.Гамсахурдиа. Нарушение всех хозяйственных связей, негативно сказалось на материальном положении населения, а это снижало популярность правящей политической элиты. В подобных условиях культура (как фактор политического процесса), на базе которой формировались политические интересы и цели, постепенно теряла свое влияние на политическую жизнь.

Ошибкой деятельности правительства З.Гамсахурдиа является также и то, что ориентиром экономического прогресса страны был объявлен государственный капитализм. В обществе это восприняли как возврат к социализму; распознали слухи, что Гамсахурдиа не желает проводить привати-

зацию, дабы не потерять контроль над экономикой и удержать власть.

Это породило в определенных слоях общества страх, вызванный тем, что в данных кругах были особенно сильны социальные ожидания, связанные с приватизацией.

Эти люди активно действовали в “теневой” экономике, располагали соответствующими материальными ресурсами, общественным положением и связями, достаточными для того, чтобы иметь конкретное представление о собственных выгодах от приватизации¹. Поэтому торможение развития капитализма способствовало падению режима З.Гамсахурдиа.

Несмотря на развитие внутренних конфликтов, вызванных недовольством правительством З.К.Гамсахурдиа и борьбой с ним, а также развитием конфликта в Южной Осетии и Абхазии, республика, начиная с весны 1992 г., начала постепенно выходить из международной изоляции.

Причины – самоликвидация СССР и международный авторитет нового лидера страны Эдуарда Амбросевича Шеварднадзе.

Группировки, которые сместили Гамсахурдиа с поста президента, в марте 1992 г. предложили Э.А.Шеварднадзе вернуться из Москвы в Грузию. Вернувшись в Тбилиси, он был избран спикером парламента (октябрь 1992 г.) – по сути, главой государства. Легитимировав свое положение номинального главы государства, Э.Шеварднадзе берет бразды правления в свои руки.

Приход к власти Шеварднадзе означал радикальные изменения как в политической системе, так и в социально-экономических структурах.

Происходило усиление частного сектора. В результате этого рабочая сила перемещалась из государственно-

го сектора в частные структуры. Именно тогда основой нового общества была провозглашена частная собственность, а также даны конституционные гарантии ее неприкосновенности. Начинает прогрессировать новый тип социальной системы – свершился переход от социализма к капитализму, что изменило экономические и общественные контексты политического процесса. Увеличилась социальная дистанция между людьми. Развитие общественно-экономических классов усилило влияние материальной заинтересованности на политический процесс и ослабило национально-культурные факторы².

Поворотным моментом оказалось принятие парламентом 24 октября 1995 г. новой Конституции (вступила в действие 17 октября), явившееся большой стратегической победой Шеварднадзе и определившее структуру власти в стране в рамках президентской республики.

5 ноября того же года состоялись парламентские и президентские выборы. На пост президента был избран Э.Шеварднадзе.

За него проголосовало почти 75% избирателей, а его партия *Союз граждан Грузии* (СГГ), которую он создал в 1995 г., стала правящей в результате всеобщих парламентских выборов 1996 г. В парламент были избраны 150 депутатов по партийным спискам и 85 – по одномандатным избирательным округам.

На выборах был установлен 5% барьер, в итоге в парламент прошли только три партии: пропрезидентская СГГ (23,7% голосов, или 90 мандатов), *Национально-демократическая партия Грузии* (7,9% голосов, или 31 мандат) и *Союз Всегрузинского Демократического Возрождения* (6,9% голосов, или 25 мандатов)³.

Спикером парламента был избран член партии СГГ З.Жвания.

Однако почти сразу же после выборов Национально-демократическая

партия Грузии (НДП) развалилась на две части – собственно НДП и Народную партию, каждая из которых хоть и имеет свою фракцию в парламенте, но значительно менее влиятельную, чем единая НДП. Оппозиционная роль дезинтегрированной НДП, не способной оказывать какое-либо влияние на идущие во власти процессы сводится к минимуму.

Относительно партии *Союз Всегрузинского Демократического Возрождения* (СВДВ) можно отметить, что, несмотря на претенциозное название, это партия является региональной, она построена на преданности своему лидеру – Аслану Абашидзе. Подавляющее большинство голосов СВДВ получил в Аджарии, куда на парламентские выборы в 1995 г. не допустили ни грузинских, ни международных наблюдателей.

Что касается СГГ, то эта партия имела в парламенте надежное большинство, гарантирующее принятие любых законов и утверждение (без всяких проблем) желаемых кандидатур на должности министров. Правящая политическая партия была лишена сколь угодно последовательной идеологической базы, она не была обременена политическими или моральными принципами. Основными объединяющими факторами СГГ служили личная (впрочем, достаточно часто оказывающаяся показной) преданность Шеварднадзе, а на деле – стремление сделать политико-административную или хозяйственно-предпринимательскую карьеру в режиме наибольшего благоприятствования. Членство в СГГ часто автоматически давало преимущество в конкурентной борьбе чуть ли не в любой сфере государственной, а порой – и коммерческой жизни. Со временем внутри СГГ выделилось крыло под руководством спикера парламента З.Жвания и М.Са-

акашвили, председателя важнейшего Комитета (по законодательству), которое сразу же окрестят “молодежно-реформаторским”. Именно это крыло выступает инициатором принятия многих законов.

Экономическая реформа получает развивающуюся законодательную базу; начинается судебная реформа; разрабатываются новые кодексы (уголовный, уголовно-процессуальный, гражданский, административный); начинают функционировать новые демократические институты⁴. На поверку, однако, оказывается, что не все так уж и хорошо, так как законы зачастую остаются незадействованными, или же обрастают в министерствах и ведомствах таким количеством подзаконных актов и инструкций, что извращается сама их суть. Судебная реформа так и не выходит на запланированный уровень, а говорить о трансформации правоохранительной системы в целом вообще не приходится: прокуратура и МВД блокируют любые посягательства на свое всеисилие⁵.

Относительно политического стиля Э.Шеварднадзе можно сказать, что он являлся олицетворением авторитарного политического лидера. При нем политическая элита активно использовала свое привилегированное положение: по своему усмотрению распоряжалась бюджетом и проводила приватизацию. Грузия погрязла в тотальной коррупции. Возникло противостояние между политической властью и народом, принципы демократии и конституционной законности полностью игнорировались.

При Э.Шеварднадзе политические институты, конституция, органы власти и самоуправления – стали фасадом современной государственности, необходимым для демонстрации их существования в республике на международной арене. За этим фасадом скры-

вался реальный фактор стабильности персонифицированной системы Шеварднадзе – неформальная сеть старой номенклатуры, а также связанная с ней система коррупции и патронажа⁶.

Американский эксперт по Грузии Джонс подчеркивает: “Персонификация власти при Шеварднадзе выражала коллапс государственных институтов”⁷.

Поэтому такая система не могла сохранять стабильность на протяжении длительного времени.

Наступает момент, когда правящая элита, институты власти, в первую очередь силовые структуры, уже не могли эффективно проводить в жизнь решения правительства, нарушились нормы компетенции и взаимодействия государственных структур. Вместе с тем, в оппозиции ведущую роль начали играть политики (при солидной финансовой поддержке из-за рубежа), еще недавно бывшие активными сторонниками существующего режима. На сторону оппозиции перешла часть политически индифферентного населения, но главной ее опорой оказалась социально не защищенная часть электората.

Одновременно международные институты и зарубежные страны (в первую очередь США) способствуют финансовому и политическому усилению оппозиции. При внешней и внутренней поддержке она пользуется существующей в стране свободой слова и через СМИ ускоренными темпами дискредитирует официальную власть.

Решающим политическим событием должны были стать парламентские выборы 2003 г. Именно на них определялась структура реальной власти после ожидаемого в 2005 г. ухода Шеварднадзе с президентского поста.

2 ноября 2003 г. в Грузии прошли парламентские выборы, отмеченные

многими нарушениями, что подтвердили и международные наблюдатели, и параллельные подсчеты голосов. Реакция оппозиции последовала незамедлительно. По всей Грузии начались акции гражданского неповиновения, многотысячные демонстрации настаивали на признании выборов несостоявшимися, и призывали к отставке Э.Шеварднадзе.

Развитие процессов, начавшихся после парламентских выборов в республике, 2 ноября 2003 г. привели к отставке Э.Шеварднадзе. Произошедшие события показали, что государственная система республики продолжала функционировать по той же логике, что и в начале 90-х годов. При изменении внешних и внутренних факторов, правящая элита не выдержала натиска измененных условий и без всякого сопротивления сдала позиции.

Начало 2004 г. было периодом формирования новой власти. На прошедших в январе президентских выборах М.Саакашвили был подавляющим большинством избран президентом страны, его поддержали 95% избирателей.

28 марта 2004 г. Грузия сделала окончательный выбор в пользу Михаила Саакашвили.

Его партия "Единое национальное движение – демократы" набрала на парламентских выборах около 67% голосов. 7% барьер преодолел также блок "Новые правые – промышленники". В нем также остались оппозиционные депутаты-одномандатники.

В начале 2004 г. Михаил Саакашвили предложил конституционную реформу, суть которой сводилась к расширению полномочий президента.

Хотя в Грузии восстанавливался пост премьер-министра, а парламент получал право отправлять правительство в отставку, реально реформа расширяла полномочия президента.

Глава государства получил возможность распустить парламент, если он три раза подряд не утвердит госбюджет или кандидатуру премьер-министра, что явно усиливало исполнительную власть.

5 февраля парламент утвердил поправки в первом чтении.

Теперь у Саакашвили был полностью послушный парламент с подавляющим перевесом пропрезидентской фракции плюс рычаги давления на этот парламент.

После конституционной реформы стало очевидно, что политические традиции Грузии сохранятся, и по-прежнему политический процесс в Грузии на институциональном уровне будет реализовываться, прежде всего, через правительственные структуры, парламент, а политические партии будут задействованы в меньшей степени.

Такая вторичность политических партий связана, с одной стороны, с их организационной слабостью, а с другой – с весьма прохладным отношением к ним общества.

Не менее важно и распределение ролей между ветвями власти: с точки зрения конституционного права, прерогативы правления принадлежат институту президента, в парламенте полностью доминирует правящая партия, что привело к формализации ее роли, сводящейся к легитимации решений, принимаемых президентом. Исполнительная власть на уровне отдельных министров влиятельна настолько, насколько она поддерживается президентским окружением.

"Революция роз" кардинально изменила политический спектр страны и надолго исключила из игры политические силы, не участвовавшие в ней. Нынешнее руководство страны, не заинтересовано в усилении оппозиции и приложит максимум усилий для сохранения собственного высокого рейтинга.

Именно стремлением ограничить политический ресурс оппозиции руководствовались власти Грузии при реформировании Центральной избирательной комиссии республики.

Так, по традиции, утвердившейся за последний период, в Центральную избирательную комиссию страны входят представители разных партий. Последние, как главные субъекты выборов, не ставили под сомнение этот принцип. Острая борьба шла вокруг правила формирования персонального состава Центризбиркома, где власть стремилась обеспечить себе большинство, а оппозиция пыталась помешать этому.

Однако 22 апреля 2005 г. в Избирательный кодекс было внесено изменение, предусматривающее, что Центризбирком должен комплектоваться не по партийному, а по профессиональному принципу.

В состав нового Центризбиркома входят 7 человек (председатель и 6 членов), которых по представлению президента избирает парламент. Их отбор происходит на основе открытого конкурса. По закону кандидат в члены Центризбиркома должен быть беспартийным, иметь высшее образование и трудовой стаж не менее трех лет, пользоваться в обществе положительной репутацией, а также иметь сертификат административного служащего.

При реформировании Центризбиркома власть утверждала: что предстоящие выборы не станут предметом политических торгов. Центральная избирательная комиссия, укомплектованная по профессиональному признаку, будет служить гарантом объективности выборов.

Оппозиция категорически отвергает этот путь комплектации Центризбиркома. По ее мнению, в таком случае полномочия выбирать членов и председателя комиссии имеет только президент, который является председателем правящей партии, поэтому все члены

Центризбиркома окажутся ее сторонниками. Другими словами, оппозиция единогласно заявляет, что страна получила однопартийный Центризбирком, а это прямая дорога к фальсификации предстоящих выборов.

3 июня 2005 г. парламент (точнее, его большинство) утвердил Центризбирком. Оппозиция не приняла участия в голосовании по данному вопросу. Она выступила с резким заявлением об однопартийности этой структуры и неизбежной фальсификации предстоящих избирательных кампаний⁸.

Общественная организация *Freedom House* в результате всех этих событий вычеркнула Грузию из стран с демократической избирательной системой.

К сожалению после “бархатной революции” в стране не утвердилось доверие к институту выборов.

Апофеозом недемократичности избирательной системы стал политический кризис, начавшийся осенью 2007 г. и достигший взрывоопасного пика 7 ноября – после разгона демонстрации оппозиции, разгрома телекомпании “Имеди” и объявления чрезвычайного положения.

Под давлением западных государств руководству страны пришлось провести досрочные президентские выборы (5 января 2008 г.).

После объявления о сроках досрочных выборов оппозиция анонсировала общее гражданское восстание в случае фальсификации их результатов.

Примечательно, что, назначив досрочные президентские выборы, глава государства М.Саакашвили был вынужден сократить срок своего правления на полгода. По сути, эти выборы оказались беспрецедентными, поскольку за всю историю страны после обретения независимости они были реально конкурентными, но не в контексте ли-

берализации избирательной системы, а в плане участия в них реальных политических лидеров.

М.Саакашвили заявил, что досрочные выборы "это компромисс, который дает оппозиции шанс действительно стать избранной народом, если она того заслуживает".

Оппозиция начала активно готовиться к выборам. Изначально объединенная оппозиция, в которую тогда входили представители 10 политических партий и объединений, а также представитель НПО "Институт равноправия" Г.Хаиндрава и член оппозиционной парламентской фракции "Демократический фронт" Л.Гачечиладзе, планировала выдвинуть единого кандидата в президенты. Им был назван Л.Гачечиладзе, который и стал основным конкурентом кандидата в президенты от правящей партии "Национальное движение" Саакашвили.

Однако затем входившая в объединенную оппозицию Лейбористская партия заявила, что их лидер Ш.Нателашвили будет баллотироваться в президенты независимо. О своем желании принять участие в выборах заявил и ныне покойный Б.Патаркацишвили – влиятельный бизнесмен, владелец тогда оппозиционно настроенной телекомпании "Имеди".

В целом, на пост президента на выборах 5 января баллотировались 7 кандидатов.

По итогам выборов, оглашенным ЦИК 13 января, с большим отрывом победил Михаил Саакашвили.

Согласно протоколу ЦИК, М.Саакашвили набрал 53,47% голосов, Л.Гачечиладзе – 25,69%, Б.Патаркацишвили – 7,10%, кандидат от "Новых правых" Д.Гамкрелидзе – 4,02%, лидер лейбористов Ш.Нателашвили – 6,49%, лидер "Партии будущего" Г.Маисашвили – 0,77%, лидер партии "Имеди" И.Саришвили – 0,16% голосов избирателей.

Явка избирателей на выборы составила 56,17%.

Оглашение протокола ЦИК вызвало возмущение оппозиции, заявившей, что президентские выборы проходили с грубыми нарушениями, а их итоги – фальсифицированы.

"Это руководство еще раз доказало, что как пришло оно к власти с помощью силы, так и хочет ее сохранить", – заявила оппозиция и начала проведение массовых акций протеста с требованием второго тура президентских выборов.

По уверению оппозиции, несмотря на недостатки избирательного законодательства, грубые нарушения в ходе голосования, правильный подсчет данных бюллетеней продемонстрировал бы, что М.Саакашвили набрал менее необходимых для победы на президентских выборах 50%+1 голосов избирателей.

Руководство страны сочло требование оппозиции лишенным оснований. Такого же мнения был и победивший кандидат в президенты М.Саакашвили, назвавший выборы 5 января "тройным успехом Грузии".

"Во-первых, выборы прошли в спокойной и организованной обстановке, во-вторых, международное сообщество и иностранные наблюдатели дали выборам высокую оценку и назвали их демократическими, в-третьих, важно то, что победа осталась за нами", – сказал Саакашвили.

Что касается международных наблюдателей, то их оценка выборов была в целом позитивной, хотя и содержала критику, в частности, в отношении подсчета голосов и процедуры рассмотрения жалоб.

"Выборы, хоть они и не были совсем безупречными, позволили грузинскому народу демократически выразить свою реакцию на сложившийся политический кризис", – заявил глава делегации ПАСЕ Матиас Йорш. "Грузин следует поздравить с

тем, что они доказали свою приверженность демократическим принципам в день выборов. Теперь очередь за властями – они должны услышать критику и немедленно отреагировать на зарегистрированные значительные нарушения”, – отметил он.

После состоявшейся 20 января инаугурации избранного на второй президентский срок М.Саакашвили волна протестов против итогов президентских выборов пошла на убыль, и оппозиция решила переключиться на подготовку к участию в парламентских выборах.

Следует отметить, что 5 января, наряду с выборами президента, был проведен плебисцит по двум вопросам, один из которых касался вступления Грузии в НАТО, второй – сроков проведения парламентских выборов.

Согласно итогам плебисцита, за вступление страны в НАТО проголосовало 72,5% избирателей. Что касается второго вопроса, то 69,8% населения выступили за досрочное проведение парламентских выборов – весной 2008 г.

После обнародования результатов президентских выборов 2008 г. Центральная избирательная комиссия Грузии начала подготовку к парламентским, наметив двухэтапную стратегию реформирования системы выборов в стране, рекомендованную международными организациями с учетом проблем, выявленных во время президентских выборов. Эти замечания носили в основном технический, а не политический характер.

Однако некоторые изменения, внесенные не только в Кодекс о выборах, но и в Конституцию, завершили многолетнюю полемику вокруг 7%-го барьера.

Еще при правлении Э.Шеварднадзе парламентское большинство внесло в 1999 г. изменения и дополнения в Конституцию республики, предусматривавшие, что партии, участвующие в парла-

ментских выборах, должны набрать не 5%, а не менее 7% голосов избирателей¹⁰.

Это объяснялось стремлением власти к слиянию расчлененных политических партий и созданию стабильного “политического спектра”. Но позже 7%-й барьер стал объектом критики со стороны международного сообщества, особенно Совета Европы.

После “революции роз” власти долго противились снижению этого барьера. Перед первыми же послереволюционными парламентскими выборами на просьбу Совета Европы снизить барьер власти ответили отказом, официальной версией которого стал дефицит времени для организации соответствующих правовых процедур. В реальности же новому руководству страны не хотелось делить с кем-либо законодательную власть. В частности, после “революции роз” президент М.Саакашвили неоднократно повторял, что в законодательном органе ему контрреволюционеры не нужны.

В случае учета рекомендаций Совета Европы после выборов 28 марта 2004 г. в парламент могли войти лейбористы и “Союз – Возрождение” во главе с Асланом Абашидзе. Более того, такая обстановка грозила срывами планов правящей партии по укомплектованию парламента.

Хотя в начале 2008 г. эти поправки и были внесены в Конституцию страны¹⁰, однако они уже не имели политического эффекта. Международные организации приветствовали данный шаг, а политический спектр отнесся к нему настороженно, так как после снижения барьера с 7 до 5% у партий, входящих в объединенную оппозицию, появился соблазн попробовать на выборах свои силы поодиночке, хотя большинство этих партий впоследствии выступило единым фронтом.

Особым политическим явлением для электорального процесса страны

стала имплементация результатов референдума, проведенного еще 2 ноября 2003 г. по инициативе Э.Шеварднадзе. По его итогам на следующих парламентских выборах численность депутатов законодательного органа должна была сократиться с 235 до 150 членов. Итоги этого референдума должны были претвориться в жизнь на следующих парламентских выборах.

Из-за “революции роз” результаты референдума коснулись парламентских выборов лишь 2008 г. Власти использовали сокращение численности парламента для своих политических целей. В частности, сокращенных до 150 мандатов они разделили на две равные части. По решению парламента, избранного в 2004 г. (который подготовил новую юридическую базу для выборов-2008), 75 мандатов получили депутаты, избранные по мажоритарной системе, и 75 – по пропорциональной. Оппозиция настаивала на соотношении 100 к 50, однако рассмотрение этой поправки в избирательное законодательство проходило без ее участия – на тот момент она бойкотировала пленарные заседания, отчаявшись добиться желаемого результата путем переговоров и перейдя к акциям протеста, в том числе в такой крайней форме, как голодовка.

Политическое значение этого решения неоспоримо: власти заранее ослабили парламент, выборы в который должны были состояться в 2008 г. Суть проблемы в том, что в последние годы “мажоритарные” депутаты, как правило, не отличаются особой активностью, зачастую завершают свою парламентскую карьеру так, что даже их фамилии избиратели не запоминают. Примечательно и то, что такие депутаты (за некоторым исключением) склонны играть на руку властям.

И все же предвыборные кампании и правящей партией, и оппозицией велись довольно активно. Изначально

оппозиция, у большей части которой были схожие мнения по основным вопросам внутренней и внешней политики страны, планировала выйти на выборы единым списком, однако затем этого не произошло, что ряд экспертов расценили как ошибку.

Всего в парламентских выборах приняли участие 3 избирательных блока и 9 политических организаций независимо.

Самым крупным оппозиционным блоком и основным конкурентом правящей партии “Национальное движение” был блок “Объединенная оппозиция – Национальный совет – Новые”.

В его состав вошли все 8 политических сил объединенной оппозиции – политическое движение “Свобода” (лидер – К.Гамсахурдиа), Консервативная партия (лидер – З.Дзидзигури), “Движение за единую Грузию” (лидер – И.Окруашвили), “Партия народа” (лидер – К.Давиташвили), “Национальный форум” (лидер – К.Шартава), “Путь Грузии” (лидер – С.Зурабишвили), “Картули даси” (лидер – Д.Багатурия), движение “Мы сами” (лидер – П.Давитая), а также партия “Новые правые” (лидер – Д.Гамкрелидзе).

Изначально в объединенную оппозицию, сформировавшуюся осенью 2007 г., входили и лейбористы, однако, спустя несколько недель, они ее покинули, заявив, что в нее объединены слишком отличающиеся друг от друга политические силы.

Позже объединенную оппозицию покинула и Республиканская партия, решившая выступать на парламентских выборах самостоятельно.

Партия “Промышленность спасет Грузию” – вошла в союз с Национально-демократической партией и партией бывшего первого секретаря ЦК компартии Грузинской ССР Д.Патиашили, что также явилось новой конфигурацией. В результате образовался блок – “Правый альянс: Топадзе – “Промышленники”, состоявший из Национал – демократической партии (лидер – Б.Кардава), партии “Единство” (лидер – Д.Патиашили) и партии “Промышленность спасет Грузию” (лидер – Г.Топадзе).

Еще один блок образовали "Традиционалисты" – "Наша страна" – Женская партия", в который объединились две партии – "Союз традиционалистов" (лидер – А.Асатиани) и женская партия "Для справедливости и равноправия" (лидер – Г.Маградзе). При этом в списках блока были и члены партии "Наша Грузия" (лидер – Г.Джоджуа) из числа бывших соратников покойного Б.Патаркацишвили.

В числе политических организаций, участвовавших в выборах самостоятельно, было и относительно недавно учрежденное оппозиционное Христиан-демократическое движение, актив которого составляют, в основном, бывшие сотрудники телекомпании "Имеди". Остальные политические объединения, участвовавшие в выборах самостоятельно, оказали незначительное влияние на электоральный процесс.

Что касается правящей партии, то в ее предвыборной тактике произошли определенные изменения. В частности, во многих мажоритарных округах кандидатами от правящей партии были не ее лидеры, а крупные бизнесмены, большинство из которых аполитичны и, как подозревают, по-

шли на этот шаг, войдя в сделку с властями.

Итоги выборов, явка на которые составила 55%, для оппозиции оказались неутешительными – правящая партия получила конституционное большинство.

По итогам выборов по партийно-пропорциональной системе правящая партия "Национальное движение" – 59,18% (48 мандатов), избирательный блок "Объединенная оппозиция: Национальный совет – Правые" – 17,73% (15 мандатов), Лейбористская партия – 7,44% (6 мандатов) и Христиан-демократическое движение – 8,66% (6 мандатов).

По итогам выборов по мажоритарной системе правящая партия получила 71 мандат, объединенная оппозиция – 2 мандата и Республиканская партия – 2 мандата.

Соответственно, в парламенте нового созыва из 150 мандатов 119 получили представители правящей партии, 17 – объединенная оппозиция, 6 – Лейбористской партии, 6 – ХДД и 2 – Республиканская партия.

Иностранные наблюдатели приветствовали итоги состоявшихся выборов.

Прошедшие выборы показали, что если бы не тотальная победа в мажоритарных округах, то скромные результаты правящей партии по пропорциональной системе могли бы стать хорошим трамплином для реальной демократизации страны. Однако власти умело использовали даже относительно скромные результаты выборов по пропорциональной системе для восстановления своего конституционного большинства.

Что касается грузинской оппозиции, то она заявила, что парламентские выборы были сфальсифицированы так же, как и президентские, и начала новую волну протеста, в том числе и уличные акции.

Представители объединенной оппозиции призвали население собраться перед зданием парламента в день первого заседания законодательного органа нового созыва, заблокировать все входы в здание и не дать войти в него депутатам от правящей партии.

Тактическая уловка президента, объявившего дату первого заседания – 7 июня всего за день раньше, позволила открыть первое заседание без эксцессов.

Параллельно этому заседанию, перед зданием парламента была проведена масштабная акция протеста, на которой ряд представителей объединенной оппозиции публично порвали свои депутатские мандаты, заявив, что не намерены работать в нелегитимном парламенте.

В настоящее время в Грузии – политический кризис, соответственно, события будут развиваться динамично. Руководство Грузии должно осознать, что самые серьезные вызовы и угрозы безопасности для их государства исходят не извне, а

изнутри. Ставка на авторитаризм, подавление свобод, рост экстремизма провоцирует в политическом плане новые конфликты.

Реальными угрозами безопасного развития государства является растущая внутривнутриполитическая напряженность, которая может обернуться рецидивом “революции роз” 2004 г.

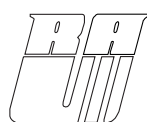
В этом случае в грузинском обществе твердо установится сознание того, что революция лучший выход из любого политического кризиса.

Руководство стран, где власть нестабильна и часто переходит из рук в руки, занимается только одним – усилением силовых структур и подавлением оппозиции.

Грузия сегодня имеет все шансы стать страной, где основной заботой власти является сама власть.

Примечание

- ¹ Туквадзе А., Джаошвили Г., Туквадзе Р. Трансформация политической элиты Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2(44). С.109.
- ² Дolidze В. Власть и “Революция” в постсоветской Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2(50). С. 39.
- ³ Скаков А.Ю. Внутривнутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы и перспективы развития / Под ред. Е.М. Кожокина. М., 2002. Т. 2. С. 278.
- ⁴ Хаиндрава И. Путь к стабильному хаосу. К итогам десятилетия новой независимой Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 6(18). С.74.
- ⁵ Central and Eastern Eurobarometer: Public opinion and the European Union (20 Countries' Survey) // European Commission. Brussels, 1998. N 8. March.
- ⁶ Гоциридзе Р., Канделаки О. Гавлениани джгупеби да корупция сакартвелоში (груз. яз.). Тбилиси, 2001.
- ⁷ Jones S. Adventures or Commanders: Civil-Military Relations in Georgia // Civil-Military Relations in the Soviet and Yugoslav Successor States / Ed. by C. Danopoulos, D. Ziker. Westview Press, 1996. P. 39.
- ⁸ Мацаберидзе М. Грузия перед новым избирательным циклом // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 1(43). С. 68.
- ⁹ Чедия Б. Дилемма грузинских выборов: трансформация политической системы или оформление нелиберальной демократии // Центральная Азия и Кавказ. 2009. №1(61), 2009. С.121.
- ¹⁰ Конституция Грузии 1995 г. Ст. 50, п. 2. По поправкам от 1999 г. и 2008 г.

**ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Госсектор в экономике Вьетнама

Владимир Мазырин

Мировой кризис и роль государства в рыночной экономике

Существуют разные версии текущего мирового кризиса: системный сбой в функционировании капитализма (возможно серьезнее – проявление глобального ресурсного кризиса), перепроизводство вспомогательных финансовых инструментов, сознательная игра США на понижение стоимости всех мировых активов. Наиболее вероятной представляется первая из них.

Вновь обрел актуальность вопрос об эффективности и перспективах капиталистической системы. Большинство ведущих экономистов видит единственный способ спасти господствующую экономическую модель в резкой активизации государственного участия в экономике, прежде всего жесточе-

нии контроля над всеми финансовыми институтами. Мы стали свидетелями резкого вторжения государства в рыночную экономику, национализации частных банков и компаний в развитых странах, включая оплот неолиберальной экономики – США. И это не удивляет, тем более в условиях кризиса: еще в 30-е годы XX в. возникла и стала популярной теория Дж.М.Кейнса о его необходимости регулирования рынка.

Во Вьетнаме, где с 80-х годов строится рыночная экономика, которая официально ориентирована на социализм, государственное регулирование на макроуровне положено в ее основу. Однако в обстановке мирового кризи-

МАЗЫРИН Владимир Моисеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН, доцент кафедры экономики и экономгеографии Института стран Азии и Африки МГУ.

Ключевые слова: государственный капитализм, государственный сектор, государственные предприятия, корпорации, многоукладность, модель развития, глобальный экономический кризис, рыночные реформы, акционирование.

са, поразившего местную экономику, вновь обострилась дискуссия относительно пределов, методов государственного участия и контроля. Многие эксперты призывают ограничить вмешательство государства в экономические процессы, выработать новую модель и скорректировать приоритеты развития. В основном объектом острой критики является формирующаяся модель “корпоративной экономики”, поскольку она содержит множество скрытых пороков. Чрезмерная поддержка госсектора признается очевидным перекосом, тяжелой ношей при переходе к рынку.

Объективные причины опоры на госсектор в экономике СРВ понятны. Сказывается инерция и практика строительства социализма в 60-е – 80-е годы. В рыночной среде госпредприятия столкнулись с жесткой конкуренцией импортных товаров вследствие быстрой либерализации внешней торговли. Выявились внутренние слабости: малые размеры и объемы производства, низкая эффективность и производительность труда, полная зависимость от государства. Даже большие на фоне массы средних и мелких объектов предприятия, внося важный вклад в национальную экономику, не имеют серьезных позиций в регионе. Обычно госпредприятия ощущают нехватку средств, квалифицированных кадров, современного оборудования, знаний, технологий и отечественных материалов (большая часть импортируется), умелого менеджмента и маркетинга. Норма прибыли медленно снижается вследствие низкой эффективности работы и высоких производственных расходов, препятствуя развитию бизнеса.

Стратегия развития, кооперация между ними не отлажена, что мешает выработке новых решений.

Вьетнамское руководство обосновывает приоритетное положение госпредприятий тем, что без сохранения общественной собственности невозможно движение страны к социализму и обеспечение социально-экономической стабильности. КПВ все еще рассматривает госсектор как бастион против рыночной стихии, который помогает сдерживать усиление эксплуатации бедных и социального неравенства. Но официальные оценки подвергаются все большему сомнению со стороны внутренних критиков. Ссылаясь на данные статистики, они подтверждают, что инвестиции в госсектор не только не эффективны, но и укрепляют опасную тенденцию монополизма, роста имущественной и территориальной дифференциации. Подобная критика отражает желание улучшить качественные показатели в целом очень динамично росшей в течение более 20 лет экономики СРВ.

Таким образом, во Вьетнаме действует смешанная (двухсекторная) хозяйственная модель: в ней сочетаются рыночные институты и сильное регулирование, видное место занимают планирование, госсобственность.

Дуализм этой системы хозяйственного механизма вызваны выполнением правящей компартией роли и инициатора, и проводника рыночных реформ¹.

Данная модель объективно противоречива, так как сосуществование элементов, относящихся к разным общественным системам, затрудняет их совместимость, порождает непредвиденные и негативные последствия. Хотя переход к рынку носит управляемый, подконтрольный власти и в целом успешный характер, но растягивается на более длительный период, сохраняет многие системные риски и проблемы в экономике.

Развитие многоукладного хозяйства

В процессе рыночных преобразований во Вьетнаме, как и в других переходных странах, утвердилось многообразие форм собственности. Их соотношение начало меняться уже на первом этапе реформ в 1987–1994 гг. Безраздельно господствовавшие прежде государственная и коллективная собственность трансформировались в противоположных направлениях. Государственный сектор в целом сохранил свои размеры и влияние, утратив во многих сферах монопольные позиции. Роль государственных предприятий в экономике за первые пять лет реформ снизилась (с 45 до 31% ВВП), но затем немного поднялась, а коллективных хозяйств сразу резко упала (с 30 до 10%) и далее неуклонно сокращалась².

Одновременно получили развитие смешанные и все частные формы собственности. Оставаясь в тени государственного сектора, возродился и получил широкую свободу действий государственно-капиталистический уклад, в котором реализуются разные вариан-

ты государственно-частного партнерства. Были узаконены десятилетиями подавлявшиеся права массы мелких хозяйств, занятых в промышленности и сфере услуг, аграрном секторе. Примерно за 10 лет реформ на основе естественного развития рыночной экономики сложился слой национальных предпринимателей частногокапиталистического типа. С конца 90-х годов укрепились позиции иностранных собственников, ведущих бизнес самостоятельно и совместно с предприятиями государственного (чаще) или частного сектора.

Вклад индивидуального предпринимательства мелкотоварного типа в экономику Вьетнама закрепился на уровне 30% ВВП, тогда как хозяйств капиталистического и смешанного типа поднялся, хотя все еще уступает госсектору в 3,6 раза, а предприятиям с иностранным участием в 1,7 раза (табл.).

Это вызвано разницей в динамике развития, например, в 2000–2007 гг. темпы роста сектора с иностранным капиталом колебались в пределах 10–14% в год (в

Таблица

Структура ВВП по форме собственности в 1991–2007 гг.

% от общего объема по текущим ценам

Показатели Общий объем = 100%	Годы						
	1991	1996	1999	2002	2004	2006	2007
Государственный сектор	31,17	39,93	39,48	38,38	39,10	37,49	36,43
Коллективный сектор		10,02	8,60	7,99	7,09	6,53	6,19
Индивидуальные хозяйства	68,93	35,23	33,14	31,57	30,19	29,69	29,61
Частнокапиталистический и смешанный секторы		7,40	7,03	8,30	8,49	9,41	10,11
Сектор с иностранным участием	0,00	7,39	11,75	13,76	15,13	16,98	17,66

Источник: Statistical Yearbook of Vietnam 2007. Hanoi, 2008. P.76; CIEM, 2004. tr.13.

90-е годы были еще выше), в государственном и индивидуальном секторе застыли на уровне 6–8%, в частном и смешанном выросли с 10 до 17%, в кооперативном снизились с 6 до 3–4%.

Крупный иностранный капитал превратился в значимую часть хозяйственного комплекса СРВ: его доля в ВВП за 12 лет (1996–2007 гг.) выросла более чем вдвое.

Пока превалируя в структуре созданного национального богатства, государственный сектор по вкладу в его ежегодный рост начал сдавать позиции: в 2007 г. из 8,47% прироста ВВП он обеспечил 2,4% (в 2004 г. 3,2 из 7,7%), тогда как индивидуальные хозяйства 2,47% (2%), частные и смешанные компании 1,73% (1,3%), иностранные предприятия 1,63% (1,2%), кооперативный сектор 0,24%³.

Показательна ситуация в сфере промышленного производства, сохраняющей основные государственные активы.

Под влиянием мирового кризиса здесь впервые за 10 лет отмечен спад, особенно в госсекторе, в результате за 5 месяцев 2009г. он дал 23,4% валовой продукции отрасли, предприятия же с иностранным капиталом произвели 40,3%, а остальные, в основном частные, 36,1%⁴.

Во Вьетнаме процесс изменения структуры собственности протекает с особенностями.

Во-первых, частный сектор, наиболее динамичный и быстро реагирующий на институциональные и иные изменения, занимает подчиненное, а не ведущее, что присуще рыночной системе, место в структуре и инвестиций, и производства.

Во-вторых, рост ВВП оказался в сильной зависимости от работы государственных предприятий и новых государственных капиталовложений.

Акционирование государственных предприятий

В орбиту госкапитализма, судя по многим признакам, втягиваются и акционированные государственные предприятия, причем этот процесс набирает силу.

Руководство СРВ, полагая, что само наличие частной собственности не ведет автоматически к эффективному развитию рыночных отношений, создавало конкурентную среду, помогая ей выступить в качестве дополнительного фактора экономического роста.

Перечисленные особенности, характеризуя подходы местных властей к развитию частной собственности, означают выбор определенного типа системных реформ. Здесь не пошли кратчайшим путем создания класса крупных частных собственников, как в России – путем приватизации и раздачи государственных активов. Лидеры Вьетнама сознательно, в силу очевидных политических причин, выбрали противоположный вариант – естественного саморазвития частного сектора в рыночной среде. В то же время растущая часть экономического богатства стала попадать в руки бюрократии за счет создания смешанных и частных предприятий, смычки с иностранными собственниками (в форме участия в СП или получения коррупционной ренты с них). Это по праву можно расценить как развитие государственного капитализма “сверху”.

Взаимосвязи между государственными и частными предприятиями, как местными, так и зарубежными, организованы на основе совместных соглашений, выполнения государственных заказов, объединения капитала и иных активов, прочих операций. К государственно-капиталистическому укладу до 2001 г. официально причислялись предприятия с иностранными инвестициями. Затем они были разделены ввиду тенденции к росту доли предприятий с иностранным участием, что не меняет существа дела.

По данным 2005 г., в акционерную форму перешли 3000 предприятий (или половина из них), но лишь 8–10% государственного имущества⁵.

Следовательно, реструктуризации изначально подверглись в основном мелкие и средние объекты, а крупные остались не затронуты.

59% акционированных предприятий имели в 2004 г. в среднем 170 рабочих и капитализацию до 0,5 млн. долл., 18% более 1 млн. долл.

За счет укрупнения основные фонды одного предприятия в среднем выросли в 7 раз – до 1,5 млн. долл.⁵.

Тем самым реформа государственного сектора экономики отчасти достигала своей цели, так как, упраздняя массу мелких предприятий, поощряя их слияние, создала более крупные и устойчивые, повысила концентрацию и специализацию промышленного производства.

На прошедших акционирование предприятиях в среднем государство сохранило за собой 38% акций, трудовому коллективу отдало 54% и другим участникам только 8%.

В 15% акционерных обществ контрольный пакет остался у государства, в 70% 2/3 оказались в руках директорского корпуса и рабочего коллектива.

Удержание акций внутри предприятия под лозунгом “защиты” интересов трудящихся не только создало иллюзию сохранения собственности в общественном управлении, но и позволило проводить реформу в закрытом порядке. Это лишило процесс гласности, помешало привлечь внешних, стратегических инвесторов и не позволило многим АО улучшить управление и производственные результаты.

Характерно, что во многих случаях акции затем целиком перешли к руководителям, ставшим фактическими хозяевами предприятий, или за бесценок скупались близкими к власти частными предпринимателями. Перекупка все чаще стала практиковаться в отношении перспективных с точки зрения фондового рынка объектов, чтобы пос-

ле их выхода на биржу извлечь спекулятивную прибыль. Фактическая приватизация, начавшись с предприятий местного подчинения, привела к ликвидации анахроничной в условиях рынка двухступенчатой системы управления экономикой.

Видимо, такой неявный путь завладения контрольным пакетом акций неизбежен во Вьетнаме, чтобы облегчить частным инвесторам доступ к активам. Местные власти и трудовые коллективы, выступая основными собственниками, препятствуют выходу предприятий на фондовый рынок, оберегают объекты, имеющие условия и способность к развитию.

В 2004 г. рамки акционирования были расширены. На новом этапе оно охватило более крупные предприятия, в том числе в закрытых ранее для частного капитала ведущих отраслях – машиностроении, энергетике, металлургии, химии, производстве удобрений, строительстве, транспорте, в сфере телекоммуникаций, банковском и страховом деле. Сначала из государственной собственности выводились компании с капитализацией в 5–6 млн. долл. Затем дошла очередь до объектов, стоящих свыше 15 млн. долл., их оценкой и продажей занялись специальные аудиторские фирмы, инвестиционные банки. Стратегическим инвесторам из числа постоянных поставщиков сырья и комплектующих, потребителей готовой продукции акции стали продавать со скидкой от цены, определяемой на конкурсной основе, причем не менее 15–20% от общего пакета.

Несмотря на внедрение новых форм хозяйствования и собственности, в государственном секторе сохранились прежние методы управления. Распространены скрытые дотации и льготы в виде дешевых кредитов и аренды земельных участков, преференций по налогообложению и т.д. Эта финансовая

поддержка нацелена на повышение технологического уровня, сохранение позиций госпредприятий в рыночной среде. Стимулирование производства, а с ним и спроса осуществляется в рамках государственных планов и программ путем заказов, инвестиций, помощи на внешних рынках. Эти меры пока действительно объективно необходимы, так как частные фирмы, несмотря на многочисленность, не способны обеспечить быстрое развитие ключевых отраслей промышленности, которое тре-

бует масштабных инвестиций и соответствующей организации.

Вместе с тем, нерыночные меры поддержки госсектора усугубляют его неэффективность. Например, практика предоставления кредитов на льготной основе и пролонгации безнадежных долгов обострила проблему задолженности госпредприятий перед бюджетом. Это, в свою очередь, повысило производственные издержки, снизило конкурентоспособность вьетнамских товаров на мировом рынке.

Становление государственных корпораций

Особенно важное место в экономике СРВ занимают государственные корпорации (ГК), через которые бюрократия, по сути дела, напрямую участвует в экономических процессах. К аналогичному типу принадлежат южнокорейские чеболи, клановые организации в Малайзии и Индонезии, групус в Чили и т.д.⁷. В рамках корпоративной системы идет размывание граней государственной и частной собственности, их различия становятся с трудом различимыми, а отдельные сегменты все больше сливаются. Вследствие сращивания власти и бизнеса, подрыва прямой конкуренции устанавливаются ограничения на рыночное хозяйство по стратегическим соображениям. Подобные действия формируют во властных структурах лобби, имеющее собственные экономические интересы⁸.

В 1994 г. было образовано 18 генеральных и 70 специализированных компаний, затем их число выросло до 94.

Они имели отраслевой, обычно промышленный или внешнеторговый профиль, и объединили свыше 2000 предприятий, обладавших 80% ресурсов и производственных мощностей госсектора. Хотя в них введена корпоративная схема управления (советы директоров, финансовая отчетность, самостоятельное принятие ценовых и инвестиционных решений), это не помогло решить назревшие проблемы. Ввиду административного характера объединения многие компании не стали работать лучше, более того, возросли издержки централизованного управления, монополизация ведущих отраслей, непрофильные операции*. Обладая значительными ресурсами и возможностями, сетью сбыта, эти компании благодаря протекционизму государства начали препятствовать нормальной конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

С целью форсировать экономический рост, укрепить госсектор с 2004 г.

* В 2003 г. государственные корпорации контролировали 100% добычи нефти и 98% угля, 92% производства электроэнергии, 90% химических удобрений, 99% основных химикатов, 69% каучука, 55% цемента, 100% оборота железнодорожного и 90% воздушного транспорта, более 70% объема кредитных операций. Самые крупные корпорации обеспечивали 25% экспортных поставок, 43% всех доходов от предпринимательской деятельности, 42% поступлений в госбюджет, 71% прибыли государственного сектора (Kinh te Viet Nam 2004. Central Institute for Economic Management, Vietnam. Hanoi, 2005. tr.78).

на базе генеральных компаний идет формирование корпораций (или производственных, финансовых и торговых групп)*. Они разделены на головную компанию и дочерние подразделения, имеющие хозяйственную автономию. Видимая концентрация капитала, экономия на масштабах деятельности, улучшение управления и контроля должны принести рост хозяйственного оборота, эффективности и конкурентоспособности ГК. Можно предположить, что правительство СРВ решило использовать опыт китайской реформы, поддерживая наиболее перспективные сегменты и рассчитывая создать игроков регионального масштаба. Но амбициозному плану препятствуют неразвитость вьетнамской экономики, слабость ее инфраструктуры и технического оснащения, недостаток опыта и связей.

Холдинги в форме ГК действуют сегодня в строительной отрасли, добыче и переработке природных ресурсов, энергетике, судостроении, на транспорте, в финансовой сфере. Развернут процесс их акционирования. Тем не менее, по оценкам зарубежных экспертов, они представляют собой рыхлые, мало управляемые, низко прибыльные, увеличивающие объемы кредиторской задолженности организации. ГК наращивали обороты и капитализацию, стремясь быть как можно крупнее и привлекательнее “снаружи”, чтобы брать новые кредиты под залог дорожающих активов.

По данным МВФ, в 2005–2006 гг. под гарантии правительства СРВ госкорпорации выпустили крупные внутренние займы. Их облигации были размещены через ино-

странные финансовые институты за рубежом, что позволило привлечь 1250 млн. долл.

Государство также гарантировало корпоративные займы в зарубежных банках на 1600 млн. долл.

Кроме того, получены льготные кредиты от госбанков Польши, Германии и КНР в размере 470 млн. долл.⁹

Суммарно эти корпоративные заимствования превысили среднегодовой объем государственных займов и приблизились к объему поступлений по линии международного содействия развитию.

По мнению ряда вьетнамских экспертов, такая практика кредитования стала одной из причин перегрева экономики, повысила системные риски в финансовом секторе. Она стимулировала строительство не только новых промышленных объектов, но и полей для гольфа, элитного жилья, портов, даже частных учебных заведений. Корпорации вышли из-под контроля госорганов, инвестируя занятые средства в другие непрофильные сферы: фондовую биржу, банковско-финансовые операции, недвижимость. За короткое время они создали огромное количество дочерних предприятий, инвестиционных, страховых, лизинговых компаний, фондов управления.

Погоня за темпами развития вместо оптимизации текущих издержек поставила эти корпорации в тяжелое положение – к началу глобального экономического кризиса они имели огромную задолженность. Согласно официальной статистике, на проекты в рамках ГК сегодня тратится более половины государственных средств, тогда как обратная отдача составляет менее 15% поступле-

* В рамках плана создания 43 крупных корпораций форму ГК приобрели Винатекс (текстиль), Винакафе (кофе), Сипродэкс (морепродукты), Винарабер (каучук), Вьеткомбанк и Банк жилищного развития дельты Меконга, Корпорация электроники и информатики, Вьетнамские авиалинии, Виналайнс (морские перевозки), Винаконэкс (строительство), Винаметалл (проката стали), Винашин (судостроения), ЭВН (энергетика), Петровьетнам (нефтегазовая сфера).

ний в бюджет¹⁰. Соединение групповых интересов и бизнеса в госкорпорациях обычно приводит не к рассредоточению рисков и концентрации капитала, а к растратам и потере контроля над денежными активами. Многие ГК проявили склонность к обогащению на привилегиях, поставили клиентельные отношения выше рыночных принципов.

Наибольшие опасения в экспертном сообществе Вьетнама вызывает использование монополиями больших ресурсов и влияния для проведения узкокорыстных решений в сфере экономической политики. Отмечая эту тревож-

ную тенденцию, местные аналитики призывают принять срочные контрмеры. Они признают, что вследствие формирования и сращивания крупных бизнес групп с властью государство зачастую стало обслуживать узкие интересы корпораций и кланов, а не национальной экономики в целом. Исходя из этого, предлагается ускорить процесс акционирования и перестройки работы государственных предприятий. Но оппоненты понимают, что добиться изменений крайне сложно, поэтому корпорации, скорее всего, будут расти и укреплять свое влияние.

Из приведенных данных следует, что госсектор и участие государства в экономике Вьетнама претерпели за годы реформ существенную трансформацию. В форме корпоративной экономики здесь утверждается государственный капитализм, причем по уверениям лидеров страны, этим путем она движется к социализму. Судя по показателям экономического роста на протяжении двух десятилетий, вьетнамская модель работает успешно. В условиях обострения системного кризиса капиталистического хозяйства она дает один из вариантов изменения господствующей сегодня в мире модели его организации. Вместе с тем, местные образцы далеко не оптимальны: в экономике СРВ сохраняется много нерешенных проблем, госпредприятия и корпорации не добились искомого качества и эффективности работы.

Примечания

¹ Бельчук А.И. Системные реформы в России и других постсоциалистических странах // Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. М., 2006. С. 319–320.

² Ari Kokko. Trade and Industrial Policy Reform: The Challenge of Continuous Change // Globalization and the Third World Socialism: Cuba and Vietnam / Ed. by Brundenius C., Weeks J. New York. 2001. P. 200.

³ Statistical Yearbook of Vietnam 2007. Hanoi, 2008. P.78, 80.

⁴ vietnamnet.vn/kinhte/2009/05/849804 – 26.05.2009.

⁵ Nguyen Quoc Khai. Global Integration and Economic Development // Vietnam Update 2004. Strategic and Foreign Relations. Singapore, November 2004. P. 40–41.

⁶ Vo Tri Thanh, Pham Hoang Ha. Vietnam's Recent Economic Reforms and Developments: Achievements, Paradoxes, and Challenges // Social Inequality in Vietnam and the Challenges to Reform. Ed. by Taylor, Ph. Singapore. ISEAS, 2004. P. 68.

⁷ Painter M. The Politics of Economic Restructuring in Vietnam: The Case of State-owned Enterprise "Reform" // Contemporary Southeast Asia. Vol. 25. № 1. April 2003. P. 20.

⁸ Fföde A., De Vilder S. From Plan to Market: The Economic Transition in Vietnam. Boulder, 1996. P. 81–82.

⁹ www.vneconomy.vn/ 2008122511119120P0C5/han-che-ngan-sach-mem-doi-dau-tu-va-tro-choi-ponzi.htm – 25.12.2008.

¹⁰ www.vneconomy.vn/ 2008122605381258P0C5/nhin-lai-kinh-te-viet-nam-2008.htm#detail – 26.12.2008.

Возможное решение иранской ядерной проблемы

Виктор Мизин

Новые региональные механизмы для ДНЯО

Одной из возможностей в рамках второго “трека” укрепления режима ДНЯО являются усилия по формулированию и продвижению развязок в стиле *ad hoc*. Они применялись бы в каждом конкретном случае зафиксированного нарушения Договора – с учетом региональных особенностей и при создании системы гарантий со стороны ведущих держав мира, желательно “освященных” авторитетом СБ ООН.

Решением могло бы стать, видимо, постановка всей ядерной деятельности в этих странах под контроль своего рода международных консорциумов, созданных для конкретных случаев обнаружения проблем с соблюдением ДНЯО. В случае с КНДР, они могли бы состоять, например, из России, стран ЕС, прежде всего “евротройки”

Франция, Великобритания и Германия, а также соседних государств – Китая, Южной Кореи, возможно, и Японии. В случае Ирана – такими гарантами стали бы Россия, ЕС, (США), ряд государств Персидского залива.

Эти инициативы могли бы основываться, в том числе, и на не так давно высказанных инициативах В.В.Путина, предложениях президента Дж.Буша-мл. на сессии Группы ядерных поставщиков в феврале 2004 г. об отказе от поставки технологий обогащения, а также 2006 г. – о реализации новой программы “Глобальное партнерство в ядерной энергетике”(GNEP). Интересны и идеи Генерального директора МАГАТЭ М. эль-Барадея – о возможности создания системы международных центров по предоставлению услуг

МИЗИН Виктор Игоревич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: Ахмадинежад, Большой Ближний Восток, Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), инспекции, Иран, Комитет Цангера, МАГАТЭ, США, международный ядерный топливный цикл.

ядерного топливного цикла, включая обогащение, действующей под контролем МАГАТЭ.

В.В.Путин в свою очередь заявил, что Россия готова создать на своей территории подобный международный центр. Все возникающие вопросы, по его мнению, можно решить только при условии широкого международного сотрудничества.

Как заявил российский лидер, этот проект "мог бы быть рассчитан на длительную перспективу с участием стран, имеющих серьезные, большие запасы уранового сырья". При этом такой центр может быть создан не только в России, но и в других государствах "ядерного клуба" – "при обеспечении недискриминационного доступа всех желающих"¹.

По словам В.В.Путина, Россия готова к созданию международного центра, "предоставляющего услуги ядерного топливного цикла, включая обогащение, на недискриминационной основе и под контролем МАГАТЭ". По его мнению, для создания реакторов и топливных циклов нового поколения необходимы технологические нововведения, а это предполагает широкомасштабное сотрудничество на международном уровне².

Ядерная программа Ирана и ДНЯО

Наиболее актуальной проблемой, где такой подход может быть применен, безусловно, является иранская ядерная программа – одна из приоритетных тем современной мировой политики. Позитивное решение иранской проблемы может стать своего рода примером рассмотрения ("case study") новых подходов к решению задач ядерного нераспространения. Ее конструктивное решение в той или иной степени будет зависеть от хода развития процесса урегулирования си-

Идея консорциумов использует идеологию, заложенную в инициативу о создании центров, развивая ее, однако, несколько в ином направлении. Ее ключевым моментом является использование регионального фактора – поскольку в значительной степени ядерные амбиции большинства государств порождаются их восприятием реальных или мнимых военных угроз, отсутствием гарантий безопасности и сохраняющейся нестабильностью в целом ряде районов мира³.

Такие консорциумы, наделенные широкими правами с делегированием им части национального суверенитета, вплоть до своего рода протектората над ядерными программами соответствующих государств, вели бы все работы по ядерной энергетике и исследованиям в проблемных странах. За уступку части национального суверенитета ядерными странами как бы взамен стимулировался приток в развивающиеся страны новых технологий и инвестиций в их неядерные сектора экономики. Подобные проекты явились бы гарантией от силовых акций со стороны, например, США, одновременно обеспечивая строгое соблюдение ДНЯО и международных норм нераспространения⁴.

туации вокруг ядерной программы Северной Кореи.

Как известно, в феврале 2006 г. Иран возобновил собственную программу обогащения урана и продолжил разработку, по мнению ряда специалистов, военного ядерного потенциала. В апреле президент М.Ахмадинежад заявил, что Иран успешно справился с задачей обогащения урана до высокого уровня. Затем иранский парламент пригрозил последовать примеру Северной Кореи и выйти из Догово-

ра о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Заявления Ирана о полном соответствии его действий положениям ДНЯО, по всей видимости, не оставляют большого выбора приемлемых путей выхода из конфронтации.

Теоретически можно спрогнозировать два возможных сценария:

1. США (совместно с союзниками) наносят военный удар по Ирану, или:

2. В соответствии со стремлением “нераспространенческого” сообщества будут начаты переговоры, нацеленные на выработку компромиссного решения, реализуемого дипломатическим путем.

Действия Ирана поставили ведущих политиков Америки и Европы в тупик, потребовав адекватной политической реакции. По сути, непростая ситуация вокруг Ирана представляет собой нечто большее, чем еще одну попытку распространения ядерного оружия в отдельно взятом регионе. Ставки в данном случае гораздо выше, нежели пресловутый контроль над ближневосточной нефтью или стратегическим регионом Большого Ближнего Востока. Решение иранского ядерного вопроса явится поворотным пунктом в дальнейшем развитии искусства урегулирования международных конфликтов и мирного разрешения споров в интересах международной стабильности.

Несмотря на уверения в единстве подходов к вопросам нераспространения со стороны США и России, их сотрудничество в этой области, в том числе в рамках МАГАТЭ и ООН, а также очевидную заинтересованность России в предотвращении распространения ядерного оружия и баллистических ракет, два государства придерживаются диаметрально противоположных взглядов на ключевые проблемы нераспространения. С учетом этого

становится ясно, что развитие иранского ядерного кризиса сформирует контуры будущего режима нераспространения.

В то время как политика Запада демонстрирует явную неизобретательность, Россия прочно стала ведущим игроком процесса дипломатического разрешения иранского ядерного кризиса, какую бы форму этот процесс не принял. Без активного участия России Соединенные Штаты рискуют лишиться шанса устранить назревшую угрозу в регионе, а также перспективу фундаментальным образом изменить отношения с Москвой в будущем.

С другой стороны, адекватное решение проблемы, при котором будут на компромиссной основе учтены интересы всех участников конфликта, может способствовать радикальному улучшению отношений Москвы с США, по крайней мере, по вопросам борьбы с исламистским терроризмом и ядерно-ракетным распространением в мире.

При этом Москва будет следить за тем, чтобы дальнейшие жесткие санкции в соответствии с гл. VII Устава ООН, как того добиваются Соединенные Штаты, не применялись бы в дальнейшем.

Как заявил С.Кириенко, глава Росатома, “обогащение урана, осуществляемое Ираном, не является предметом озабоченности России. В этом нет ничего неожиданного”⁵.

По мнению некоторых российских экспертов по вопросам атомной энергетики, преждевременно говорить о создании в Иране полного ядерного цикла. Российские эксперты подчеркивают, что для создания полного цикла, способного производить топливо для выработки ядерной энергии, стране необходимы многие тысячи центрифуг, работающих в безотказном режиме.

Для этой цели требуются соответствующие технологии и дорогостоящее высокотехнологичное оборудование. В настоящее время, по мнению российской стороны, иранские атомщики не в состоянии обеспечить производство топлива для атомной электростанции, не говоря о производстве ядерного оружия⁶. Тем не менее, большинство российских экспертов весьма скептически подходит к заявлениям о мирных намерениях, озвучиваемым иранской стороной.

Россия, очевидно, будет продолжать призывать Иран “играть по правилам”, соблюдая требования МАГАТЭ и положения ДНЯО – в надежде отдалить наступление неизбежной ситуации, когда Кремлю придется принимать окончательное решение по этой проблеме.

В соответствии с таким подходом, Россия должна выстраивать собственное сотрудничество с Ираном по ядерным вопросам с учетом двух основополагающих принципов:

во-первых, права Ирана как участника ДНЯО на развитие ядерной энергетики в мирных целях;

во-вторых, получения гарантий со стороны Ирана в том, что он не занимается производством ядерных устройств любого вида в военных целях.

В то же время, Россия не намерена нарушать собственные международные обязательства в случае обретения в лице Ирана нового соседа, обладающего ядерным потенциалом. Эта общая цель может быть использована для создания предпосылок нового партнерства США и России.

Наблюдатели отмечают попытки Москвы ослабить напряженность вокруг Ирана, несмотря на определенное раздражение его неуступчивостью. В Москве, очевидно, исходят из понимания, что военная кампания против Тегерана повредила бы интересам России

в регионе. Для преодоления иранского тупика, по мнению Москвы, необходимо предусмотреть что-то более позитивное, нежели санкции или угрозы силовой акции (сегодня весьма невероятной).

Президент В.Путин заявил на саммите “Большой восьмерки”, что разговоры о применении санкций к Ирану преждевременны, тем самым настраивая западные державы против России. Путин отметил, что разделяет нетерпение Европейского Союза и Соединенных Штатов в связи с промедлением, демонстрируемым Ираном, который не отреагировал на пакет инициатив спустя более месяца с момента его представления⁷.

За Россией должна быть закреплена особая роль в этом процессе. При этом Вашингтон обязан отнестись к России как к равноправному партнеру, продемонстрировать уважение к постоянно растущему международному авторитету Москвы и к ее курсу на полное возрождение статуса великой мировой державы.

Следование такой линии никоим образом не означает “таскания каштанов из огня” для Вашингтона. Напротив, участие российской стороны необходимо для разрешения серьезного международного кризиса, при этом ей предоставляется шанс существенно повысить собственный мировой рейтинг, столь важный для возрождения былой дипломатической влиятельности. В случае такого развития событий Россия в конечном счете укрепит статус признанного мирового лидера, ничем не ущемив своих интересов.

За прошедшие пятнадцать лет Россия и Соединенные Штаты убедительно продемонстрировали (особенно благодаря успешной программе Нанна – Лугара по совместному снижению угрозы оружия массового уничтожения),

что их двустороннее сотрудничество может стать источником укрепления безопасности для всех. Участие России в урегулировании иранской ядерной проблемы соответствовало бы духу идеи сенатора Ричарда Лугара, предпо-

лагающей расширение сферы сотрудничества и за пределы бывшего СССР на такие страны как Ирак, Иран и даже Китай и Индию, причем России в данном случае будет отведена роль одного из равноправных партнеров.

Возможности решения иранской ядерной проблемы

Для решения иранской “ядерной головоломки” следовало бы попытаться рассмотреть этот кризис в более широком контексте региональной безопасности – с учетом мотивов, которые стоят за стремлением Тегерана обрести статус ядерной державы.

Москва и Вашингтон – при новой администрации Б.Обамы – могли бы выступить инициатором проведения – на первоначальном этапе реализации данного многоходового плана международной конференции, посвященной вопросам региональной безопасности в Персидском заливе, под совместной эгидой США, России и ЕС.

Эта инициатива позволила бы американцам не только восстановить натянутые отношения с Москвой, но и в определенной мере расширить начатые по иракской тематике рабочие контакты с тегеранским режимом.

ДНЯО признает “неотъемлемое право” государств-членов на “участие в самом полном обмене оборудованием, материалами, научной и технической информацией” об “использовании ядерной энергии в мирных целях”. Более того, все стороны, подписавшие ДНЯО, “берут на себя обязательство способствовать” такому обмену.

Это значит, что Иран может на законных основаниях приобретать ядерные реакторы у России и оборудование для обогащения урана у Китая, если им будут соблюдаться остальные положения Договора. Кроме того, норматив-

ными актами Международного агентства по атомной энергетике (МАГАТЭ) не запрещается обогащение урана-235 до 20%, если при этом преследуется цель получения топлива для атомных электростанций.

Есть ли способ сблизить эти столь противоположные интересы? Первые шаги на пути к дипломатическому решению должны, видимо, предполагать устранение неопределенностей, связанных с иранской ядерной программой, а также предусматривать стимулирование Тегерана к соблюдению гарантий МАГАТЭ. Несмотря на заявления США о наличии у Ирана программы в области ядерного оружия, МАГАТЭ не нашло убедительных доказательств наличия такой программы.

Возможное решение заключалось бы в создании чрезвычайной инспекционной группы, наделенной широким правом доступа в целях расследования деятельности Ирана в ядерной сфере. Такая группа состояла бы из международных специалистов по вопросам, связанным с ядерным топливным циклом и ядерным оружием. Важно, чтобы они лишь дополняли функцию МАГАТЭ, но не заменяли ее, при этом их миссия должна формулироваться в соответствии с Уставом МАГАТЭ, предусматривающим возможность проведения чрезвычайных проверок с целью разрешения вопросов соблюдения норм ДНЯО.

Совет Безопасности наделил бы таких инспекторов полномочиями в соответствии с положениями гл. VI собственного Устава (а именно, ст. 36) и предоставил бы определенное ограниченное время на проведение оценки. На начальном этапе объем полномочий не предусматривал бы какой-либо ссылки на применение экономических санкций или угрозы использования военной силы. Однако в случае обнаружения инспекционной группой признаков запрещенной деятельности в ядерной сфере у Совета Безопасности появились бы более серьезные основания рассматривать возможность санкционного (или даже силового) воздействия.

Что могло бы побудить Иран к сотрудничеству в проведении таких специальных инспекций?

Иран может стремиться к сохранению неопределенности, благодаря чему его ядерная программа смогла бы предстать в более впечатляющем виде, нежели в действительности. Тегеран значительно выиграет, если предоставит возможность проведения более тщательных инспекций. При этом репутация Ирана не пострадает, и новые экономические санкции к нему применены не будут. Есть сигналы о том, что Иран готов разрешить интрузивные инспекции на своих ядерных объектах и ограничить обогащение ядерных материалов таким образом, чтобы они были бы пригодны для энергетических нужд, но не для целей создания вооружений.

Мировое сообщество и российская дипломатия будут вынуждены вести переговоры на условиях допустимости иранской исследовательской деятельности в ядерной области.

В реализации предложения следует использовать все положительное из опыта деятельности комиссий ООН ЮНСКОМ и ЮНМОВИК, а также по-

пытаться выйти за ограничения, предусмотренные Дополнительным протоколом МАГАТЭ. Если Иран даст согласие на проведение инспекций на любых своих объектах, которые инспекторы признают подозрительными, в ответ международное сообщество позволит Ирану иметь собственную ограниченную программу ядерного обогащения.

Предложение также должно предусматривать возможность непрерывного контроля на месте за выполнением Ираном данной программы. Предлагаемый подход переводит иранский кризис в разряд ситуаций, урегулирование которых лежит в плоскости переговорного процесса, и будет способствовать окончательному устранению спекуляций о возможности вооруженного вмешательства.

Иран можно склонить к принятию режима непрерывного контроля на местах в обмен на возможность осуществления им ограниченной и подконтрольной программы по обогащению, которая будет сводиться, например, к одному каскаду из 3000 центрифуг. Естественно, запуск такой программы должен быть отложен до момента, когда будут закрыты все технические вопросы. В результате престиж исламского государства не пострадает. Иран будет вынужден замедлить реализацию своей программы обогащения и предоставить соответствующий доступ специальной инспекционной комиссии для проведения оценки характера своей ядерной программы на основе предоставления исчерпывающей информации.

Данный план нашел многочисленных сторонников среди экспертов, заинтересованных в мирном разрешении иранского ядерного кризиса.

Как писал в августе 2006 г. Г.Киссинджер: "Приостановка программы обогаще-

ния урана не должна означать свертывания всего процесса. На следующем этапе должна быть создана глобальная система ядерного обогащения, осуществляемого в специально предусматриваемых центрах по всему миру под контролем международного сообщества, по примеру, предложенному Россией для Ирана. Такое положение дел избавило бы Иран от опасной дискриминации и создавало бы конкретный пример развития атомной энергетики, исключая кризисные ситуации при вступлении в состав участников каждого нового претендента”⁸.

В случае согласия представителей США в будущем на ведение Ираном ограниченной программы обогащения, (которую большинство экспертов в настоящее время уже считают свершившимся фактом), создавалась бы международная структура с беспрецедентными контрольными и управленческими полномочиями, к тому же функционирующая непосредственно в Иране. Был бы образован специальный международный консорциум под эгидой ЕС, России и, возможно, некоторых государств региона, в целях реализации исследовательской ядерной программы в Иране на территории этой страны.

В порядке дополнительной инициативы России также следовало бы предложить провести многосторонние пере-

говоры с участием, как минимум, Ирана, новой администрации США, Европейского Союза и, разумеется, России. К ним могут присоединиться Саудовская Аравия и другие государства Персидского залива.

Соединенные Штаты могут отказаться от участия в переговорном процессе на начальном этапе, однако должны быть готовы вступить в него в случае проявления серьезности намерений Ирана прийти к соглашению. Повестка дня переговоров охватывала бы широкий спектр вопросов, включающих предоставление гарантий безопасности и помощь в экономическом развитии.

При всей кажущейся идеалистичности подобного решения иранской проблемы, оно, как представляется, существенным образом укрепляло бы режим ДНЯО и практически устраняло на ближайшую перспективу возможность появления новых кандидатов в ядерные “пролиферанты”.

Более того, урегулирование иранского “ядерного узла” открывало бы дорогу к практической проработке и дальнейшей реализации комплекса идей об осуществлении ядерного топливного цикла исключительно под международным контролем⁹.

Примечания

¹ Из ответов Президента РФ В.В.Путина на вопросы журналистов в ходе “большой пресс-конференции” для российских и иностранных СМИ, Москва, 31 января 2006 г. <http://g8russia.ru/news/20060131/1142061.html>

² Путин делает заявление о мирном использовании ядерной энергии. 27 января 2006. <http://newsfromrussia.com/politics/2006/01/27/71934.html>

³ *Steinberg G.* Non-Proliferation: Time for Regional Approaches? // *Orbis*. Vol. 38. No. 3. Summer 1994.

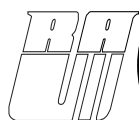
⁴ *Ferguson C.D., Mizin V.* Russia can help resolve Iran crisis // *The Baltimore Sun*. 2006. May 22.

⁵ *Kouri J.* Nuclear Iran: Beware of the Russian Bear in the Middle East // *American Chronicle*. 2006. 13 <http://www.americanchronicle.com/articles/viewArticle.asp?articleID=8071>

⁶ Russia: Iran's Mullahs Good News, “Largely a bluff...A fairy tale” // http://www.iranian.ws/cgi-bin/iran_news/exec/view.cgi/8/14834

⁷ *Finn P., Baker P.* Kremlin Sells Russia's Best Self To G-8s Captive Audience, Country Promoted as Superpower // Washington Post. 2006. July 18.

⁸ *Kissinger H.A.* The Next Steps With Iran Negotiations Must Go Beyond the Nuclear Threat to Broader Issues // Washington Post. 2006. July 31.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Региональная политика Катара и связи с Россией

Эльдар Касаев

На фоне разного рода военно-политических конфронтаций в регионе Ближнего и Среднего Востока своеобразное место занимают локальные конфликты между отдельными государствами зоны Персидского залива. Они составляют часть современных политических реалий, порой оказывающих заметное влияние на региональные взаимоотношения.

Взаимоотношения со странами региона

Одним из таких конфликтов по праву можно считать спор между Бахрейном и Катаром, вносивший с начала 70-х годов вплоть до начала нынешнего столетия свою долю напряжения в регионе Персидского залива.

Бахрейн и Катар являются соседними государствами, имеющими общую морскую границу.

Бахрейнский архипелаг отделен от полуострова Катар узким проливом шириной 33,5 км.

В состав архипелага входит 33 различных по размерам материковых и коралловых острова. Самый крупный из них – Бахрейн. Остальные острова (Мухар-рак, Хавар, Сит-ра и др.) – значительно меньше.

Общая площадь архипелага составляет 600 кв. км. Катар расположен на одноименном полуострове его территория, включая небольшие острова у побережья, насчитывает 11,3 тыс. кв. км¹.

Предметом спора между Катаром и Бахрейном был ряд территорий: группа о-вов Хавар, переданных Великобританией (1939 г.) во владение Бахрейну (впоследствии на этих территориях была создана туристическая зона), искусственно созданные острова на рифе Фашт Ад-Дибаль и группа о-вов Эль-Фушут, расположенные на отмели Джарада.

Взаимные территориальные претензии Катара и Бахрейна продолжались

КАСАЕВ Эльдар Османович – выпускник Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО(У) МИД России.

Ключевые слова: Катар, эмират, Ближний и Средний Восток, территориальный спор, природный газ.

длительное время (со второй половины XIX в.). Причем все попытки урегулирования заканчивались безрезультатно.

К лету 1978 г. катаро-бахрейнский пограничный спор перерос в конфликт и начал принимать угрожающий характер.

Поводом для резкого обострения отношений послужили действия шейха Бахрейна, который для демонстрации силы провел на принадлежащем ему острове Хавар военные маневры.

В ответ на эту демонстрацию силы правитель Катара санкционировал арест нескольких бахрейнских рыболовных судов. Лишь благодаря вмешательству короля Саудовской Аравии, предложившего организовать встречу сторон в Эр-Рияде, удалось предотвратить катаро-бахрейнский вооруженный конфликт.

Однако напряжение между этими двумя эмиратами то затухало, то вновь разгоралось.

В марте 1982 г. правитель Катара заявил резкий протест в связи с тем, что в водах, оспариваемых обоими эмиратами, были опять проведены учения бахрейнских военно-морских сил. Протест был оставлен без внимания.

Дальнейшее свое развитие территориальный спор получил в 1986 г., достигнув своего апогея.

В то время правитель Бахрейна заключил контракт с голландской фирмой на частичную засыпку грунтом искусственно созданные острова рифа Фашт Ад-Дибаль для сооружения берегового пограничного участка сил самообороны Бахрейна. Однако вооруженные силы Катара воспрепятствовали этому, направив вертолетный десант, который разрушил все возведенные сооружения и обосновался там.

Справочно

Основные вехи истории катарского государства

В древности полуостров Катар находился под властью Сасанидов, входил в состав Арабского халифата, а после его распада – в состав государства карматов.

В XIII–XIV вв. Катар находился под властью эмиров Бахрейна, в начале XVI в. контролировался португальцами (наряду с Бахрейном), затем попал под власть турок-османов. Территория была объектом притязаний Ирана, Турции, Омана, Саудидов.

Во второй половине XVIII в. на территории Катара было создано государство, управляемое первым представителем династии Аль Тани – шейхом Мухаммедом бен Тани. Представителям этой династии удалось объединить Катар и установить наследственное правление. После смерти Мухаммеда бен Тани (1878 г.) на престол вззошел шейх Касем бен Мухаммед. Несмотря на договор с Великобританией и формальное вхождение Катара в состав Османской империи, ему удавалось проводить фактически независимую от обеих держав политику. Шейха Касема принято считать основателем эмирата Катар.

В 1915 г. Турция вывела свои войска из Катара. Шейх Абдалла бен Касем подписал договор о передаче страны под британский протекторат. Власть эмира практически стала формальностью.

Однако ситуация начала меняться после отречения шейха Абдаллы, которого в 1949 г. сменил на престоле его сын Али. Шейх Али занимал ряд государственных должностей и принимал активное участие в управлении страной. После массовых беспорядков в столице шейх Али отрекся от престола, новым эмиром стал его сын шейх Ахмед.

Шейх Ахмед имел репутацию слабого правителя, у которого, однако, был сильный помощник – премьер-министр Халифа бен Хамад Аль Тани.

1 сентября 1971 г. Катар был провозглашен независимым государством, а в феврале 1972 г. премьер-министр организовал дворцовый переворот и стал эмиром.

Летом 1995 г. вззошедший на трон в результате переворота шейх Халифа бен Хамад потерял власть также в результате переворота, который совершил его сын шейх Хамад.

Подобные действия Доха мотивировала тем, что бахрейнское руководство проводит линию на закрепление своего присутствия на этой спорной территории, вместо того чтобы углублять диалог по мирному урегулированию спора. Вооруженного столкновения между ними удалось избежать благодаря специально созданной Организации по урегулированию конфликтов. В ее создании ключевую роль вновь сыграла Саудовская Аравия, которая, помимо прочего, выступила посредником в переговорах между Катаром и Бахрейном¹.

Урегулированию катаро-бахрейнского спора не хватало компромиссного подхода, так как данная пограничная проблема наиболее остро затрагивала национально-государственные интересы обеих стран.

В 1991 г. Катар инициировал начало судебного процесса, обратившись в Международный суд ООН. Манама выступила с протестом, утверждая, что возбуждать дело в суде должны обе стороны, чтобы на его основе было вынесено окончательное решение, обязательное для обеих сторон.

Через четыре года Международный суд ООН принял эту проблему к рассмотрению. В связи с тем, что все попытки урегулировать спор региональными усилиями не увенчались успехом, официальный Катар неоднократно заявлял, что решение для него такого авторитетного судебного органа будет окончательным.

Бахрейн, в свою очередь, избегал подобного рода деклараций до мая 2000 г., когда, наконец, он заявил, что прекращает переговоры с Катаром относительно их территориального спора и перекладывает всю ответственность на решение суда. Судя по всему, все законные средства, кроме подачи судебного иска, к этому моменту оказались исчерпанными.

Гаагский суд вынес свой вердикт 16 марта 2001 г., согласно которому суверенитет государства Катар распространяется на территорию Эз-Зубара и Джанан, а также на искусственно созданную насыпь Фашт Ад-дибаль.

Что касается суверенитета Королевства Бахрейн, то он, как и прежде, распространяется на о-ва Хавар и район отмели Джаррада. Суд также определил морскую границу между этими государствами.

Таким образом, многолетний конфликт, тормозивший развитие отношения двух стран, был в итоге исчерпан, не дав проблеме перерасти в военную плоскость. По сути, решение трибунала лишь подтвердило суверенитет каждого из государств над уже и так принадлежавшей ему территорией. Другими словами, каждый остался при своем.

В целом анализ катаро-бахрейнского территориального спора дает основания полагать, что в нем больше превалировала экономическая составляющая, нежели историческая или географическая.

Каждая из сторон была заинтересована в присоединении территории обладающей нефтяным или газовым потенциалом. Особенно ситуация обострилась после результатов геологоразведочных работ, подтвердивших наличие запасов углеводородного сырья в районах спорных территорий.

К тому же Бахрейн неоднократно заявлял после обращения Катара в Международный суд о том, что он не подчинится вердикту суда, если тот окажется не в его пользу. Небольшое островное государство было не готово с легкостью расстаться с шельфовой нефтью о-вов Хавар.

Эр-Рияд поддерживал бахрейнский суверенитет над группой о-вов Хавар, отчасти из-за наличия пограничного спора с Катаром в районе Аль-Хофуз.

Такая антикатарская позиция саудовцев подтолкнула Доху к ответным шагам.

Стремление руководства Катара проводить самостоятельную внешнюю политику, дистанционировавшись от Саудовской Аравии, привело к тому, что Катар не только установил дипломатические отношения с Израилем, но и заключил с ним в 1996 г. соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве, по которому должен был осуществляться импорт газа в Израиль. Однако демонстративная политика Катара не вызвала одобрения у большинства региональных соседей.

Отличительной особенностью рассмотренного межгосударственного спора является то, что был создан единственный до настоящего времени прецедент мирного урегулирования конфликта между государствами Персидского залива с помощью международного арбитра, что в условиях провозглашения монархиями Залива принципа разрешения территориальных разногласий мирным путем служит для них положительным примером.

На современном этапе уже можно говорить об окончательной нормализации двусторонних отношений между государством Катар и Королевством Бахрейн.

Политико-экономические отношения Катара с Россией

Дипломатические отношения между Россией и Катаром были установлены в 1988 г., но лишь спустя 10 лет во время визита министра иностранных дел Катара в Москву были подписаны соглашения об избежании двойного налогообложения и о сотрудничестве в военной области.

Импульс двусторонним отношениям придал визит эмира Катара шейха Хамада бен Халифы Аль Тани в Москву в 2001 г. впервые за тринадцати-

Некоторая напряженность в отношениях Катара с другими странами, в том числе и с арабскими, присутствует в данный момент из-за деятельности финансируемого главой Катара телеканала “Аль-Джазира”, который официальные лица США часто обвиняют в прославлении своих врагов.

По разным причинам значительно ограничили деятельность репортеров канала также Иран, Ирак, Израиль, Саудовская Аравия. Это объясняет, почему за деятельностью звучного телеканала столь пристально следят в арабском мире.

В своей внешнеполитической деятельности традиционно руководство Катара считается с лидирующей ролью Саудовской Аравии². Официально Катар исповедует то же учение, что и Саудовская Аравия, – ваххабизм.

Однако эмир-шейх Катара Хамад бен Халифа аль Тани и его семья стремятся сделать свою страну с 600-тысячным населением более открытой, ведя ее к политическим реформам. Власти Катара настаивают на том, что “Аль-Джазира” является независимым телеканалом. Но многие арабы убеждены, что передачи этого телеканала служат интересам катарской внешней политики.

летнюю историю дипломатических отношений между двумя странами.

На тот момент Президент России В.В.Путин и глава Катара определили направления взаимодействия в политической, торгово-экономической, гуманитарной областях на длительную перспективу.

Стороны, как было сказано в совместном заявлении, выступают за становление стабильного мирового порядка, основанного на принципе невмеша-

тельства во внутренние дела, равноправия и суверенном равенстве государств.

В свою очередь, шейх отметил, что его страна всегда стремилась к закреплению отношений с Россией, традиционно поддерживавшей арабский мир.

Примечательно, что авторитет нашего государства в исламском мире на тот момент был высок, как никогда, так как Россия не поддержала американцев в оккупации суверенного Ирака. Именно тогда начались разговоры о присоединении России к Организации исламская конференция (ОИК), если не в качестве полноправного члена, то как наблюдателем.

Однако в двусторонних российско-катарских отношениях де-факто не всегда было все настолько гладко, насколько это было закреплено де-юре.

Стоит отметить, что по степени фундаментализма Катар уступает только Саудовской Аравии.

На территории эмирата действуют многочисленные исламские "благотворительные фонды" в поддержку единомышленников в Кашмире, Косово, на Филиппинах. Катарские власти охотно предоставляли убежище лидерам радикальных военизированных исламских группировок из Палестины и Алжира.

Примечательно, что, захватив троих российских граждан по подозрению в убийстве З.Яндарбиева, катарские власти в нарушение норм международного права не проинформировали об этом посольство России и на протяжении 7 суток отказывали россиянам во встрече с представителями дипломатической миссии³.

Однако ссориться с Москвой катарские власти не хотели. Российские власти с самого начала вели двусторонние переговоры об исходе процесса, переговорщики добились вынесения сносного и устраивающего всех приговора.

В соответствии с достигнутыми договоренностями между сторонами двое рос-

сийских граждан, задержанные в Дохе 19 февраля 2004 г., были переданы в Россию для отправления правосудия в соответствии с ее законодательством.

23 мая 2006 г. прошли переговоры между министром иностранных дел Катара Шейхом Х. аль Тани и главой МИД России С.В.Лавровым, посетившим Катар в рамках своего турне по странам Залива. На встрече стороны обсудили двусторонние отношения, пути их развития и укрепления в различных областях, а также вопросы, касающиеся перспектив развития обстановки в Иране и его ядерной программы.

"Мы уделили приоритетное внимание развитию двусторонних отношений, сделав акцент на активизации торгово-экономического сотрудничества и уделив особое внимание энергетической и инвестиционной деятельности"⁴, — сказал российский министр.

О чем же говорил глава внешнеполитического ведомства?

Прежде всего, о российских инвестициях в газовую отрасль катарской экономики⁵.

Занимая по разведанным запасам "голубого топлива" 3 место в мире после России и Ирана, эта монархия стала одним из ведущих игроков на мировом энергетическом рынке. Тем важнее перспективное и действенное развитие экономических связей между Москвой и Дохой.

Ни одно государство Залива не продвинулось настолько в развитии экспортных рынков промышленной инфраструктуры, связанной с природным газом, как Катар, опирающийся на его громадные запасы.

Большая часть этих запасов сосредоточена на территории Северного шельфового месторождения.

Его еще иногда называют Северным куполом. Это не что иное, как продолжение иранского месторождения Южный Парс. Фактически Северное месторожде-

ние и Южный Парс – одно целое гигантского газоконденсатного месторождения площадью 6 тыс. кв. км, которое является крупнейшим месторождением чистого природного газа в мире.

Северное месторождение было открыто в 1971 г. и, по разным оценкам, содержит от 8 до 10 трлн. куб. м газа.

Проследив динамику и степень развития российско-катарских отношений, можно с уверенностью сказать, что Доха смотрит на Москву как на ключевого партнера по рынку, от отношений с которым будет зависеть политика сбыта энергоносителя нового тысячелетия.

По образному выражению главы "Катарской государственной нефтяной корпорации", наши государства находятся в одной лодке, плывущей по газовым морям⁵.

В заключение стоит подчеркнуть следующее.

За последние годы России и Катару удалось выйти на весьма высокий уровень взаимодействия в рамках ООН, ОИК и других международных организаций. Кроме того, заметно активизировалось двустороннее сотрудничество в торгово-экономической области, координация в вопросах энергетической безопасности.

В Москве убеждены, что всестороннее взаимодействие с этой монархией отвечает долгосрочным интересам России, касающихся укрепления отношений с арабо-мусульманским миром, особенно после вхождения России в качестве наблюдателя в 2005 г. в ОИК.

Между Россией и Катаром поддерживается устойчивый политический диалог, основанный на близости подходов двух стран к актуальным как международным, так и региональным проблемам.

Данное конструктивное внешнеполитическое взаимодействие способствует формированию атмосферы стабильности и безопасности в зоне Персидского залива. Это особенно важно в современной ситуации в регионе с учетом сложной обстановки в Ираке, вокруг Ирана, в решении арабо-израильского конфликта.

К этому стоит добавить, что согласованное освоение этих ресурсов послужит не только интересам обеих стран, но и удовлетворению потребностей мирового энергетического рынка в ближайшем будущем.

Экономический рост в Катаре будет обеспечен выполнением пятилетней энергетической программы (с 2007 по 2012 гг.), инвестирование в которую составит от 70 до 80 млн. долл. С ее завершением Катар превратится в крупнейшего экспортера сжиженного природного газа, с производственными мощностями 80 млн. т в год, а также станет безусловным лидером в переработке добываемого газа в жидкие продукты, а еще – четвертым в списке крупнейших производителей нефтехимической продукции в мире⁶.

Примечания

¹ Рамазанова Ф. Катаро-бахрейнский территориальный конфликт: опыт мирного урегулирования // Дипломатическая служба. 2006. № 7. С. 54.

² Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. 1945–2000. М.: Владос, 2004. С. 115.

³ Сычева В. Взрывной характер дипотношений // Итоги. 2004. 2 марта. С.23.

⁴ Агентство зарубежной информации Государства Катар. 23.05.2006.

⁵ Страна, плывущая по газовым морям // Мировая энергетическая политика. 2003. № 6. С. 51.

⁶ MEED. 28 February-2 March 2006. P. 34.

Г.К. Жуков: военные кадры – основа оборонеспособности страны

**Владимир Афанасьев
Михаил Тихонов**

Вот уже 64 года прошло с победного 45-го. Но до сих пор внимание историков приковано к событиям периода Великой Отечественной войны. Взгляды их порой полярно противоположны, особенно когда речь заходит о роли наших военачальников в достижении Великой Победы.

В печати и с экранов телевизоров зачастую нам пытаются навязать представление о советских военачальниках, в первую очередь о Георгии Константиновиче Жукове, как о “необразованных солдафонах, добивавшихся побед над высокоинтеллектуальными немецкими генералами исключительно ценой многочисленных солдатских жизней”. Хотя этот тезис не выдерживает критики, его продолжают упорно тиражировать в средствах массовой информации.

Возникает естественный вопрос – кому это выгодно?

Ответ однозначный – только тем, кому не нужна великая, процветающая Россия, кто, лишая нашу страну ее великого прошлого, стремится лишить ее и великого будущего.

Тема Великой Отечественной войны поистине неисчерпаема. В одной публикации невозможно рассказать об источниках и составляющих Великой Победы нашего народа в той войне. Цель этой публикации куда более скромна.

Мы предлагаем читателю обратить внимание лишь на одну из проблем, без решения которой Победа была бы невозможна, а именно – на проблему подготов-

АФАНАСЬЕВ Владимир Анатольевич – член президиума комитета памяти Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, старший научный сотрудник ЦМВС России, полковник запаса.

ТИХОНОВ Михаил Леонидович – научный сотрудник ВА РВСН им. Петра Великого, майор.

Ключевые слова: военные кадры, обучение и воспитание высших офицеров.

ки командных кадров оперативно-стратегического звена накануне и во время Великой Отечественной войны. А точнее, на отношение к этой проблеме одного из выдающихся полководцев Великой Отечественной – Г.К. Жукова.

Недавние события в Южной Осетии в очередной раз показали, что сегодня, может быть как никогда ранее, вопрос подготовки военных кадров, в том числе руководителей оперативно-стратегического и стратегического уровня, стоит исключительно остро. Проводимые до настоящего времени в Российской армии так называемые “реформы” привели к тому, что в наших вооруженных силах образовался острый дефицит подготовленных военных кадров практически на всех уровнях военного управления. Тот факт, что командующий 58-й армией следовал в район боевых действий практически без разведки, боевого охранения и устойчивой связи говорит о многом.

Серьезные опасения вызывают и объявленные грядущие сокращения численности офицерского состава вообще и центрального аппарата Министерства обороны в частности. Далеко не бесспорны намеченные преобразования в системе военного образования.

Известно, что кадры – самое ценное, что есть в армии. Без подготовленных кадров любая, самая совершенная военная техника ничего не стоит. Удастся ли их сохранить после планируемых мероприятий? Однозначно ответить на этот вопрос весьма проблематично.

В этой связи представляется вполне целесообразным обратиться к опыту подготовки военных кадров, накопленному в нашей стране в первой половине прошлого столетия.

Как известно, после октября 1917 г., молодой советской стране практически с нуля пришлось готовить свои командные кадры. С большим трудом, но проблема была решена. И уже через два с небольшим десятилетия в стране были созданы условия для появления целой плеяды замечательных военных руководителей, сумевших в суровой борьбе превзойти военачальников сильнейшей в то время армии мира – фашистского вермахта.

Как советскому государству удалось за два с небольшим десятилетия подготовить из представителей рабочих и крестьян, не имевших к 1917 г. военного образования, военачальников, признанных выдающимися полководцами прошлого века? В каких условиях и благодаря чему ковалось их воинское мастерство? Какие уроки и выводы из этого можно сделать сегодня? Сегодня эти вопросы, на мой взгляд, исключительно актуальны.

Считаем, что ответить на эти вопросы было бы наиболее показательным, рассмотрев эволюцию воинского мастерства одного из высших военных руководителей страны к началу войны, одного из самых ярких представителей советской военной школы, сыгравшего исключительную роль в победе над фашистской Германией, и вместе с тем характерного представителя замечательной плеяды военачальников Великой Отечественной – Г.К. Жукова.

Георгий Константинович Жуков является одной из знаковых фигур в истории нашего Отечества. Ко дню Победы 9 мая 1945 г. он стал признанным в военных кругах авторитетом. Не случайно именно ему от имени Советского правительства было поручено подписать акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии, а затем принять исторический парад Победы.

Выдающиеся полководческие качества Г.К.Жукова, продемонстрированные им в годы Великой Отечественной войны, не появились сами собой. Безусловно, становлению Г.К.Жукова как полководца способствовали его природные качества: глубокий аналитический ум, твердый характер, смелость и мужество, исключительная ответственность за порученное дело и высочайшая требовательность к себе. Однако этого мало.

Для успешного решения задач, которые поставила перед ним жизнь, нужны были доскональное знание армейской службы, понимание природы общевойскового боя, опыт командования частями и соединениями, умение организовывать управление и взаимодействие между частями и подразделениями, нужны были знания, касающиеся огромного числа специфических вопросов, прежде всего состояния и перспектив развития, как своих войск, так и войск вероятного противника (их организационной структуры, вооружения, уровня подготовки войск и т.д.). Все это требовало напряженной, самоотверженной работы. Путь Георгия Константиновича к высотам полководческого мастерства был долгим и сложным.

Большое влияние на процесс командирского становления Г.К.Жукова оказал боевой опыт, приобретенный им в годы Первой мировой и Гражданской войн. Он сполна познал тяжелую солдатскую службу. Она началась для него в августе 1915 г., когда вовсю полыхала Первая мировая война. Будущий полководец попал в кавалерию, самый маневренный в то время род войск. Службу он начал рядовым драгуном.

Получив хорошую индивидуальную подготовку, опыт командования подчиненными в боевой обстановке, Г.К.Жуков к октябрю 1917 г. стал отличным младшим командиром, пользо-

вавшимся большим авторитетом у сослуживцев. Затем был богатый боевой опыт командования кавалерийскими подразделениями в годы Гражданской войны.

Важной ступенью профессионального становления Г.К.Жукова был период командования им полком, который длился почти 7 лет. Этот период, по его справедливому суждению, важнейшая ступень в овладении военным искусством. В своих воспоминаниях он отмечал, что “полк – это основная боевая часть, где для боя организуется взаимодействие всех сухопутных родов войск, а иногда и не только сухопутных. Командиру полка нужно хорошо знать свои подразделения, а также средства усиления, которые обычно придаются полку в боевой обстановке. От него требуется умение выбрать главное направление в бою и сосредоточить на нем основные усилия. Особенно это важно в условиях явного превосходства в силах и средствах врага.

Командир части, который хорошо освоил систему управления полком и способен обеспечить его постоянную боевую готовность, всегда будет передовым военачальником на всех последующих ступенях командования, как в мирное, так и в военное время”¹. К слову сказать, многолетний опыт командования полком имели И.Х.Баграмян, А.М.Василевский, Л.А.Говоров, А.И.Еременко, И.С.Конев, К.К.Рокоссовский и другие будущие прославленные военачальники Великой Отечественной.

Развитию уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА способствовала существовавшая в то время практика направления командиров в военные академии и на курсы усовершенствования командного состава, где они под руководством высоко подготовленных преподавателей овладевали военной наукой. Г.К.Жуков проходил подготовку на

подобных курсах дважды: в 1924–1925 гг. и в 1929–1930 гг. Характерно, что в то время командованием РККА практиковалось направлять значительное количество командного состава на учебу в различные учебные заведения. Так, только из комполитсостава 7-й кавалерийской Самарской дивизии, где служил Жуков, одновременно с ним на учебу в высшие школы было командировано 20 чел. (из них 10 – в Высшую кавшколу, в том числе два командира полка).

Необходимо отметить, что сокурсниками Г.К.Жукова в 1924–1925 гг. были такие выдающиеся впоследствии военачальники, как К.К.Рокоссовский, И.Х.Баграмян, А.И.Еременко, в 1929–1930 гг. И.В.Болдин, Л.А.Говоров, А.В.Горбатов, И.И.Карпезо, К.П.Подлас, М.А.Пуркаев, Ф.И.Толбухин и другие.

Переподготовка командного состава практикуется и в современной российской армии, однако сравнение организации, уровня и особенно практической направленности обучения, к сожалению, идет в пользу курсов, на которых обучался Жуков и его сверстники.

Существенное влияние на расширение военного кругозора Г.К.Жукова оказал опыт, приобретенный им в период службы в Центральном аппарате Наркомата обороны (в инспекции кавалерии РККА). В Центральном аппарате он получил возможность мыслить более масштабно, шире видеть перспективы развития армии, анализировать, сравнивать состояние кавалерийских частей и соединений Красной Армии, познакомиться (хотя бы в общих чертах) с механизмом управления вооруженными силами страны. Общение с видными военными руководителями, опытными военачальниками, участие в разработке руководящих документов, в подготовке и проведении

учений и маневров, непрерывные самостоятельные занятия значительно обогатили Жукова, позволили ему стать военачальником, способным принимать взвешенные решения в самой сложной обстановке, умело учить подчиненных военному делу, приучили его мыслить не только тактическими, но и оперативными и стратегическими категориями. Здесь военная судьба свела его со многими будущими видными военачальниками, в частности именно тогда он близко сошелся с А.М.Василевским и И.В.Тюленевым.

Существенное влияние на развитие полководческих качеств Г.К.Жукова оказали годы его службы в Белорусском военном округе (БВО), куда он вернулся в 1933 г., вступив в должность командира и военкома 4-й кавалерийской дивизии.

Округом в то время командовал замечательный военачальник И.П.Уборевич.

"Иероним Петрович, – по свидетельству И.С.Конев, также служившего в то время в Белоруссии, – умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки"².

Показательно, что школу Уборевича в то время прошли многие командиры, ставшие в годы Великой Отечественной войны видными военачальниками. Это, в частности, работники штаба округа К.А.Мерецков (в то время начальник штаба округа), М.В.Захаров, Р.Я.Малиновский, В.В.Курасов, А.П.Покровский, командир корпуса (а затем заместитель командующего войсками округа) С.К.Тимошенко, командиры дивизий Г.К.Жуков, И.С.Конев, В.Д.Соколовский, В.Я.Колпакчи, на

различных должностях служили в округе А.А.Новиков, И.Х.Баграмян, другие будущие военачальники.

В то время большое внимание уделялось в БВО, по утверждению К.А.Мерецкова, воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий (в том числе и Г.К.Жукова) с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все то новое, что было приобретено во время опытных учений и полевых поездок, немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижение какой-либо одной части или соединения немедленно становилось достоянием всего округа³.

При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы: от групповых упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как розыгрыш тактических вопросов на местности можно провести значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах, особенно мелкого масштаба.

Вспоминая годы командования дивизией, Георгий Константинович писал: "Я проработал командиром дивизии более четырех лет, и все эти годы жил одной мыслью: сделать вверенную мне дивизию лучшей в рядах Красной Армии, самой передовой. В подготовку дивизии было вложено много сил, энергии и труда, чтобы вытянуть ее из прорыва, научить командирские кадры и штабы искусству современной тактики, организации и методам управления подразделениями, частями и дивизией"⁴.

Старания командира дивизии Г.К.Жукова не пропали даром. Дивизия стала одной из лучших. Об уровне подготовки командных кадров в дивизии Жукова в определенной мере свидетельствует тот факт, что команди-

ры полков дивизии И.Н.Музыченко, Ф.Я.Костенко, В.В.Крюков, другие командиры, служившие под началом Жукова, показали себя смелыми, мужественными, умелыми руководителями подчиненных войск в годы войны.

На сборе высшего командного и политического состава Белорусского военного округа, который прошел в июне 1938 г. в Бобруйске были показаны форсирование реки с реально действующими войсками, артиллерийское учение, работа на аэродроме, тактическое учение с боевой стрельбой.

Формированию Г.К.Жукова как высоко подготовленного, перспективного командира во многом способствовали и общая атмосфера творческого поиска, характерная для Красной Армии 20-х – 30-х годов, и его окружение: начальники, учителя, соратники по службе, общение с которыми обогащало его знания и опыт (впрочем, это утверждение можно отнести и по отношению ко многим другим командиром той поры).

Тот факт, что многие сослуживцы Георгия Константиновича, с которыми пересекались его служебные дороги в 20-е – 30-е годы, в годы Великой Отечественной войны проявили себя командирами, способными решать самые сложные боевые задачи, ставшими видными военачальниками, свидетельствует о том, что подготовка командного состава в то время в целом была организована отнюдь неплохо.

Но, как бы ни была организована боевая подготовка в условиях мирного времени, основная школа для военного человека это участие в боевых действиях. Здесь проверяются на практике полученные в ходе учебы знания и навыки. Для сверстников Жукова это были боевые действия в районе озера Хасан и у р. Халхин-Гол, участие в гражданской войне в Испании и советско-финская война.

Для Г.К.Жукова первым экзаменом на полководческую зрелость стал Халхин-Гол в 1939 г. В лице Г.К.Жукова Красная Армия тогда обрела перспективного военачальника, соответствующего по подготовке и дарованиям достигнутому к тому времени уровню развития средств вооруженной борьбы.

Затем были руководство одним из крупнейших военных округов того времени – Киевского особого, непродолжительное пребывание на посту начальника Генерального штаба, давшие опыт руководства крупными оперативными объединениями, расширили его профессиональный и стратегический кругозор. Он окупился в механику стратегического планирования, получил возможность лучше понять мобилизационные возможности страны, досконально познать организационную структуру Вооруженных Сил, глубже изучить будущего противника. Все это очень помогло ему впоследствии, в суровые годы Великой Отечественной войны, когда пришлось держать сложнейший экзамен на полководческую зрелость.

Таким образом, до начала Великой Отечественной войны Г.К.Жуков прошел практически все ступени военной службы от солдата до начальника Генерального штаба. Командирский рост его проходил в условиях постоянного лимита времени, в условиях бурного развития военной мысли и военной техники, при постоянном стремлении к соединению получаемых знаний с практикой, с одной стороны, и извлечением из практического опыта определенных теоретических выводов и рекомендаций, с другой. В результате, впитав в себя необходимые теоретические знания, помноженные на практику командования частями и соединениями, боевой опыт, опыт работы в центральных органах военного управления, Г.К.Жуков к началу Великой Отече-

ственной войны стал военачальником стратегического масштаба, отличавшимся высоким профессионализмом, глубоким пониманием природы боевых действий.

При этом Г.К.Жуков никогда не останавливался в своем развитии. Он постоянно учился, учился в обороне и в наступлении, на успехах и неудачах, учился настойчиво, упорно и эффективно. Этого же он постоянно требовал от подчиненных. И в этом также один из источников его успеха.

Для Г.К.Жукова, как и для других военачальников, выросших в межвоенный период и призванных теперь встать во главе оперативно-стратегических и стратегических объединений, 22 июня 1941 г. начался суровый экзамен – экзамен войной на полководческую зрелость.

За годы Великой Отечественной войны в разное время фронтовыми объединениями командовали 43 военачальника.

Со многими из них Г.К.Жукова, как уже отмечалось, не раз сводила военная судьба в межвоенный период. По своему происхождению практически все они, за небольшим исключением, были из рабочих и крестьян.

Большинству из них, кроме И.Р.Апанасенко, С.М.Буденного, К.Е.Ворошилова и М.А.Рейтера, к моменту начала войны не было 50 лет, а Н.Ф.Ватутин, М.М.Попов, И.Д.Черняховский были моложе 40 лет. Большинство из них, как и Г.К.Жуков, участники Первой мировой войны. Многие в старой армии дослужились до офицерских погон. Так, М.А.Рейтер был полковником, штабс-капитанами были А.М.Василевский, М.П.Ковалев, Ф.И.Толбухин, Н.Е.Чибисов, офицерские погоны носили И.Р.Апанасенко, И.Х. Баграмян, Л.А.Говоров, М.Г.Ефремов, Г.Ф.Захаров, Д.Т.Козлов, Ф.И.Кузнецов, П.А.Курочкин, И.Е.Петров, М.А.Пуркаев, П.П.Собенников, И.В.Тюленев, М.С.Хозин. Унтер-офицерские звания имели П.А.Артемьев, С.М.Буденный, В.Н.Гордов, Г.К.Жуков, К.К.Рокоссовский,

В.А.Фролов и Я.Т.Черевиченко. С.М.Буденный и И.В.Тюленев были полными Георгиевскими кавалерами.

Большинство командующих фронтами Великой Отечественной войны – участники Гражданской войны, многие из них в Гражданскую командовали соединениями и частями, а С.М.Буденный командовал армией. Некоторые из них в межвоенный период за умелое руководство войсками в боевой обстановке были удостоены звания Герой Советского Союза. Так, Г.К.Жуков и И.И.Федюнинский были удостоены этого звания за бои у р. Халхин-Гол, Д.Г.Павлов – в Испании, а М.П.Кирпонос, К.А.Мерецков и С.К.Тимошенко получили Золотые Звезды Героя во время советско-финской войны. Многие военачальники, которым довелось командовать фронтами в годы Великой Отечественной войны, в мирное время приобрели опыт командования крупными войсковыми объединениями, однако большинство из них в должностях, на которых их застала война, находились незначительное время (многие были назначены на должности в конце 1940 г. – начале 1941 г.). Большинство из них, за исключением К.Е.Ворошилова, Г.К.Жукова, Ф.Я.Костенко, И.Е.Петрова, К.К.Рокоссовского, П.П.Собенникова, С.К.Тимошенко, И.И.Федюнинского и М.С.Хозина, имели академическое военное образование.

В целом, несмотря на сходные во многом судьбы, военачальники, которым предстояло возглавить в годы войны фронтовые объединения, были к этой роли подготовлены отнюдь не одинаково. Были среди них талантливые военачальники, были и такие, кто по уровню своей подготовки и деловым качествам оказался неспособным решать стоящие задачи. Война все расставила на свои места.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, несмотря на все старания советского правительства, направленные на подготовку военных руководителей, Великая Отечественная война началась для нашей страны в условиях острого недостатка опытных военных кадров. Особенно это ощущалось на оперативном и оперативно-стратегическом

уровнях. Сказались годы репрессий, за которыми последовал быстрый рост численности армии. Но если командира взвода, роты можно было в то время подготовить относительно быстро, для подготовки же командира дивизии, корпуса и тем более командующего армией или фронтом нужны годы и годы напряженного труда.

Говоря о командных кадрах в начале войны, А.М.Василевский писал: "...не сразу и не везде появилось достаточное число одаренных и опытных военачальников. В первый год войны мы постоянно испытывали нехватку в генералах на руководящие должности, особенно на должности командующих фронтами и армиями. Они часто менялись, порой даже не успев показать на что способны. Но уже тогда у нас было немало хорошо подготовленных полководцев, таких, как Г.К.Жуков, Б.М.Шапошников, И.С.Конеv, К.К.Рокоссовский, Н.Ф.Ватутин, Р.Я.Малиновский, Л.А.Говоров, С.К.Тимошенко, Ф.И.Толбухин, М.В.Захаров и многие другие"⁵. К этому перечню по праву необходимо добавить и самого А.М.Василевского.

Не все военачальники, занимавшие высокие командные должности накануне войны выдержали экзамен войной. По-разному сложилась их военная судьба. Так, командующий Юго-Западным фронтом М.П.Кирпонос погиб в бою; командовавший в начале войны войсками Северо-западного фронта Ф.И.Кузнецов войну закончил командиром корпуса; командующий Западным фронтом Д.Г.Павлов был репрессирован в начале войны; командовавший в начале войны Северным фронтом М.М.Попов (самый молодой из командующих фронтами в 1941 г.) в годы войны успешно командовал фронтом, армией, руководил штабом фронта; командовавший в начале войны Южным фронтом И.В.Тюленев закончил войну командующим войсками Закавказского фронта. Кроме упомя-

нутых уже М.П.Кирпоноса и Д.Г.Павлова, не довелось дожить до Победы и И.Р.Апанасенко, Н.Ф.Ватутину, М.Г.Ефремову и И.Д.Черняховскому, в разное время командовавших в годы войны фронтами.

Г.К.Жуков с честью выдержал испытание войной, вступив в войну в должности начальника Генерального штаба, день Победы встретил, являясь заместителем Верховного Главнокомандующего, командующим войсками 1-го Белорусского фронта.

Обладея некоторыми общими чертами полководческого искусства, позволившими им добиваться успеха в операциях, такими, например, как способность проникать в оперативные замыслы противника, точная оценка сил, средств и возможностей противника, знание своих войск, тщательная подготовка их к операции, умение достигать оперативной внезапности, точный расчет сил и средств для проведения операции и ряда других, каждый из наших военачальников имел свой, присущий именно ему полководческий почерк. Ни один из полководцев второй мировой войны не сравнится с Г.К.Жуковым по глубине, широте, прозорливости стратегического мышления, по силе воли и организаторским способностям. А.М.Василевский был выдающимся мастером стратегического планирования. И.С.Конев обладал на редкость хорошей интуицией, умело сочетал мощь артиллерии с быстротой, натиском и внезапностью удара, однако не всегда удачно он действовал в обороне. Л.А.Говоров был непревзойденным мастером боевого применения артиллерии и отличался высочайшей организованностью. К.К.Рокоссовского, Р.Я.Малиновского, Н.Ф.Ватутина, И.Д.Черняховского отличало умение гибко маневрировать войсками в ходе операции. И.Е.Петров, действуя в обороне ограниченными силами против

превосходящих сил противника, проявлял исключительную оперативно-тактическую изворотливость и находчивость. Немало достоинств и особенностей полководческого почерка было и у других военачальников, прославившихся в годы войны. О характерных чертах полководческого искусства Г.К.Жукова и других наших прославленных военачальников можно говорить много. Однако это предмет особого разговора.

Мы же остановимся на одном вопросе: посмотрим на Г.К.Жукова как на воспитателя военных кадров.

Одной из характерных черт его полководческого почерка было постоянное стремление лучше узнать состояние и способности своих войск, глубже изучить возможности подчиненных командиров. Воспитание командных кадров и опора на них, особенно на кадры проверенные в боях, было его особой заботой.

Так, в период подготовки наступательной операции в районе реки Халхин-Гол в 1939 г., ставшей полководческим дебютом Г.К.Жукова, большое внимание он уделял подбору и расстановке кадров. Ему удалось тогда создать исключительно дееспособный коллектив единомышленников. В своей работе Г.К.Жуков опирался на своих заместителей – М.И.Потапова, М.А.Богданова, М.С.Никишева, которых высоко ценил и о которых впоследствии тепло отзывался, командиров частей и соединений, офицеров штаба. Многие из них были для Г.К.Жукова опорой и в последующем – в годы Великой Отечественной войны. Так, генерал Потапов, встретивший войну командующим 5-й армии Юго-Западного фронта, в первые дни войны был опорой Георгию Константиновичу при организации контрударов по танковой группе Клейста, когда в результате

крупнейшего танкового сражения, противник был задержан на целую неделю и был сорван его замысел окружения советской группировки в львовском выступе (в сентябре 1941 г. во время Киевской оборонительной операции генерал Потапов был тяжело ранен и попал в плен, где держался мужественно и с достоинством, после войны он командовал объединением, являлся заместителем командующего войсками Одесского военного округа). Генерала И.И.Федюнинского (на Халхин-Голе – командира 24-го мотострелкового полка) он осенью 1941 г. использовал в качестве командарма в критической обстановке, когда нужно было остановить немцев, рвущихся к Ленинграду. И.И.Федюнинский возглавил 42-ю армию, отражавшую главный удар немецких войск, стремящихся прорвать нашу оборону и ворваться в город.

“Почти каждый день в тот исторический сентябрь, – вспоминал генерал И.И. Федюнинский, – я имел самое тесное общение с Г.К.Жуковым. По телефону разговаривал по нескольку раз в день. Часто он приезжал в армию. И, что особенно важно, каждый разговор, каждый приказ командующего чему-то учил нас, что-то подсказывал нам”⁶.

После убийства Г.К.Жукова в октябре 1941 г. под Москву Федюнинский некоторое время командовал Ленинградским фронтом. Затем командовал армиями, был заместителем командующего Волховского и Брянского фронтов. В декабре 1943 г. был назначен командующим 2-й ударной армией, с которой прошел путь до Берлина.

Г.К.Жуков знал, что на части, имеющие опыт Халхин-Гола, на командиров и солдат, воевавших там под его командованием, всегда можно положиться. Встречу под Москвой осенью 1941 г. с одним из них – с И.И.Троицким (на Халхин-Голе – начальником штаба 11-й танковой бригады) он опи-

сал в своих воспоминаниях⁷. На фронтах Великой Отечественной войны халхингольцы, по оценке Жукова, дрались с немецкими войсками выше всяких похвал.

Показателен тот факт, что более 220 Героев Советского Союза, участвовавших в Великой Отечественной войне, прошли боевую школу Халхин-Гола. Среди них летчики дважды Герои Советского Союза А.В.Ворожейкин, С.П.Денисов, И.С.Полбин, легендарные танкисты И.Н.Бойко, А.Л.Гетман, П.П.Полубояров и многие другие.

Георгий Константинович высоко ценил кадры, закаленные в бою, и старался всячески использовать их боевой опыт. К примеру, он существенно усилил командный состав прибывшей на Халхин-Гол необстрелянной, слабо сколоченной 82-й стрелковой дивизии, организовав замену “значительного числа командного состава за счет фронтовых частей и начсостава прибывшего по нарядам Генштаба РККА”⁸. Накануне начала операции в части и подразделения, не имевшие боевого опыта, по его указанию были направлены бойцы и командиры, отличившиеся в боях, что, безусловно, положительно сказалось на боеспособности войск. Так он поступал не только на Халхин-Голе, и позднее.

На проверенные в боях кадры он опирался и смело выдвигал их в течение всей Великой Отечественной войны. На самые ответственные участки он, как правило, ставил тех, в ком был уверен. Достаточно назвать генерала К.К.Рокоссовского, хорошо известного Г.К.Жукову по совместной учебе и службе еще с 20-х годов, умело командовавшего в начале войны корпусом, затем армией, выдвинутого по его предложению на должность командующего фронтом, где тот проявил себя как выдающийся полководец. Можно также назвать Л.А.Говорова, который

под Ельней под руководством Жукова командовал артиллерией, а во время битвы под Москвой был выдвинут по инициативе Георгия Константиновича на должность командующего общевойсковой армией, а затем и фронтом и также ставшего одним из выдающихся полководцев Великой Отечественной войны. Таких примеров можно привести множество.

Своего рода кузницей кадров военачальников высшего звена стала битва за Москву. Целая плеяда командиров и командующих, выдержавших под руководством Георгия Константиновича суровый боевой экзамен в Подмоскovie осенью-зимой 1941 г., выросла со временем в прославленных военачальников высокого ранга. На учебу времени не было, оселком профессиональной пригодности для Жукова тогда была способность командиров и командующих выполнить поставленную задачу. Он опирался на тех из них, кто, используя свои знания и опыт, смело брал на себя ответственность, проявлял инициативу и самостоятельность, кто мог смело сказать правду в глаза, какой бы горькой она ни была. Таких командиров он ставил на самые ответственные участки, выдвигал на более ответственные должности. Кроме указанных уже К.К.Рокоссовского и Л.А.Говорова, в этом ряду следует назвать И.С.Конева, фактически спасенного Г.К.Жуковым осенью 1941 г. от участи упоминавшегося ранее Д.Г.Павлова, начальника штаба фронта В.Д.Соколовского, командармов Д.Д.Лелюшенко, В.И.Кузнецова, И.И.Масленникова, И.В.Болдина, И.Д.Захаркина, К.Д.Голубева, командиров соединений П.А.Белова, И.М.Чистякова, А.П.Белобородова, П.Г.Чанчибадзе, халхингольца А.Л.Гетмана, И.А.Плиева, М.Е.Катукова, П.А.Ротмистрова, С.И.Богданова, А.Г.Кравченко, К.П.Трубникова,

М.Д.Соломатина, начальника штаба соединения А.И.Радзиевского и многих других. Многие из них в последующем командовали фронтами и армиями, стали видными военачальниками.

Здесь уместно будет отметить, что, в то время когда в боях под Москвой крепчали советские командные кадры, в стане противника наблюдался своеобразный кадровый кризис. Так, 19.12.1941 г. после поражения под Москвой был смещен с поста главкома сухопутных войск генерал-фельдмаршал В. фон Браухич; отстранен от должности командующий группой армий "Центр" генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок; 26.12.1941 г. смещен с должности и отправлен в резерв командующий 2-й танковой армии генерал-полковник Г.Гудериан; за отдачу "самовольного приказа" об отступлении был лишен звания и уволен из армии без права ношения мундира командующий 4-й танковой группы генерал-полковник Э.Гепнер; 16.1.1942 г. отстранен от должности и уволен в отставку командующий 9-й армией генерал-полковник А.Штраус. (Всего после поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте в начале зимы 1941–1942 г. Гитлер снял с высших командных должностей 185 генералов, в том числе командующих всеми тремя группами армий, действовавшими на советско-германском фронте, многих командующих армиями).

Потом были Сталинградская и Курская битвы, операции по освобождению Украины и Белоруссии, в ходе которых Жуков также искал и находил талантливых командиров и военачальников.

Операции, проводимые под руководством Г.К.Жукова, готовились с исключительной тщательностью. При подготовке той или иной операции Георгий Константинович старался лично побывать во всех армиях, корпусах и дивизиях, участвующих в операции, не жалея сил и времени работал с командующими, командирами

соединений и их штабами. Перед началом операции под руководством Г.К.Жукова, как правило, с руководящим составом фронтов, армий, соединений проходили совещания или занятия на макетах местности. По свидетельству участников этих занятий, они были исключительно полезными, все было конкретно и поучительно. Обсуждения были предельно конкретны и предметны, без отвлеченных разговоров и теоретической риторики.

Вспоминая об одном из подобных совещаний, состоявшегося накануне контрнаступления под Сталинградом, К.К.Рокоссовский, в то время командующий Донским фронтом, писал: "Вопросы перед командованием ставились интересные, смелые, на совещании царил подлинно творческая атмосфера. Превосходную эрудицию, широкую осведомленность в обстановке показал Г.К.Жуков"⁹.

А вот как вспоминал о занятии, проведенном под руководством Жукова накануне одной из операций, маршал войск связи И.Т.Пересыпкин: "Я старый кадровый офицер, много раз участвовал в подобных играх, но такого искусства, какое показал Жуков, ни разу не встречал. На ящике с песком до деталей была воспроизведена впереди лежащая местность, включая и зону обороны противника. Были проиграны различные варианты предстоящего наступления. Все это обеспечило армии большой успех ..."¹⁰.

Г.К.Жуков внимательно выслушивал решения командиров соединений, при необходимости вносил необходимые коррективы. Он не зажимал инициативу командиров, предоставлял им определенную свободу действий, разумеется, в рамках решаемой задачи.

В ходе операции он внимательно следил за работой подчиненных, наблюдал, как они действуют в той или иной обстановке, как претворяют в жизнь ранее принятые решения, способны ли при необходимости принимать смелые, адекватные обстановке решения, при необходимости оказывал

им помощь. Служба под руководством Жукова была прекрасной школой для его подчиненных.

Г.К.Жуков доверял подчиненным, поощрял их неординарные решения, приучал командиров и командующих к творческому подходу при решении поставленных задач. Но с тех, кто не оправдывал доверия, не соответствовал должности, спрос был жестким.

В результате к концу войны выкристаллизовался мощный костяк управленческих кадров, которым были по плечу любые, казалось бы, невыполнимые задачи. Во многом благодаря Г.К.Жукову смогли проявить свой полководческий талант командующие фронтами И.Х.Баграмян, Н.Ф.Ватутин, Л.А.Говоров, И.С.Конев, К.К.Рокоссовский, Ф.И.Толбухин, И.Д.Черняховский, в той или иной мере воспитанниками жуковской школы могут считаться командиры П.И.Батов, А.П.Белобородов, П.А.Белов, Н.Э.Берзарин, С.И.Богданов, И.В.Болдин, И.В.Галанин, А.В.Горбатов, А.С.Жадов, М.Е.Катуков, В.Я.Колпакчи, А.Г.Кравченко, Н.И.Крылов, В.И.Кузнецов, Д.Д.Лелюшенко, И.И.Людников, К.С.Москаленко, С.Г.Поплавский, М.М.Попов, М.И.Потапов, Н.П.Пухов, А.И.Радзиевский, П.Л.Романенко, П.А.Ротмистров, П.С.Рыбалко, И.И.Федюнинский, И.М.Чистяков, В.И.Чуйков, М.С.Шумилов и многие другие военачальники, прославившие свои имена на полях Великой Отечественной войны.

Необходимо отметить, что в ходе войны Г.К.Жукову пришлось в разное время померяться силами со многими немецкими военачальниками, прославившимися блестящими победами над армиями большинства европейских государств. Под Ленинградом это был генерал-фельдмаршал В. фон Лееб, под Москвой – Ф. фон Бок, генералы Г.Гудериан, Г.Гот, затем генерал-фельдмаршалы Ф.Паулос, Э. фон Манштейн, В.Модель и многие другие. Все они имели прекрасное образование, богатый боевой опыт, но в конечном итоге оказались битыми, бессильными перед

полководческим искусством Г.К.Жукова и его соратников.

Действуя в годы войны зачастую в экстремальной обстановке при острой нехватке подготовленных, проверенных в боях не только командармов, но и командиров соединений, Георгий Константинович прекрасно понимал, что военачальников, способных привести армию к победе, нужно готовить еще в мирное время.

Кстати сказать, учитывая опыт войны, на подготовку резерва военных кадров он обращал самое пристальное внимание в послевоенное время, будучи Министром обороны. По его распоряжению работники высших кадровых органов подбирали в войсках командиров, которые в перспективе могли быть назначены на ключевые командные должности. Будущих военачальников

искали не по личным делам, не по бумагам, представители Главного управления кадров ездили по войскам, присутствовали на учениях, на заслушиваниях, присутствовали при принятии решений и постановке задач командующими войсками военных округов и армиями. По указанию Г.К.Жукова перспективных командиров направляли в академию Генерального штаба в специальное отделение, причем не зависимо от того, заканчивали они ее раньше или нет.

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы рекомендовать современным руководителям, отвечающим за подготовку военных кадров, обратиться к прошлому опыту.

Необходимо тщательнее отбирать кадры и загодя готовить их к решению самых сложных и ответственных задач.

Изучая профессиональное становление Г.К.Жукова и других военачальников Великой Отечественной, можно сделать некоторые выводы, которые, думается, будут полезны и при подготовке современных военных кадров:

1. Для достижения успеха в выполнении возложенной задачи от командира любого ранга требуется исключительная требовательность (прежде всего к себе) и ответственность за порученный участок работы.

2. Достичь высот военного искусства можно, только непрестанно, каждодневно работая над повышением своего военно-теоретического уровня, причем лучше, если самостоятельная работа будет дополняться учебой в военно-учебных заведениях, позволяющей углубить и систематизировать имеющиеся знания.

3. Исключительно важным для профессионального роста военных кадров является практический опыт командования подразделениями, частями и соединениями. Без умения решать на практике поставленные задачи, уверенно и грамотно руководить подчиненными в боевой обстановке теоретические знания устаревают и оказываются бесполезными.

4. Для расширения военного кругозора полезно, по возможности, чередовать службу на строевых должностях со службой в штабах и органах центрального управления.

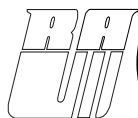
5. Росту профессионального уровня командных кадров в значительной мере способствуют внешние условия, в которых проходит командирское становление, в частности, уровень подготовки и личные качества старших начальников (непосредственных учителей), общий настрой (творческая атмосфера) в соединении, объединении, округе, в вооруженных силах в целом. Передовой опыт должен становиться достоянием всех.

6. Необходимо всесторонне использовать полученный боевой опыт (и не только свой), тщательно изучать его, выделяя положительные моменты и недостатки,

учитывая при этом, что военное дело не стоит на месте. Нужно постоянно помнить, что себя и подчиненных нужно постоянно готовить к войне, но к войне будущей, а не прошлой.

Примечания

- ¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. Т. I. С. 78.
- ² Конев И.С. Записки командующего фронтом 1943–1945. 3-е изд. М.: Воениздат, 1982. С. 552.
- ³ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1988. С. 108.
- ⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. Т. I. С. 136.
- ⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 2. 6-е изд. М.: Политиздат, 1988. С. 275.
- ⁶ Маршал Жуков: полководец и человек. Сборник. В 2-х томах. М.: Изд-во АПН, 1988. С. 206.
- ⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. 13-е изд. М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 15.
- ⁸ РГВА, ф. 32113, оп. 1., д. 679, л. 6.
- ⁹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы и флотоводцы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Воениздат, 1997. С. 196.
- ¹⁰ Антипенко Н.А. Рядом с Г.К. Жуковым и К.К. Рокоссовским. (Очерки). М.: ООО «Церера», 2001. С. 25.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

США и арабо-мусульманский мир

Андрей Бакланов

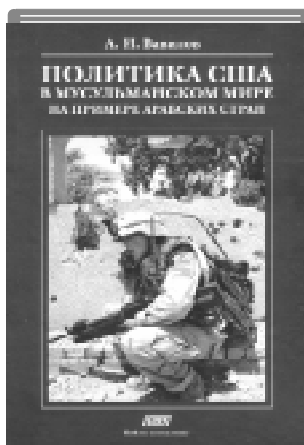
Из печати вышла новая книга известного российского ученого и дипломата А.И.Вавилова “Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран”.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что автор и издательство – “Библос консалтинг” на редкость удачно выбрали момент для выпуска исследования по этой тематике.

Новый американский президент Б.Обама, судя по его первым заявлениям и шагам в международных делах, твердо намерен сделать отношения с арабо-исламским миром одним из “коньков” своей внешней политики. Однако осуществить это будет нелегко. Его предшественник на посту президента США и группа политических и военных деятелей, на которые опирался Дж. Буш-мл. серьезно подорвали “имидж” Вашингтона в арабских стра-

нах, исламском мире в целом. Однако было бы упрощением подчеркивать только “негатив” последних восьми – девяти лет американской политики в арабо-мусульманском мире. Если брать военно-стратегическую сторону дела, то нельзя пройти мимо того, что американцы серьезно нарастили свое военное присутствие в этих странах, получили опыт ведения военных действий в разнообразных, как правило, весьма сложных условиях азиатского и африканского континентов.

Монография А.И.Вавилова – и в этом одно из ее главных достоинств – позволяет достаточно точно “взвесить” итоговые параметры взаимодействия Вашингтона с арабскими и исламскими странами, как в политической, так и в экономической, в том числе, энергетической сфере. Проведение такого анализа дает

БАКЛАНОВ Андрей Глебович – кандидат исторических наук, заместитель начальника управления международных связей Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, заместитель председателя Совета Ассоциации российских дипломатов, в 2000–2005 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Саудовская Аравия, Действительный Государственный советник Российской Федерации.

возможность более объективно оценить стартовые позиции и перспективы выработки нового курса американской администрации.

Все эти вопросы имеют самое прямое отношение и к нашей стране. США – важнейший партнер России в международных делах. Одновременно – это наш традиционный оппонент по многим мировым и региональным вопросам.

В последние годы наша страна сделала немало инициативных, зачастую достаточно нестандартных шагов, направленных на расширение своего влияния в арабо-мусульманских странах. Этот курс мы собираемся продолжать и дальше. Но действовать приходится в обстановке, когда огромное значение имеют факторы, обусловленные активностью третьих стран, в том числе США, государств-членов ЕС и т.п. Материалы монографии А.И.Вавилова позволяют достаточно точно определить характер наиболее вероятных действий американцев в арабских и мусульманских странах, в том числе, находящихся в непосредственной территориальной близости от Российской Федерации.

Важно, что А.И.Вавилов уже неоднократно ранее обращался к тематике взаимоотношений США с арабскими и мусульманскими странами, в том числе, в формате написания комплексных научных исследований. Это позволило автору опираться на сравнительный анализ политики различных администраций США, выявляя стержневые направления действий Вашингтона, обусловленные интересами тех групп, которые контролируют внешнюю политику США.

Можно согласиться с мнением автора в отношении того, что, избавившись от советского противовеса, политика США в последние полтора-два десятилетия стала приобретать все более агрессивные черты. Это, в свою очередь,

вело к угрозам стабильности и безопасности не только в регионе, но и на мировой арене в целом. В немалой мере под влиянием этого фактора эволюционировала политика Израиля – важнейшего ближневосточного регионального “игрока”. Изменения израильского курса характеризовались все большей жесткостью, стремлением освободиться от части достигнутых с таким трудом международных договоренностей, навязать арабом решения, “модифицированные” в сторону учета именно израильских требований.

Весьма ценным является то, что в книге А.И.Вавилова, в течение продолжительного периода находившегося “в гуще” ближневосточных событий и занимавшего высокие дипломатические посты в наших посольствах в странах ближневосточного региона, приведено немало оригинальных авторских оценок и наблюдений.

В работе А.И.Вавилова “старт” анализу ближневосточной политики США дает критический разбор американских действий в “иракском кризисе”. Это, в общем-то, новый “заход” для комплексных ближневосточных исследований отечественной арабистики. Традиционно, в качестве “точки отсчета” для исследования американской линии поведения на Ближнем Востоке и в исламском мире в целом служило изучение позиции Вашингтона в ближневосточном мирном процессе.

Как представляется, такое композиционное построение книги полностью оправдано. Дело в том, что именно Ирак в 90-е годы и в начале текущего века стал тем плацдармом, с которого “стартовали” попытки силового переустройства региона, “демократические” упражнения Вашингтона, его эксперименты по раздуванию противоречий между шиитами и суннитами, другими этно-конфессиональными группами населения.

А.И. Вавилов совершенно справедливо говорит о том, что сейчас весьма симптоматичным предстает поведение Вашингтона в дни “кувейтского кризиса”, упорное нежелание США отказаться от военной операции “Буря в пустыне”, несмотря на достигнутую Е.М.Примаковым за день до ее начала договоренность в личной беседе с С.Хусейном о выводе иракских войск из Кувейта в соответствии с резолюциями СБ ООН. Можно говорить об определенной “заданности” линии Вашингтона, обусловленной твердой убежденностью в том, что использование создавшегося шанса для военного вмешательства в дела региона даст немалые дополнительные возможности для укрепления позиций Вашингтона. И действительно, в результате последовавшей силовой акции американские войска прочно обосновались в стратегически важной зоне Персидского залива, создав удобный во всех отношениях плацдарм для будущих операций в этом нестабильном районе мира. Помимо политико-дипломатических и военных побед американцы одержали еще одну – информационно-пропагандистскую победу, – пишет А.И.Вавилов. Мир смотрел на войну “глазами Си-Эн-Эн”. Тщательно фильтруемый военным командованием видеоряд соответствующими акцентами формировал у рядового телезрителя искаженную картину развития событий, уводил в сторону от размышлений об их истинных причинах и последствиях”.

В книге анализируется весьма любопытный феномен – Буш-отец после военной победы в ходе кампании 1990 г. отдал приказ отвести американские войска из Ирака. Приводятся доводы, которыми руководствовался тогдашний американский президент: *первое*, войдя в Багдад и свергнув Саддама, американцы превратятся из освободителей в оккупантов и спровоциру-

ют сопротивление местного населения; *второе*: было бы трудно найти дееспособную альтернативу диктаторскому режиму – американцам пришлось бы на долго время брать на свой кошт население этой страны.

Подобные же доводы могли бы подвигнуть Дж-Буша-мл. на аналогичное решение в 2003 г. Однако это не было сделано. Автор приводит ряд причин такого сдвига американской линии в Вашингтоне. И здесь можно согласиться с тем, что решающее значение имели потенциальные (в виде контроля за нефтью Ирака) и реальные – в виде гигантских доходов компаний военно-промышленного комплекса США “дивиденды” за такого рода силовую акцию, которые приближались к астрономической отметке в миллиарды долларов.

Как представляется, именно раскрутка темы “опасности иракского ОМП” – наряду с “войной против терроризма” послужила побудительным мотивом, предлогом для резкого изменения настроений общественного мнения в США в пользу наращивания расходов на гонку вооружений. В этой связи необходимо отметить, что до этих кампаний, в начале – середине 90-х годов во властных структурах США, в том числе в сенате, в американских СМИ полностью преобладало мнение о нецелесообразности раздувания военных расходов в изменившихся после распада СССР условиях. Блокировались попытки американского ВПК получить новые военные заказы. Военным и их лоббистам в этот период никак не удавалось переломить такого рода настроения. Когда же были “раскручены” сюжеты с международным терроризмом и военной кампанией в Ираке, ситуация круто изменилась и требования военных относительно увеличения уровня бюджетных ассигнований на оборону стали достаточно легко проходить про-

цедуры утверждения на всех уровнях и во всех ветвях власти США.

В настоящее время, в условиях финансового кризиса, сокращение расходов на иракскую авантюру неминуемо. Отсюда – поиск иных, “несиловых” средств ведения дел в этой стране. Судя по материалам монографии А.М.Вавилова, можно предвидеть в ближайшем будущем активизацию попыток Вашингтона “размазать” свою ответственность за то, что произошло в Ираке, переключить на международные механизмы решение вопросов, связанных с преодолением тупиков и завалов, создавшихся на иракском направлении, главным образом, вследствие действий США.

В этих условиях встает вопрос о линии нашей страны в создавшихся условиях. Как представляется, нам, вряд ли, следует спешить брать на себя какие – либо обязательства по возмещению ущерба, нанесенного действиями американцев. Наоборот, следовало бы почаще напоминать США, всему международному сообществу, что именно неправомерные, основанные на заведомо ложных данных, силовые акции американцев стали первопричиной нынешнего бедственного положения в Ираке. Делать это необходимо с той же настойчивостью, с какой сами американцы любят рассуждать в отношении российских “неправомерных” действий, “непропорционального применения” нами военной силы в Закавказье и т.п.

Второе соображение. Об отношении к нам нового иракского руководства следует судить “не по словам, а по делам”. Есть целый пакет экономических проектов, в которых могла бы участвовать России. В ряде случаев дело идет о продолжении работы, начатой советскими и российскими специалистами и рабочими.

В-третьих, “иракское” направление могло бы стать важным элементом

формирующегося взаимодействия России со странами региона, в первую очередь Совета сотрудничества государств Персидского залива (ССАГПЗ). О целесообразности и возможность такого разворота наших совместных усилий мне неоднократно говорил при встречах Генеральный секретарь ССАГПЗ аль-Атыйя.

Поведение США в Ираке во многом предопределило параметры и направления их активности в других региональных делах, в том числе, мирном ближневосточном процессе.

Как представляется, А.И.Вавилов из всей мозаики проблем и аспектов ближневосточного арабо-израильского кризиса выбрал для углубленного анализа именно те, которые на сегодняшней день имеют особую актуальность. Это относится, прежде всего, к “феномену” победы на палестинских выборах группировки ХАМАС (Движение исламского сопротивления). Можно согласиться с мнением автора в отношении того, что США, а вслед за ними и Евросоюз сыграли отнюдь не конструктивную роль, объявив легитимному правительству, сформированному ХАМАС, бойкот. Это подлило огонь в противостояние между ХАМАС и ООП, стало одним из факторов, которые привели к тому, что нагнетание напряженности в борьбе за власть между различными силами внутри палестинцев вылилось в открытое масштабное противостояние. Соединенные Штаты вышли с инициативой проведения в Аннаполисе международной конференции по ситуации на палестинских землях и в ближневосточном мирном процессе в целом, однако ХАМАС не принял в ней участие. Конференция не привела к каким-либо серьезным результатам. В книге рассматриваются и другие попытки добиться разблокирования ситуации в отношениях между Израилем и палестинцами и между са-

ими палестинцами. В целом, как справедливо указывает А.И.Вавилов, до подлинных позитивных сдвигов на палестино-израильском направлении еще далеко.

Оценивая ситуацию в палестинских делах, автор монографии правильно отмечает общую тенденцию – сложности и “заторы” на пути достижения договоренностей только увеличиваются, а свежих конструктивных идей, способный вывести процесс урегулирования из тупика, пока нет.

По нашему мнению, было бы вполне оправданно, если бы автор предпринял попытку высказать свою точку зрения в отношении возможных вариантов преодоления тупиковой ситуации на палестино-израильском направлении мирного процесса, а также во внутripалестинских делах, в том числе, в контексте подготовки к Московской встрече по Ближнему Востоку.

Автор, давно изучающий механизмы принятия и проведения руководством США внешнеполитических кампаний в арабских странах, дал в своей новой монографии выверенный анализ курса на “демократизацию” Ближнего Востока, который в последние годы всячески пропагандировал официальный Вашингтон. “Стремление США к доминированию на Ближнем Востоке, заметно усиливавшееся после распада Советского Союза, в новых условиях складывавшейся многополярности на мировой арене потребовало соответствующей идеологической маскировки и благопристойной упаковки. В этой связи в региональной политике США в середине первого десятилетия нашего века форсированно звучит новый мотив – демократическое мессианство (ведь американская демократия – образец и пример для подражания всему миру), который активно перепевается в политической риторике и материалах СМИ”, – отмечает А.И.Вавилов.

Отличительной особенностью данной пропагандистской кампании было то, что она с самого начала получила “авторитетную” поддержку со стороны силовых структур США. Это в наиболее “классической” форме проявилось в Ираке, однако, в целом ряде случаев, вопросы военной помощи и поддержки в отношении реальных и мнимых угроз безопасности странам региона фигурировали в виде единого “пакета” американских усилий по направлению в “нужное русло” внешнеполитического курса арабских стран.

Арабские страны с самого начала весьма настороженно встретили “демократические” инициативы Вашингтона. Мне неоднократно приходилось слышать высказывания политических деятелей арабских стран, в которых содержалась критика этих американских идей. Арабов, естественно, не удовлетворила манера, в которой США “вбросили” эту идею – без предварительных консультаций со странами региона. Также их не устраивал “нажимной” характер рекомендаций, который по существу выглядел как требования или условия ведения дальнейших дел в регионе.

Следует сказать, что реальное развитие событий пошло не по американскому сценарию. Практически все государства региона, даже самые близкие союзники США, высказались в том плане, что они сами могут определять параметры своего демократического развития, без “подсказок” извне. В дальнейшем вопросы “демократизации” были “увязаны” с проблематикой Большого Ближнего Востока и после их обсуждения в рамках “восьмерки” приняли вид, более приемлемый для арабских стран. Все эти перипетии интересны еще и тем, что они показывают, что даже такие “упрямые” руководители США как экс-президент Дж.Буш-мл., сталкиваясь с отторжением тех или иных своих инициатив, идут

на серьезную модификацию или даже фактический отзыв своих предложений. Отсюда вытекает вывод – США все в возрастающей степени “не вытягивают” роль “супердержавы”, при этом не только главные глобальные “центры силы” в лице ведущих государств и объединений мира, но и страны “периферии” сегодня вполне могут сопротивляться попыткам диктата.

Заключительный “блок” проблем, поднимаемых в монографии А.И.Вавилова, связан с вопросами исламского радикализма, международного терроризма. Эта тематика широко обсуждалась в СМИ, научных и публицистических работах многих авторов. В этой ситуации не так легко найти аспекты или “повороты” темы, которые бы представили живой интерес для читателя. В этом вопросе автора “выручило” предметное знание реалий арабских стран. Особый интерес представил раздел, в котором излагаются соображения А.И.Вавилова в отношении перспектив деятельности исламистов.

На основе анализа многочисленных “составляющих” американо-арабских отношений в книге А.И.Вавилова содержится вывод о том, что для последних лет характерным является нарастание враждебности арабского мира по отношению к курсу Вашингтона. Об этом свидетельствуют и приводимые им данные опросов общественного мнения арабских стран. В случае, если такого рода линия США в регионе будет продолжена, автор прогнозирует дальнейшее углубление кризиса американской политики, расширение зоны нестабильности в регионе, новые вспышки противоречий и прямые столкновения со странами региона, отстаивающими свой суверенитет и право на независимое развитие.

Как представляется, такая перспектива вряд ли устроит 44-го президента

США, который всячески подчеркивает свое желание “подправить” пошатнувшийся имидж США, в том числе в арабо-мусульманском мире. Выступление Б.Обамы в Каирском университете во время его первого визита в регион (июнь 2009 г.), где он по существу развернул свою программу улучшения отношений с этой частью международного сообщества наций, свидетельствует о том, что изъяны и негативные черты предшествующего периода достаточно ясно осознаются новым американским руководством. С другой стороны, важно подчеркнуть, что политическая линия предыдущей администрации, негативно воспринимавшаяся в арабском мире, – была связано не только и не столько с характерным для последних лет дефицитом интеллектуальной проработки ближневосточных проблем, “нахрапистой” манерой действовать в международных и региональных делах, но и с влиянием “особых интересов” мощных “центров силы” внутри истеблишмента США. В этом плане монография А.И.Вавилова дает возможность лучше понимать степень “инерционности” внешнеполитического курса Вашингтона, рамки изменений, которые новое руководство страны на деле способно провести в жизнь.

В целом, книга А.И.Вавилова, без сомнения, будет с интересом встречена экспертным сообществом нашей страны. Вместе с тем, она может быть рекомендована для включения в список литературы, используемой студентами высших учебных заведений гуманитарного профиля. Было бы полезно также перевести ее на арабский и другие иностранные языки.

Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран. Опыт критического анализа. М.: Библос консалтинг, 2009. – 352 с.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer” в соответствии с указаниями ВАК

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте: E-mail: observer@nasled.ru или предоставляется на дискете в программе Word вместе с распечаткой: текст дается кт. 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть структурирован.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подтверждающие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала).

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте:

[http: // www.rau.su](http://www.rau.su)

Where is mankind headed?

Bazhanov Yevgeny
Bazhanova Natalia

Besides USA another aspirant for global leadership emerged in the beginning of the XXI st century. That aspirant is China which has been developing at high speed during past three decades. Beijing conducts a cautious policy and denies any hegemonistic designs, nevertheless the outside world began to talk about necessity to deter “the Yellow Dragon”.

Russia also became a source of worries abroad as it was recovering from the post soviet decline and was increasingly demonstrating its desire to project power in international relations.

In addition to the USA, China and Russia other challengers for the role of independent power centers may emerge: India, United Europe etc.

It is obvious that the world once again is moving to multi-polarity. The essence of this objective process is fast shifts in balance of power which may lead to destabilization and conflicts. There are also worries as to how stable and harmonic will be the future multi-polar system.

Key words: China; Modernization; Overall Might; Power Center; Hegemonism; Confucionism; “Yellow Dragon”; Recovery of Russia; Movement to Multi Polarity; Balance of Power; Superpowers.

About the author: BAZHANOV Yevgeny is the Provost for Science and International Relations at the Russian Foreign Ministry’s Diplomatic Academy in Moscow, Professor, Doctor of History, a Distinguished scholar of the Russian Federation.

BAZHANOVA Natalia – Professor, Doctor of Economics.

Terrorism and Armed Struggle

Isakov Anatoly

The article deals with some moments in the history of terrorism that could permit to make conclusion about the possibility under certain conditions for terrorists to gain political power in some countries through an armed struggle.

Key words: terrorism, armed struggle, opposition terrorism, political power.

About the author: ISAKOV Anatoly is the honored woker of a science of the Russian Federation, the doctor of military sciences, the professor of legal high school.

Legal Basis of Regulating a Military Conflict of Noninternational Character

Nikolay Ostroukhov

In the article it is analysed the additional protocol to the Geneva Convention dated 12.08.1949 dealing with the defence of the victims of a military conflict of the non-international character (Protocol II) and on this basis it is revealed some peculiaritis of a

military conflict of non-international character and it is differentiated the concepts of internal tension and internal military conflict.

Key words: Protocol II, military conflict of non-international character, counter-government side, rebels, government armed forces.

About the author: OSTROUKHOV Nikolay – Candidate of Law, Ministry of Foreign Affairs.

Radicalisation of Islam in the South Federal District of the Russian Federation

Vladimir Galitsky

The article is devoted to the evolution in development of radical Islam on the territory of the South Federal District of the Russian Federation. It deals with the reasons of radicalisation of Islam in this region and contains proposals to restrain this process.

Key words: radical Islam, radicalism, Salafiya, Wahabism, Muridism, extremism, terrorism, intolerance, reasons, results.

About the author: GALITSKY Vladimir – Member of the Academy of Military Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Captain (Navy).

Philosophical Approaches of the Western Countries to National Security

Veronica Klimova

Determining philosophical and ideological approaches of the Western countries (especially France and USA) to national security, the author considers such concepts as “Eurocentrism”, “Atlantism” and “Multilateralism” and their role in different models of national security.

Key words: Eurocentrism, atlantism, interventionism, soft force, the global responsibility, unilateralism.

About the author: KLIMOVA Veronica – Post-graduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry for Foreign Affairs of Russia

The Formation of the European Union's Environment Policy

Alexey Gusev

Pointing out, that nowadays environment protection is the most significant line of the European Union activity, the author deals with the problems, principles and mechanisms of the EU environmental policy and makes a conclusion that European Union is the world leader in realization of the ecological policy and it also successfully settles many environmental problems to keep the environment on the continent, using numerous effective mechanisms of its realization.

Key words: Europe, the European Union, the environmental policy, principles, mechanisms of environmental policy formation.

About the author: GUSEV Alexey – Senior Lecturer of the International Academy of Business and Management, Candidate of Politologie.

International Coordinates of Iberian Identity

Studying cultural and economic aspects of Pyrenean foreign policy, the author discovers the role of Spain and Portugal in the system of international relations. In addition, the author pays attention to the policy of Iberian states in the Mediterranean region and to the development of relations with the USA.

Key words: Lingvo-cultural integration; european periphery; national identity of Iberian states.

About the author: FEDOROV Kirill – Head of “United Catering” company, graduated from The Moscow State Institute of International Relations of the Russian Federation Ministry for Foreign Affairs.

Transformation of Political Process in Georgia System

Ruslan Lekov

In the article dynamics of political process in the postSoviet Georgia is revealed. Giving a special attention to transformation of political system of republic, the author pays attention to the reform of electoral process, analyzing thus results of the most significant electoral companies.

Keywords: political process, democracy, an electoral system, political parties, reform, elections.

About the author: LEKOV Ruslan Valerievich – the post-graduate student of faculty “new, newest history and historical political science”, historical faculty of the North-Osetiya state university it. K.L.Hetagurova.

The State-operated Sector in Vietnam's Economy

Vladimir Mazirin

In regard to global economic crisis the paper analyses state participation in Vietnamese multi-component economy and state-operated sector transformation. It observes the problems of state-run enterprises equitisation and formation of corporations. The author argues a thesis on state capitalism and corporate system building in Vietnam. This experience is considered to be useful for the changing of capitalist economy model which dominates in the world.

Key words: state capitalism, state-operated sector, state-run enterprises, corporations, multi-component economy, development model, global economic crisis, market reforms, equitisation.

About the author: MAZIRIN Vladimir – Canditate of History, Leading research worker of the Center on studying Vietnam on ASEAN in the Far East Institute of the Russian Academy of Sciences.

Feasible Solution of the Iranian Nuclear Problem

Victor Mizin

The Article is devoted to one of the most actual and complex problems of modern foreign relations – the Iranian Nuclear Programme. The Author proposed a new approach, using which the Russian diplomacy could help to decide this difficult question.

Key words: Ahmadinejd, Large Near East, inspections Iran, Zanger Committee, Nuclear Non-Proliferation Treaty (NPT) MAGATE.

About the author: MIZIN Victor – Candidate of History, Leading Research worker of the MGIMO-University MFA, Russia.

Qatari Regional Policy and Relations With Russia

Eldar Kasaev

Performing detailed analyses of establishment of sovereign Qatari state dynamics of Qatar's relations with neighbour states and Russia, the author points out the particular importance of this monarchy on political arena, primarily in the issues of international energy cooperation.

Key words: Qatar, Middle East, territorial dispute, natural gas.

About the author: KASAEV Eldar – Graduated from the International Institute of Energy Policy and Diplomacy at the MGIMO-University MFA Russia (2008). Writes his Cand. Sc. (Law) thesis at the Chair of International Law of MGIMO-University MFA Russia.

G.K.Zukov on Training Military Personnel

Vladimir Afanasiev

Michail Tichonov

Considering problems of High-ranking military personnel before and during the Great Patriotic War, the authors referring to Marshal Zukov's attitude towards this problem consider that the experience of high Officer's training at that time must be used now.

Key words: military personnel, training of high-ranking officers.

About the author: AFANASIEV Vladimir – senior research worker of the Central Museum of the Armed Forces of Russian Federation.

TICHONOV Michail – research worker of Peter the Great Military Academy.

The United States of America and Arab Moslem World

Andrey Baklanov

In his essay A.G.Baklanov analyses the recently published book "The US Policy towards the Islamic World by the Example of the Arab Countries" by Prof. A.I.Vavilov.

Key words: "arrogance of power", unilateralism, "democratization American style", Islamic radicalism.

About the author: BAKLANOV Andrey – Deputy Chief of the International Department at the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Council of the Russian Diplomats Association. At 2000–2005 the Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation at the Kingdom of Saudi Arabia, the Acting State Cancellor of the Russian Federation, PhD (History).

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 13.08.2009. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 172.